

ВАЛЕНТИН КОЛЕСНИКОВ

V. Speys

ЧАСТЬ-1

ФАЕТОН

**НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН**

Валентин Колесников

**Фаэтон. Часть 1. Научно-
фантастический роман**

«Издательские решения»

Колесников В.

Фаетон. Часть 1. Научно-фантастический роман /
В. Колесников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516446-9

Роман основан на «реальных» событиях, произошедших на Фаетоне.
Космические посланцы — кто они, друзья или враги? Тайное Правительство
Земли. Кто влияет на ход истории? Изложено в этой книге... Сборник состоит
из четырех ранее опубликованных книг «Фаетон».

ISBN 978-5-00-516446-9

© Колесников В.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Пролог	8
Глава первая, Книга-I, Тир	10
Глава вторая	20
Глава третья	23
Глава четвертая	36
Глава пятая	40
Глава шестая	47
Глава седьмая	50
Глава восьмая	56
Глава девятая	60
Глава десятая	62
Глава одиннадцатая	66
Глава двенадцатая	75
Глава тринадцатая	82
Глава четырнадцатая	84
Глава пятнадцатая	94
Глава шестнадцатая	104
Глава первая, Книга-II, Эфес	112
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Фаетон. Часть 1

Научно-фантастический роман

Валентин Колесников

© Валентин Колесников, 2020

ISBN 978-5-0051-6446-9 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-6445-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Синopsis на научно-фантастический роман Фаетон

Автор: Валентин Альбертович Колесников.

Авторское Свидетельство на роман «ФАЕТОН»

под №26426 от 12.11.2008г. псевдоним В. Спейс (V. Speys).

Об авторе: Валентин Альбертович Колесников, родился в живописнейшем предместье Киева. Так уж случилось в его жизни, что в детстве он помог спастись двум пилотам Неопознанного Летающего Объекта, терпящим, волею слепого случая, бедствие. Угроза, неминуемой гибели экипажа от чрезмерно любопытной толпы местных детей подростков, была предотвращена. Однажды, инопланетяне навели своего спасителя с благодарной миссией. Как это было рассказано автором в Книге-ХI Чужие.

Роман состоит из 12 книг:

- 1 Книга – I Тир,
- 2 Книга – II Эфес,
- 3 Книга – III Панацея,
- 4 Книга – IV Двумикий Мир,
- 5 Книга – V Троянский конь,
- 6 Книга – VI Цепная реакция,
- 7 Книга – VII Эдем,
- 8 Книга – VIII Дипломатический корпус,
- 9 Книга – IX Коалиция,
- 10 Книга – X Новая Эра,
- 11 Книга – XI Чужие,
- 12 Книга – XII Гравитационный циклон.

Цивилизация Фаетона, некогда прекрасной планеты-близнеца Земли, была создана Союзом высокоразвитых существ-гуманоидов Вселенной. Принц Лакии, Тир, (одного из государств на Фаетоне), жертва дворцовых интриг, попадает в жаркую безводную пустыню; Чудом остается жив: Ценою невероятных страданий добирается до жилища пастухов. Спустя год, возвращается во дворец, где ждут его новые испытания Судьба планеты предопределена; Как предопределено будущее Земли? Ответы на загадочное прошлое и будущее найдете в пережитых приключениях героев этой книги...

Вступление

Много миллионов лет тому назад Союз Высокоразвитых Цивилизаций Вселенной стал воплощать в жизнь основной Закон существования и развития разумной жизни, которая должна развиваться на окраинах галактик, наиболее пригодных для этого. Наша галактика Млечный Путь имеет хорошие условия для воплощения замысла. Была выбрана Солнечная система. И воплощение началось на планете Фаетон. Пока велась подготовка и первые этапы воплощения, среди Цивилизаций было согласие, ибо каждая преследовала свои цели. Но, по мере того как на Фаетоне развивалась жизнь развивались и разногласия в среде Союза. Эти разногласия в основном разделились на две категории, а именно:

Первая – за эксплуатацию жизни Человека путем исследования поведения в искусственно создаваемых экстремальных ситуациях и отбор при этом живительных энергий, генерируемых Человеком для питания и пополнения своих собственных жизненных сил.

Вторая – более гуманная, за эксплуатацию жизненного опыта Человека накопленного в процессе жизни в искусственно созданных экстремальных условиях. Эти две концепции породили непримиримые разногласия и вражду между двумя группами внутри Союза, но обладая исчерпывающими знаниями законов Космического устройства Вселенной и зная, что войны между собой равносильны самоубийству. В Союзе царит мир и строгое соблюдение правил и Законов экологических процессов, происходящих в Космосе. Скованные жесткими рамками сосуществования, эмоции разногласий перенесены на многострадальное Человечество... И питание жизненными энергиями Человека идет как при его жизни, так и после смерти (используется накопленный жизненный опыт, превращенный в энергетические сгустки сгенерированных Человеком энергий).

А что же сам Человек? Человек, как было сказано это воплощение лучших качеств отданных Высокоразвитыми Цивилизациями и сконцентрированных в нем. Наделенный этими качествами, он стремится вырваться из-под контроля своих создателей-опекунов, но каждый раз, когда знания достигают знаний высших Космических Законов Вселенной, Союз стирает с лица планеты-инкубатора Человеческую Цивилизацию. Для чего? Перед неумолимым Законом уничтожения, который является итогом конца необходимо возрождение, ибо материя Вселенной сжимается до состояния точечной субстанции, когда нет ни пространства, ни времени, ни материи. Возрождение происходит из Высшего Разума, который возрождает Вселенную из точки и возрождается Сам Высший Разум, ибо Он всегда есть и не может существовать в материальной субстанции без пространства, времени, как и сама материя.

Итак, для возрождения необходим накопленный опыт Цивилизаций, а для его приобретения выведен Человек наделенный лучшими качествами, которые дали ему как дары Высокоразвитые существа Вселенной. Человек запертый в оковы атмосфер и сил притяжения планеты; фактически явился в мир заложником своих создателей – экспериментаторов, обладающих могущественными орудиями Космического знания. Стремясь вырваться из этих оков. Человек, намного превосходящий, своих внешне непривлекательных создателей, по своим способностям, восприятию красоты и гармонии Вселенной, быстро достигает совершенства. Но Союз не дремлет, ибо знает, что, достигнув совершенства Человечество утвердится в Космосе и разорвет живительные токи генерируемых энергий, в изобилии питающих разумных создателей. Заняв достойное положение в Космосе, Человек сравнится с Высшим Разумом Вселенной, которым является Бог, Бог осуществит обещанное, отдаст Союз Высших Цивилизаций (Библейских ангелов) в подчинение Человеку и Человечество станет народом Самого Бога. И только разжигая в Человеке дикие инстинкты, рожденные в борьбе за существование, как-то: злость, предательство, братоубийство и прочее... Цивилизации Вселенной преподносят Богу Отцу (Высшему Разуму Вселенной) Человека не достойного, Человека – разрушителя и как итог сти-

рание с лица планеты-инкубатора Человеческой цивилизации, достигшей «запретных» знаний. Высший Разум Вселенной, Бог, стремится помочь Человеку, созданному по образу и подобию Его. Неоднократно посылал Он к людям Мессию. Поэтому есть у Человека Библейский путь по которому может он вырваться из кабальной опеки Космических «отцов» и занять достойное место среди Вселенских Цивилизаций. Но, никогда Высшие Цивилизации Космоса, ни при каких обстоятельствах не поделятся с Человеком своими достижениями, ибо будут немедленно оттеснены на второй план по естественным законам развития, что равноценно вырождению, гибели или жизни во служении Человеку. Поэтому, обладая возможностью быть невидимыми для Человеческого восприятия, они влияют на ход исторических процессов с целью увлечь Человечество на ошибочные пути, затормозить эволюцию.

Примеров этому много. Прогрессивные исторические личности Человечества Земли, как правило, успевали сделать только один толчок к прогрессу, как немедленно «злой рок» уносил жизнь еще полного сил и замыслов лидера. Чтобы выжить, получить обещанное Богом: бессмертие, счастье, радость жизни без боли болезней и т.д., Царствие небесное на Земле, надо помнить, что Человек – это избранник Бога, Космического Разума Вселенной и научится защищаться от массивного потока дезинформации, хлынувшей на Человечество. Чем интенсивнее мы будем защищаться, тем интенсивнее на нас будут воздействовать высшие Цивилизации Космоса, ибо по замыслу Божьему мы Его народ, а защитится и выжить Человек может только соблюдая простые истины, изложенные в Слове и проповеданные Его посланниками известными с древних времен во всех религиях Мира;

Уничтожая Человечество на Фаетоне, как порок пред Лице Божия,

Союз вынужден возрождать нового Человека, подыскивая подходящие земли, материки на новых планетах...

Пролог

Среди городов Мира на Фаетоне главенствующее место принадлежит Миражу.

Этот город возник на стыке двух времен двух исторических эпох. Первая еще не успела умереть, вторая – окрепнуть.

Первая эпоха принадлежит к эпохе разрушительных междоусобных войн, когда государства планеты, снедаемые алчной завистью

друг к другу, вели опустошительные войны, приведшие к небывалой бедности, голоду, разрухе и эпидемиям.

Вторая эпоха принадлежит к эпохе небывалого процветания, расцвета человеческого гения. А было так: Среди воюющих государств затерялось одно, маленькое и незначительное в политической жизни, монархическое государство, управляемое царем. Оно умело лавировало, сохраняя нейтралитет, и не воевало. Воюющие страны незамедлительно использовали его, как нейтральную страну для тайных переговоров, встреч и бесед, хитросплетений и политических интриг. Страна эта кишела тайными агентами спецслужб всего Мира, и гостиницы в нем не пустовали. Мало-помалу в банках Лакии, так называлось государство, стали скапливаться мировые запасы золота. Государство постепенно превратилось в Богатейшую страну Мира, к голосу которой прислушивались.

И настал день, когда солдаты воюющих государств договорились между собой, минуя генералов, пославших их на смерть, и прекратили войны. Просто разошлись по домам. В государствах царил хаос. Чтобы хоть как-то спасти свою власть, правительства заключили долгосрочный Союз о мире и дружбе, так называемый Союз Перемирия. А поскольку Лакия сохраняла статус нейтрального государства, то договорились также, что Лакия будет играть главенствующую роль в Союзе и поможет поддерживать порядок, где это будет необходимым. Союз Перемирия принял решение; царя называть Президентом, а царского визиря – Советником Президента и возложить на него также обязанности министра иностранных дел. А чтобы не обидно было другим государствам, решено построить Столицу Мира в центре безводной пустыни. Проложить к ней автостреды и железнодорожные коммуникации и превратить пустыню в цветущий край. Безбрежные барханы песков, огромное пространство и плоды Мира и Союза государств не замедлили сказаться. Миллионы безработных, голодных людей получили работу. Все как один осваивали мертвые пески. Пустыня Пястка ожила, наполнилась голосами людей и гулом моторов. В сердце ее стал вставать белокаменный город. Союзные правительства потирали руки, как ловко им удалось провести Лакию. Ведь на средства этой страны строилась Столица Мира и оживала пустыня. Мир принес странам: богатства, счастливую и радостную жизнь, свободный труд. И настал день. Президент въехал в свой роскошный дворец, выросший в центре Столицы, со всех сторон обсаженный молодыми саженцами будущего огромного парка. Город был выстроен довольно быстро в течение пяти лет. К городу со всех сторон тянулись автостреды и железнодорожные пути. Всего их было четыре: Южная, Северная, Западная и Восточная ветки. В Столицу по ним доставлялось все необходимое для продолжающегося строительства и жизни города. Но самое главное, без чего немислима жизнь! – это вода. Ее нашли на глубине трехсот метров. Целое море пресной воды, сдавленной со всех сторон глубинной породой, ждало своего часа. И час пришел. Из скважин хлынул поток, устремляясь по старому руслу реки в пески. Строители тут же соорудили канал, и река замкнулась в круг. Из этого надземного водохранилища по множеству ответвлений – каналов вода уходила в пески на орошение. Так образовалась река Непри. За годы существования Столицы Мира, до сего времени пустыня превратилась в цветущий сад, а жаркий климат в мягкие субтропики. Государства, получив передышку и окрепнув, подумывали уже о первенстве над Миражом. Но было поздно. Свод законов, изданный во время Соглашения Президентом под-

чинил их его воле, а налаженная государственная машина, силой армии Лакии и наемников, закаленных в войнах, опытных и безжалостных, быстро и жестоко подавляла любые выступления. Но ситуация с каждым годом усложнялась, и нынешнему Президенту, и его Советнику, как никогда, нужны были надежные, преданные люди, готовые на любые действия, в любое время дня и ночи...

Глава первая, Книга-1, Тир

Зной. Высоко в синем небе трепыхается крылышками маленькая пташка. Если лежать на спине и смотреть вверх, то птичка кажется комочком земли, застывшим в небе, лишь разливистое пение и трепыхание крылышек выдает в ней певца полей – жаворонка. Над хлебным полем, тянущимся от недалекой рощицы до озера, застыло несколько живых комочков. Соревнуясь друг с другом в пении, жаворонки поднимаются все выше и выше в бездонную синь. Хорошо лежать на спине в прохладной тени колосьев хлебного поля, когда вам всего десять лет от роду и когда вокруг никого, кроме неба, просторов полей да бесконечной песни жаворонка. Вдруг в гуще стеблей раздался шелест. «Это, верно. Русалка!» – пронеслось в сознании. Леденящий страх полз к босым ногам Мальчика. Он вскочил с места. Худощавый, с выступающими ключицами, виднеющимися сквозь ворот расстегнутой безрукавки. Расширенные зрачки каре-зеленых глаз с испуганным любопытством смотрят в сторону шороха. Слышен лишь шум ветра в волнистых колосьях. И вокруг никого. Но вот, метрах в трех от мальчика, зашелестели колоски и стремительной дорожкой устремились прямо к нему. Он испуганно застыл на месте. Черное лохматое существо бросилось из сплошной заросли стеблей на мальчишку,

скуля по-щенячьи, пытаясь лизнуть в лицо.

– Марсель, это ты? – со вздохом облегчения сказал мальчишка. Пес с обвислыми ушами весело прыгал вокруг. Мальчик теребил его за голову, совал в открытую пасть руку, а тот делал вид, что кусает, осторожно прижимая пальцы руки зубами. Пес и мальчик, играя, вышли на проселочную дорогу и направились в сторону озера. Марсель первым бросился в воду. Вздымая тучи брызг, пес носился по песчаной отмели берега, весело вертел головой, с нетерпением дожидаясь мальчишку. Тот еще возился на берегу, снимая одежду, когда пес, потеряв терпение, холодной мокротой шерсти обжег тело.

– Пошел вон, гад! – выругался мальчик, отгоняя пса. Тот отскочил в сторону, чтобы броситься вновь, уже следом за хозяином, в теплые волны озера и плыть рядом. Высоко над ними, белыми пуховыми копнами, плыли облака. Среди голубых просторов неба бежали тучки далеко в неведомые неизведанные края. – «Взлететь бы к ним!» - мечтательно думал мальчик, уже представляя себя летящим рядом. Словно в невесомом пространстве парил он над землей, ощущение, растворяющее вес тела, давала вода.

Внизу сквозь прозрачную ее чистоту видно дно, поросшее водорослями, словно чудится с высоты Земля с ее лесами, полями и оврагами.

– Уф-ф-р! – фыркнул он. Дух перехватило от мечты о безграничных просторах голубых далей. А если закрыть глаза и нырнуть, то попадешь в невесомость Космического пространства, и ты уже в скафандре на неведомой станции, забытой пришельцами с других миров.

– Уф-ф! – не хватало дыхания, а то бы погоняться за жирными карпами, сонно виляющими хвостами невдалеке...

Вечерние сумерки сгустились над поселком. По пыльным улицам брели отары овец. Пастухи на маленьких юрких лошаденках вертелись возле отар, подгоняя длинными плетками отстающих. Овцы блеяли, словно сговорившись, в строгой очередности одна за одной, то дружно, то поодиночке. От гиканья пастухов и голосов овец на улицах поселка воцарилась вечная песня веков, и ныне ожившая с вечерними сумерками. То возвращались с пастбищ чабаны. Старая седая крестьянка стояла возле ворот, глядя в тусклым взглядом в серую мглу. Черные одежды старухи покрылись коричневым налетом пыли. Чтобы лучше видеть, она поднесла сухую со скрюченными пальцами дрожащую ладонь ко лбу.

– Эй, Амир?! – беспокойно окликнула она проезжающего мимо пастуха.

– Ты не видел моего сына?

– Видел, мама Наа. – Ответил тот молодым звонким голосом, он идет последним!

Старуха успокоилась, стала ждать. Пыль осела, поднятая последней отарой. А старая Наа все так же стояла в ожидании, устремив морщинистое лицо в темнеющую даль.

В сумраке вечера доносились отдаленные голоса овец, со всех концов поселка, трудно было что-либо разобрать в разноголосое наступающей ночи.

Из серой мглы вынырнули первые овцы. Издали они напоминали охапки сена, чудом ожившие и семенящие на четырех палочках-ножках. Они быстро приближались и, увлекая за собой остальных, вбегали в раскрытые ворота.

– Ах, сорванец! – ругался хриплым простуженным голосом чабан! – Ну появись мне, я с тебя семь шкур спущу!

Он шел пешком, сильно хромя на правую ногу. В левой руке держал повод исхудалой лошади, которая плелась следом.

– Что, опять пропал? – трескучий от старости голосом спросила Наа.

– Да, и пса с собой утащил. Мне целый день пришлось гоняться за овцами.

– От паршивца! – громко выругалась старуха. Было ясно, что-то, о ком говорят, здесь не любили.

– Эй, Жаннет! – крикнул чабан.

На порог деревянного дома выбежала молодая девушка в длинной юбке и переднике с толстой тугой косой черных как смоль волос, ниспадающей до пояса.

– Помоги загнать отару в хлев.

Жаннет и чабан быстро загнали животных в помещение...

Мальчик пришел поздно. В окнах деревянного дома ярко горел свет. Он осторожно подошел к стеклу, заглянул вовнутрь. За столом сидели пастух, Жаннет и Наа. В тарелках парилась пища, каждый черпал ложкой и ел. Мальчик проглотил слюну. Марсель вертелся у ног и вдруг жалобно заскулил. Пастух за столом оторвался от еды, прислушался. Затем резко вскочил со стула и, ковыляя, направился к низкой двери. Возле косяка снял с гвоздя ремень и вышел во двор.

– Где шляется, щенок?! – громко крикнул он, вглядываясь в темноту. – Ану иди сюда, я с тобой разберусь?

Мальчик сидел в зарослях лопуха, дрожа от страха. В животе бурлило. Голод оказался сильнее. Он нехотя поднялся и медленно, потупив взор, направился к отцу.

Через минуту донеслись хлесткие удары ремня и сдержанное всхлипывание. Жаннет сидела за столом, закрыв лицо руками. По щекам у нее текли слезы.

– С тех пор, как умерла мать! – холодно говорила старуха, – Дену приходится туго. Мальчишка совсем от рук отбился, вместо помощника растим лентяя, нахлебника. Вон у соседей, Амир, золотым ребенком был и сейчас родители не нарадуются. Чабан! А это что?! – она не нашлась что сказать, махнула рукой. Затем принялась за еду.

Дверь скрипнула. На пороге показался Ден. Он держал за ухо мальчишку, тот плакал, размазывая смешанную со слезами пыль по лицу.

– Садись! – приказала ему старуха, указывая на свободный стул. Затем зачерпнула из кастрюли половником и подала суп в тарелке. Мальчик с аппетитом стал есть.

– Поговаривают, – начал Ден, – что в воскресенье будет аукцион.

– Ты что же, надеешься что-нибудь продать?! – спросила недовольно мать.

– Да, я бы хотел попытаться, может, на этот раз повезет.

– Ха-ха-ха, – нарочито зло засмеялась Наа, – ты надеешься на успех? Послушай, старую мать, если не хочешь потерять все, не суйся, еще время не пришло.

– Надоела мне нищета, мама! – в сердцах возразил сын. – Да и лентяй растет, разве ему эта крестьянская жизнь?

– Ты не крестьянин! Ты потомственный чабан! – властным голосом сказала мать, доказывая свое происхождение с горделивой осанкой, насколько позволяло ей старое тело. – Я удерживала тебя, когда ты сунулся в наемники в Нарфу, и что из этого вышло. Получил увечье бедра. Э-эх, не слушался старую мать. Ни одна из нас плохого своему сыну не пожелает.

– Сколько вам доказывать, мама, не в наемники, а в дворцовую охрану. И потом я нашел золотую шерсть!

– Не время еще, я тебе говорю! И забудь об этом.

Мать по-мужски стукнула ладонью по столу. В такие минуты она нравилась мальчику. Он даже переставал есть, наблюдая восхищенными глазами за бабушкой.

Ужины редко кончались без подобных застольных разговоров. Жаннет в это время гремела посудой, убирая со стола. Последним встал мальчик.

– Омар! – окликнула его девушка! – ты куда?

– А, спать. – Тепло взглянув на сестру вспухшими от слез глазами, ответил он. Жаннет нежно взглянула на брата. Ее девичье сердце, по-женски чуткое, сжималось всякий раз, когда отец наказывал Омара. Тогда бедной девушке чудилось, что будь у нее

власть над отцом, она бы хоть на мгновение заставила его страдать. Ей казалась, что отцовская жестокость, как наказание судьбы, как ад, в который ввергла ее жизнь волею того же отца.

– Я приду к тебе.

Омар наморщился от этих слов сестры. Ему были непонятны ее ласки. Особенно его терзал, прилив бурной нежности, проявляющийся в эти минуты, когда девушка залезала к нему в постель, ласково гладила его каштановые жесткие волосы и прижималась всем телом, трепетно осыпая поцелуями. Он чувствовал ее крепкую налитую девичью

грудь сквозь ткань ночной рубашки, и брату становилось неловко.

Его пугала мысль, что когда-нибудь он не выдержит и скажет ей обидное слово, которое лишит его, быть может, единственного близкого друга в целом свете. И приходилось терпеть, и он терпеливо переносил «телячьи» нежности.

Омар тем временем очутился в своей комнате, если можно так назвать каморку с деревянной кроватью, занимавшей почти всю ее площадь. Единственное окно выходило во двор. Под окном стояла будка Марселья, и верный пес часто будил Омара по утрам, лая до тех пор, пока его хозяин не высунет патлатую голову во двор.

Мальчик повесил одежду на вешалку слева от двери. Затем вышел в ванную. Ванная если учесть только название, то все остальное, что в ней находилось, не имело отношения к помещению под этим названием. Тем не менее в ванной был умывальник, прибитый

к стенке. Под ним стоял на табуретке огромный медный таз. Рядом с умывальником кадка с питьевой водой и тут же в углу ночное отхожее место в виде помойного ведра. Мальчик умылся, помыл ноги в тазу. Затем вытер полотенцем лицо и ноги. Остаток воды слил из таза в помойку. Закончив туалет, он ушел к себе. Как сладостно уложить тело в мягкую белоснежную постель, расправить руки и ноги и погрузиться в забытие. Побой отцовского ремня ныли, не давая лечь поудобнее, наконец, все куда-то провалилось, возникнув странной картиной безбрежного синего простора: – «Как странно, почему небо перевернуто?» – Он подошел ближе и разглядел, что голубая синь – это огромное пространство воды с бегущими по нему волнами. Волны вдруг выросли, зашумели, превращаясь на глазах из синих в соломенные, цвета хлебного поля: – «Да это же пшеница». Шум усилился. Его вдруг подхватила хлебная волна, закружила и бросила наземь...

– Омар! – послышался шепот девичьих губ. Мальчик открыл глаза. Рядом лежала Жаннет. Она ласково гладила его волосы, чуть касаясь длинными пальцами правой руки.

– Какой ты стал уже большой. Скажи, а тебе не больно?

– Нет, уже прошло.

– А знаешь, я бы не выдержала.

– Ну ты же девчонка. – С мальчишеским достоинством обронил он. Она нежно прильнула к брату. Омар скривил было от побоев гримасу, но усилием над собой подавил боль. Неприязнь ласк побуждала оттолкнуть сестру, но он дал возможность излить прилив нежности. Она обняла его двумя руками, затем уснула. Он еще долго не засыпал. Когда сестра перестала шевелиться и углубилась в сон, он осторожно высвободился от объятий. Повернулся спиной и крепко уснул...

– Омар, Жаннетта! – властным голосом звала седовласая Наа своих внучат:

– Подымайтесь. Сегодня мы едем в Нарфу. Что, забыли?

Жанетта была уже давно на ногах. Вертелась добрый час у большого зеркала, примеряя наряды. Сквозь стекла окон в большую комнату пробивался рассвет.

Солнце еще не взошло. Поселок уже гудел. Во дворах слышны басовитые голоса хозяев. Ржали лошади, лаяли собаки. Приближался восход солнца, а с ним и день праздника Аукциона фермеров. Раз в год в Нарфе собирались скотоводы со всего Мира. С отдаленных его концов съезжались побогаче, кто жил поближе, мог попасть на торжество, не прибегая к лишним расходам. Лучшие породы овец, быков,

лошадей и разных других животных свозились сюда со всех сторон Мира.

Праздник начинался с Аукциона. На огромном поле царского ипподрома проходило торжество. Между загонами для торга разбивались палатки с разного рода товарами, украшениями и сельскохозяйственным инвентарём. Ставились летние кафе с зонтиками, под тенью которых укрывались гости, сидя за столиками. Крепкая водка, разбавленная ароматными соками, лилась здесь рекой. Она бродила в буйных головах, валила с ног, и нередко чрезмерное ее употребление приводило к дракам. Для детей устраивались развлекательные аттракционы. Народ Лакии любил праздник и готовился к нему

на протяжении целого года. Семьи становились крепче, если молодая чета знакомилась ни Аукционе. Капитал становился надежней, если начало ему положено на том же Аукционе. Деловые связи скотоводов прочнее, если они зарождались на Аукционе. И бедность преследовала всю жизнь, если разорение пришло с Аукционом.

– Ты все-таки не слушаешь мать! – пыхтя маленькой женской трубочкой, гудела старая Наа. Плечи ее покрывал цветастый платок. Длинное широкое платье, черное в огромных бледно-розовых цветах, колыхалось в разные стороны под тяжелой поступью. Она уже была готова в путь и теперь, снедаемая бездельем, ходила возле легкой тачанки, у которой возился Ден.

– Ты хочешь пустить нас по миру?!

Сын, прихрамывая, вынес из сарая сбрую и прилаживал к тачанке молча, делая свое дело.

– Почему ты такой упрямый. – Наседала мать. В сарае громко блеяли овцы, казалось, их голоса еще больше распыляли старуху.

– Ведь ни у кого в мире нет того, что у тебя, а ты хочешь везти с собой. Ты, сын, с ума спятил!

Ден молча делал свое дело, прилаживая к тачанке тележку для перевозки овец.

– Мама, как я сказал, так и будет! – твердым голосом ответил сын. – Это наш последний шанс, и упускать его я не намерен. Жаннет нужно замуж за порядочного человека. Омар должен учиться, где мне взять средства?

– Сдай в аренду лучше серых овец и часть пастбища. Ведь это царская земля, и ты хоть и бедняк, но хозяин.

– Вот как раз это и есть все, что у меня осталось и останется на всю жизнь, что бы ни произошло, как ты этого не понимаешь?!

В конце концов мать и сын, как обычно, завязали ссору. За перебранкой Ден запряг лошадь в тачанку и стал по одной выносить овец из сарая. Руки его утопали в мягкой курчавой

шерсти животных невиданной окраски. На первый взгляд казалось, что шерсть разукрашена в ярко-желтый золотистый цвет. Но рыжеватый оттенок шерсти издали создает впечатление сходства с золотом.

Ден загрузил тележку, заботливо накрыв ее куском цветной материи в ярко-красную и зеленую полоску. От этого тележка сразу выделилась на фоне серых незаметных предметов двора. Наконец, все было готово. И Наа ушла в дом звать детей. Первым выбежал Омар в короткой темно-синей куртке и такого-же цвета штанах. На голове у него красовалась соломенная шляпа с закатанными сверху полями. На ногах – красивые синие башмаки на кожаной подошве. Он легко, как это делают герои в приключенческих фильмах, вскочил на козлы к отцу. Затем на пороге дома показалась Жаннет. На ней был, облегающий стройную девичью фигуру, красный комбинезон. Волосы завиты кокетливыми прядями. В руках она держала сумочку, плетенную из соломки, с изображением на ней трех красных цветков. Наряд сочетался с хорошо со вкусом подобранными красками и шел девушке к лицу. На ноги она обула кожаные сандалии. Ногти на ногах и руках отливали перламутровым нежно-розовым лаком. Отец впервые увидел маникюр на дочери: –А не рановато ли, Жаннет?!

Девушка залилась пунцовой краской, усаживаясь сзади на мягком сидении. Ден невесело подумал: – «Уже восемнадцать. А кто на ней женится без приданного?!»

Тяжело вздохнув, он посмотрел на мать. Та, гремя ключами, старательно запирает дом и сарай. Потом она отвязала породистого сторожевого пса. Тот сразу-же с громким лаем бросился за Марсельом, который едва успев нырнуть под крыльцо курятника, выглядывал теперь оттуда, лоя прощальные взгляды Омара. Тачанки, набитые хозяевами длинной вереницей, тянулись улицей поселка. Воздух наполнялся смехом, шутками, ржанием лошадей и бляением овец. Легкие экипажи с празднично одетыми молодыми людьми, весело проносились мимо. Сердце Дена наполнялось предчувствием удачи. Он чувствовал выгодную продажу, возможность близкого богатства, щекотала нервы. Воображение рисовало радужные картины счастливого будущего. Настроение подымалось, замешиваясь еще и на впечатлении от сальных острот попутчиков, от которых у Жаннет краснели щеки и опускались глаза.

На специально отведенной площадке, размещалась стоянка для экипажей. Хозяева, разгрузившие живой товар, бросали друг на друга недружелюбные взгляды настороженной недоброжелательности. Ден поставил свой экипаж на свободное место, рядом с дрожками, запряженными белым жеребцом в яблоках. Его лошадедка выглядела осликом рядом с этой породистой лошадью.

– Папа! – спросила Жаннет! – можно мы с Омаром пойдем прогуляемся?

– Хорошо, дети! – ласковым голосом ответил он, – идите, только если заблудитесь, то стойте на входе в Аукцион, если не заблудитесь, то подождите нас здесь. Вы меня поняли?!

– Да, папа. – Ответила дочь.

Держась за руки, они убежали. Аукцион только начинался и еще были свободные кабинки – загончики для овец, предназначенных для торгов. Зрители и покупатели постепенно занимали места под огромным навесом для торгова, на лавках, ступеньками

уходившими под брезентовую крышу. В центре навеса была сооружена квадратная смотровая площадка, усыпанная желтым песком. По сторонам этой площадки, тесно примыкая друг к другу, расположены кабинки загончики. Ден перенес своих овец в кабинку, указанную служащим Аукциона, после того, как чабан подал ему купленный билет. Старая Наа курила трубку у тележки. Вокруг нее собралась толпа зевак.

Даже самые матерые дельцы, съевшие собаку на купле-продаже лучших пород, не выдели таких овец и не встречали ничего подобного. Они наперебой называли цену. Наа взволнованно теребила платок. О таких суммах она не смела мечтать даже в дни своей молодости, когда, блистая красотой, кружила головы местным чабанам, и те, готовы были положить все свое

состояние за обладание ее редкой величественной красотой. Сомнения в неудаче мало-помалу развеялось в душе матери, уступая место уверенности в предчувствии успешных торгов.

Торги начались с боем гонга. Распорядитель Аукциона называл номер кабинки, и хозяин выводил очередную овцу, громко выкрикивая цену. Но цены на овец не превышали названных овцеводами сумм. Такого торга еще не было. Все с нетерпением чего-то ждали. Наконец очередь дошла до Дена. Распорядитель ударил в гонг. Чабан вывел первую овцу. Присутствующие вскочили с мест. По рядам пронесся гул голосов, Ден заломил такую цену, что все продавцы оторопело разинули рты от удивления и зависти, другие с остервенением принялись хлестать плетками своих не проданных овец. Третьи, которым удалось кое-как сбыть свой товар, ехидно улыбались, переглядываясь друг с другом.

– Сто тысяч двести. Раз! – громко извещал распорядитель, ударяя в электронный гонг резиновым молоточком. Удар, усиленный многократно усилителем, доносился и из репродукторов, установленных под крышей павильона.

– Сто тысяч триста! – крикнули из зала. По рядам волной прокатился возбужденный гул голосов.

– Сто тысяч триста! Раз! – монотонным голосом под бой гонга возвестил распорядитель. Он сидел в центре площадки за небольшим столом рядом с продавцами. И каждый раз записывал что-то, после объявления цены, в блокнот, который лежал рядом с гонгом и микрофоном.

– Двести тысяч! – вставая с места, выкрикнул толстяк с сигарой в руке. На указательном пальце его правой руки сверкнул бриллиант в золотом перстне.

– «Целое состояние будет» – Определила Наа, окинув взглядом, горящим от небывалого игорного азарта, дорогой перстень на пальце толстяка, рядом с зажатой дымящейся сигарой.

– Двести тысяч! Раз! – распорядитель сделал паузу. Зал гудел, как встревоженный улей. Небывалый торг привлек зрителей с других площадок Аукциона. Зал практически опустел в скотоводческом павильоне и конном. Толпы пастухов протискивались вперед, стараясь занять места поближе к площадке.

– Господа, кто больше?! – распорядитель выжидательно смотрел в битком набитый зал. Толстяка с дорогим перстнем и сигарой почти не было видно. Торчали лишь его усы среди моря раскрасневшихся лиц.

– Кто больше?! – звучал голос распорядителя. Но охотников не находилось. Мало-помалу в зале воцарилась томительная тишина. Все ждали исхода. Назовет кто-либо сумму больше? Купит ли кто еще?

– Забираю всех семерых по двести тысяч за каждую! – выкрикнул толстяк, и тут же голос его утонул в новом взрыве громких возгласов.

– Всех семерых, по двести тысяч каждая! Раз! – голос распорядителя из репродукторов был громче гула, громче всех. -...Два! ... Три! – почти не делая пауз между счётом, так как все равно равных миллионеру овцеводу из Южного Полушария, Сильвестру, по Богатству нет. Распорядитель Аукциона закончил свой счет словами:

– Продано!

И Дэн стал миллионером. Его суровое лицо тронула детская добродушная улыбка. Овцы перекочевали с помощью, ворчащей Наа в загон покупателя. Ден, толкая последнюю в проем загона, заметил:

– Мать, ты вечно недовольна, даже сейчас, когда слов не нужно, все понятно и так.

– Ты продешевил, глупец. Через год ты смог бы выручить в два раза большую сумму. Говорила я тебе, не торопись.

– Ты хотела, чтобы нас обокрали. Ведь мог Омар взболтнуть.

Жаннет, да и ты быстра на язык.

– Что ты напустился на детей. Да что я не понимаю, что за овцы у нас...

Но назревавшую ссору остановил подоспевший Фермер. Переваливаясь из стороны в сторону, он приблизился к своим уже овцам:

– Очень рад познакомиться! – протягивая руку, сказал он.

Ден смутился, покраснел, как юноша. Ему уже давно не доводилось так запросто разговаривать с миллионером. И он несмело протянул свою.

– Сильвестр!

В шершавой мозолистой руке Дена очутились мягкие подушечки холеных пальцев. Холодная твердь перстня защеконала ладонь.

– Ден! – Заискиваяще улыбаясь, представился. Наа бросила сердитый взгляд на сына.

– Это моя мать.

– Очень приятно. – Кривя толстые губы в приветливой улыбке, обронил Сильвестр и, обращаясь к чабану, сказал:

– Я прошу вас подняться в контору торго. Нужно оформить кое-какие документы.

Они ушли, а старая Наа осталась сторожить у загончика, со смотровой площадки доносились выкрики распорядителя Аукциона:

– Раз двадцать пять тысяч! Два!..

– Омар! Я хочу покататься на горках, пойдём!

Брат не успел ответить, как Жаннет потащила его за руку к мчавшимся с бешеной скоростью по крутым виражам кабинкам. У окошечка касс она купила два билета и, сунув их служащему, уселась в подъехавшую кабинку, за ней неторопливо влез Омар на переднее сидение.

– А-а-а! – вскрикнула Жаннет, крепко хватаясь за туловище брата обеими руками! – это кабинка рванулась с места в «пропасть» спуска.

– Ии-и! – тихо завизжала она, когда их бросило вверх, чтобы снова швырнуть в вираж еще круче. Омар по-мужски держался в кресле, словно в седле отцовской лошади в погонях за овцами. Трусость сестры вызывала в нем гордость за свое мужское происхождение. Ему хотелось еще и еще раз прокатиться на восхитительном аттракционе. Но кабинка остановилась. Подошедший служащий помог сестре выйти. Омар выбрался сам. Они спустились с аттракциона по деревянным ступенькам. Купили мороженое и с любопытством вертели головами по сторонам, удивляясь изобилию развлекательных сооружений. Их внимание привлек тир для пневматической стрельбы. Там располагались разные призы за хорошую стрельбу. Омару ужасно захотелось пострелять. Он уговорил сестру, и они подошли ближе. Служитель, пожилой человек с доброй улыбкой, предложил Омару ружье и кучку патрончиков. Омар долго целился, выбирая цель. Глаза разбегались от разнообразия зверей и всевозможных размеров кружочков, в которые нужно попасть. Хотелось сразу поразить самый маленький, но мысль: – «А вдруг промахнусь!» – остановила, и он выбрал кружочек побольше. Он долго целился, затем осторожно, затаив дыхание, нажал на спусковой крючок. Сухой хлопок выстрела и цель поражена. Он стрелял первый раз в жизни. Жаннет залилась веселым смехом. Омар с гордостью посмотрел на сестру, затем прицелился еще раз, и опять цель поражена. Он снова взглянул на Жаннет, и только сейчас заметил рядом с ней высокого молодого человека с бородкой и холеными усиками, ловко поражающего его, Омара, мишени. Мальчик вскипел. До слез стало обидно за себя, за сестру: «Как она могла так обмануть, да еще и смеяться. Ну погоди, я тебя проучу, кошка!» – злорадно думал он. А девушка тем

временем забыла о брате и весело щебетала с незнакомцем. Омар разобрал в разговоре, что сестра назвала незнакомца Ортом. Омар с любопытством посмотрел на Орта. Это был молодой человек благородной внешности. Прямой орлиный нос и большие чувственные карие глаза придавали лицу спокойное, мужественное выражение.

Он улыбался белоснежной заразительной улыбкой и так доверчиво смотрел на Омара, что-то перестал дуться и представился:

– Омар.

– Очень приятно, молодой человек. Орт!

Они обменялись рукопожатиями. «Железная рука» Орта на мгновение, как тисками, сжала узкую ладонь мальчика. От этого рукопожатия Омар вдруг почувствовал мужскую уверенность в себе и гордость, что такой сильный человек оказывает ему, маленькому

человечку, мужское внимание. Орт увязался за сестрой, и когда все трое изрядно устали, предложил: – Жаннет, давайте покатаемся по городу.

– Давайте, только вот. – Она зарделась, взглядывая на брата.

– А, Омар, так он поедет с нами.

Девушка облегченно вздохнула. Они вышли с развлекательной площадки и очутились на стоянке экипажей. Там среди кибиток, дрожек и тачанок стоял красного перламутрового цвета автомобиль. Его кузов сверкал в лучах солнца и был ослепительно красив на фоне разношерстного колесного транспорта. Жаннет пытаясь угадать экипаж Орта, но он вел их все дальше и дальше, приближаясь к автомобилю. Сердце у девушки затрепетало, она испугалась, а вдруг окажется, что этот автомобиль Орта. Движения ее стали не так быстры, она замедлила шаг, все еще сомневаясь в своих догадках. Тем временем Орт по-хозяйски открыл дверцу, приглашая их сесть. Жаннет с испугом посмотрела на брата. Орт первым влез на переднее сидение и с восхищением посмотрел на белозубую

приветливую улыбку Орта. Он подал Жаннет руку, сломив окончательно нерешительность девушки. Жаннет с замиранием сердца уселась на заднее сидение.

– Да, я чуть было не забыл! – сказал молодой человек, открывая крышку ящика, встроенного в приборную панель. Из ящика он извлек листок чистой бумаги и что-то быстро написал на нем, затем вложил в конверт.

– Милая Жаннет, я вас очень прошу, передайте, пожалуйста, это вашему отцу. – Он протянул ей конверт! – я не хочу, чтобы он волновался, а мы с Омаром подождем вас. Девушка взяла конверт и выбралась наружу: – «Не мог Омара послать, – думала с обидой она – хотя с одной стороны я быстрее найду отца». Успокоив таким образом себя, она

опрометью бросилась к навесу торгового бара. Бабушка указала ей направление, куда ушел отец с Сильвестром. Жаннет нашла их в баре уже изрядно подвыпивших, за крайним столиком в углу бара, слева от выхода.

– А-а! Жаннет! – лепетал отец пьяным языком! – С-си-ль-весстр, это моя дочь.

Сильвестр скривил улыбку и попытался что-то связать, не смог. Водка ударила, как видно, ему в голову.

– Папа, – начала дочь, – я хочу покататься на красивом автомобиле с одним молодым человеком и с Омаром. Позволь, а. – Жаннет протянула отцу конверт, – Вот тут он просит у тебя разрешения.

Ден, казалось, мгновенно протрезвел. Он взял конверт. Жаннет тут же хотела бежать, но Ден в последний момент удержал ее за руку.

– Но папочка! – топнув от нетерпения ногой, воскликнула дочь: – Они же ждут!

– Ничего, подождут. – Медлил отец. Он неторопливо достал из конверта сложенный вчетверо листик. Жаннет нервно теребила сумочку, терпеливо дожидаясь, что скажет отец. Ден вдруг со всего маха грохнул кулаком по столу. Дочь от неожиданности вздрогнула, закрыв лицо руками. Кружки с недопитым подскочили над столом и покатались по столу, разливая содержимое, которое из образовавшейся лужи тоненькой струйкой побежало на брюки дорожного костюма Сильвестра. Миллионер крепко спал.

– Я так и знал! – вопил не своим голосом отец. Сильвестр жевал толстыми губами, не просыпаясь. Жаннет же поспешила выбежать прочь. Перепуганная девушка разыскала старую Наа. Она возилась у Фургона, давая последние наставления грузчикам, грузивших проданных овец.

– Эй, парень, поосторожней! – прикрикнула она на грузчика, задевшего овцой дверной проем Фургона.

– Они уже не ваши. – Бросил тот в ответ.

– Походил бы за ними, как за малыми детьми, знал бы, как обращаться с бедными животными. – Тараторила она, с жалостью глядя на бляевших в фургоне, тесно прижавшихся друг к другу животных.

Рабочий грохнул обшитой металлом дверью, закрыв фургон. Бедная Наа с трудом оторвала увлажнившийся взгляд от захлопнутой двери и только сейчас заметила бежавшую к ней со всех ног Жаннет. Сердцем чуя неладное, она быстро двинулась ей навстречу.

– Что, что случилось с Деном?!

Девушка, всхлипывая, рассказала обо всем.

– Опять надрался, мерзавец! – властным грудным голосом проворчала Наа. Затем взялась в бока, локти острыми шипами пронзили воздух:

– Ну, пошли!

В баре отца не оказалось. Не было его и в конторе торгова, и лишь в филиале Национального банка Ден сидел за столом и что-то старательно выводил на банковском бланке. Когда они приблизились, он кончил писать.

– Что все это значит?! – начала еще с порога Наа.

Ден, не замечая мать, сложил бланк вчетверо и протянул Жаннет. Мать попыталась перехватить письмо. Но Ден отстранил ее за спину:

– На, передашь это Орту. Он ждет на мосту, старая Наа в бешенстве молотила Дена кулаками по спине.

– Куда ты ее посылаешь, негодяй! Она никуда не пойдет! Орала высоким фальцетом женщина.

– Иди, иди, дочь! – приказал Ден. Жаннет в испуге бросилась к двери.

– Стой, дочка, не ходи! Никуда не ходи! – вопила Наа. Ден обеими руками стал удерживать мать...

– ...Чего мы не едем дальше? – спросил Омар у Орта, когда автомобиль остановился на мосту.

– Здесь мы подождем твою сестру.

– А-а! – понимающе протянул Омар.

Потянулись томительные минуты ожидания. Орт, не переставая, болтал языком, рассказывал восхитительные истории. Главными героями в них были животные, птицы, повадками так походившие на людей. Омар смеялся до слез. Время летело так быстро, что он вначале даже не понял, с кем говорит Орт. И только мгновение спустя увидел сестру. Орт в это время развернул бумажку и прочел каракули отца на банковском бланке. На лице его скользнула чуть уловимая холодная улыбка. Он посмотрел отсутствующим взглядом Омару в лицо, затем открыл дверцу и чужим голосом приказал: – Пошел вон, щенок! – Омар удивленно захлопал глазами. Горький комок подкатил к горлу, перехватил дыхание. Глаза обильно увлажнились.

– Поживее! – прикрикнул на него в нетерпении Орт. Омар выбрался из кабины и бросился к сестре. Жаннет прижала голову брата к себе. Сверкая обличовкой в лучах вечернего солнца, машина рванулось с места обдав несчастных детей выхлопными газами.

Ничего не понимающие, они пошли по направлению к экипажу. Отец понуро молчал, поджидая их возвращения. Старая Наа тряслась всем телом. Такой ее Омар еще не видел. Осунувшиеся за считанные минуты черты лица. Под глазами обозначились черные круги. Она нервно пыхтела трубкой. Домой приехали поздно. Отец не распряг в эту ночь лошадь...

Старая Наа заболела на следующий же день. Она хирела на глазах и с каждым днем ей становилось хуже. У бедной старухи отобрало речь. Омар с жалостью и страхом смотрел на уга-

сающую мать, как несчастная, вращая выпученными глазами, пыталась что-то сказать, но так и не могла вымолвить слово до самой смерти. Она умерла неделю

спустя. Сильно сдал и Ден. Наа похоронили на поселковом кладбище, и дом словно опустел. Но Ден не сдавался. Он упорно трудился, целые месяцы проводил на пастбище и почти не появлялся дома. Омар помогал ему. Жаннет хозяйничала в доме. Иногда навещала брата и отца. Так текли дни за днями, месяцы за месяцами, незаметной чередой проходили годы, Жаннет вышла замуж за соседнего чабана. Омар стал уже совсем взрослым парнем. Отец изрядно постарел. Он никогда не рассказывал детям, что произошло в тот день, памятный день Аукциона...

Глава вторая

Столица Лакии Нарфа расположена на полуострове, скалистым подковообразным плато, словно растающим в волны Южного океана. Теплый умеренный климат, буйная растительность и голубые волны, омывающие узкие песчаные пляжи, создали городу славу туристической Столицы Мира. Со всех концов опаленной войной планеты съехались в Нарфу генералы и члены правительств, другие высокопоставленные гости воюющих стран. Одни бежали от страшных будней войны, другие подлечить уставшие нервы, чтобы с новым зарядом страстной ненависти устремиться в ад войны. Здесь на время затихали страсти, успокаивались смертельные враги и не замечая соседства друг друга мирно отдыхали, лечились, обменивались визитами и ни слова не говорилось о войнах. Простых солдат здесь не было. Исхудалые, доведенные до отчаяния, они мерзли в окопах, умирали от ран, и единственным спасением для этих несчастных бедняг был госпиталь...

В царском дворце суетились гвардейцы в красной парадной форме. Они носились взад-вперед по ковровым дорожкам парадных лестниц, гремя саблями и шпорами, другие маршировали на плацу. Все это шумело, сверкало и гремело, вплетаясь в дворцовый духовой оркестр, слаженно играющий военные марши.

У ворот выстроился эскорт автомашин, окруженный почетным караулом мотоциклов.

Во всем чувствовалось приближение торжественного события большой государственной важности. Внезапно все стихло. В наступившей тишине отрывисто зазвучали команды, и перед парадным входом дворца застыли в четком строю гвардейцы. Звуки барабанного боя разорвали тишину, заглушая шум листвы в кронах деревьев старинного парка. Со звуками барабана, в сопровождении двух гвардейцев, одетых в парадную зеленого цвета форму личной охраны и малиновые береты, на ковровой дорожке парадной лестницы появился Монарх. Это был уже немолодой высокий мужчина, сухощавый и подтянутый, сохранивший следы былой мужественной красоты. Тонкие черты лица и умные карие глаза, волевая складка у переносицы и высокий открытый лоб издали сливались

в единый гармоничный портрет, оживляя торжественно-строгое выражение лица. Чеканя шаг, все трое проследовали в царский бронированный лимузин черного цвета. Правый телохранитель открыл дверцу и замер не двигаясь. Второй первым сел на заднее сидение, за ним в кабину втиснулся Царь, следом – открывавший дверь гвардеец,

он же и захлопнул ее за собой. Под звуки грянувшего военного марша царский эскорт двинулся по улицам Нарфы в сторону столичного аэропорта. Улицы были запружены толпами ликующего народа. Праздно разодетые горожане махали флажками и букетиками цветов, приветствуя своего любимца и почитаемого в народе царя.

В аэропорту его поджидал уже другой почетный караул военных и оркестр. Царь ступил на красную дорожку, расстеленную на бетонке. В сопровождении тех же телохранителей сделал несколько шагов навстречу спускающемуся по служебному трапу седовласому человеку, одетому в черный костюм и белую рубашку с черным галстуком.

Человек спустился, широко улыбаясь, двинулся к царю. Когда они подошли друг к другу и обменялись рукопожатиями, Царь сказал: – Рад тебя видеть. Вик, что привело тебя ко мне?

– Я от имени своей страны, истекающей кровью, приветствую твой народ и желаю процветания и блага.

– Спасибо, Вик. От имени своего народа я приветствую тебя.

– У меня очень важный визит, мне поручено от имени Организационного Комитета по Перемирию предложить тебе возглавить Союз Перемирия.

– Как это понимать?!

– Одним словом, мы решили предложить тебе навести порядок в мире и выдвинули тебя в кандидаты на руководящий пост Союза Перемирия.

– Так сразу не ответишь. – Задумчиво проговорил Царь.

– Лакий, ты не спеши, обдумай все и дашь позже ответ.

– Да, да, конечно. – Согласился Царь и продолжил, – Погостишь у меня, отдохнешь, а я подумаю, когда смогу дать свой ответ.

– Вот и хорошо. – Согласился Вик.

Внезапно грянул военный марш. К высоким особам чеканным шагом подошел начальник почетного караула. Рапорт его был краток. Церемония встречи Президента Аркии Вика началась...

Визит Президента близился к концу. Завершением его стал прием, устроенный Лакием в честь визитера. Прием проходил в огромном золотом зале дворца, где обычно давали балы. Присутствующим заранее разослали пригласительные билеты, по которым подъезжающих гостей пропускали во дворец. Разноликий, ослепленный драгоценностями женских украшений, сверкал он, наполняя праздничным волнением сердца. Здесь в эти минуты решались важнейшие вопросы мировой политики. Перемещались миллиардные капиталы, шли на гибель тысячи людей, умирали в шахтах сотни добытчиков алмазов, повинувшись мимолетно оброненному слову, слетевшему с уст светской красавицы или взмаху лохматых бровей одного руководителя, которому не понравился другой, или капризу дамы, пожелавшей выглядеть богаче соперницы.

Прием обычно кончался балом. Молодые люди танцевали, знакомились, заключали сделки. Особенно ценным считалось знакомство на такого рода приеме. Дружба сохранялась на долгие годы и никакие ссоры не могли порвать уз, заложенных на царском приеме.

Стороны вспоминали мимолетный миг встречи, и ссора забывалась, уходила в мусорное ведро прошлого, а мир сверкал радостным и свежим, как в тот Памятный вечер.

Бал был в разгаре, когда Лакий, одетый в черный строгий костюм, приблизившись к Вику сказал:

– Прошу вас зайти в мои апартаменты.

Незаметно оба вошли в угловую дверь зала и очутились в ковровом кабинете, где обычно беседовал Царь, в так называемых «кулуарах», с политиками Мира. Уход не был замечен. Друзья и враги всех мастей собрались кучками по всему залу, не обращая никакого внимания на танцующие пары, занялись обсуждением события.

Тем временем Царь, указывая рукой на два кресла в уютном зеленом углу комнаты, сказал: – Прошу, дорогой Вик, садитесь. Я обдумал ваше предложение и хочу высказать вам свое неофициальное мнение.

– Я весь внимание. – Усаживаясь в кресло, отвечал Вик. Лицо Президента приобрело сосредоточенное выражение. Складка на лбу у переносицы стала глубже, брови чуть нахмурились, глаза внимательно следили за движением губ царя. Лакий сидел в кресле прямо, горделиво, с достоинством держал голову, чуть повернув к гостю. Кисть левой руки лежала на поручне кресла, сжатая в кулак.

– События последних дней диктуют мне свои условия, и я вынужден прислушаться к голосу разума. – Начал пространно Монарх, – Иначе говоря, мы согласны вести переговоры о руководстве Союзом Перемирия.

– Эта благородная миссия. Ваше Величество, пала именно на вас, как мудрого и умного руководителя, сумевшего в стае дерущихся превратиться из беззащитного котенка в грозного льва. Поверьте, государства в надежде взирают на Вас. От его напыщенных слов брови Лакия полезли вверх, волевая складка у переносицы разгладилась, лицо приобрело самодовольное выражение.

– Что ж, я могу сказать, их политика не совпадает с интересами народа. От этого разруха, голод, нищета и неповиновение. Солдаты сами скорее договорятся между собой, чем их правительства.

– Да, да. – Кивал головой Вик в знак согласия.

– Я сообщу вам дополнительно о дате официальных переговоров. – Подымаясь, Царь дал понять, что беседа закончилась. Из тихого кабинета они попали в море звуков. Оркестр играл старинный вальс. Молодежь продолжала танцевать. Солидные мужчины и

высокопарные дамы прохаживались у стен, переговариваясь вполголоса. В зале было душно...

Глава третья

Современи визита Президента Аркии в Лакию прошло довольно много времени, если считать месяцами, то их наберется ровно три с небольшим. Царь все это время не находил себе места, обдумывая каждый свой шаг, и к исходу упомянутого срока у него была уже готова программа действий, с содержанием которой он спешил ознакомить Вика, а через него и остальных членов Организационного Комитета Союза Перемиря.

Учитывая чрезвычайную важность документа, включающего в себя фактически будущее могущество государства, своей царской фамилии, Лакий решил отправить с посланием к Вику своего единственного сына. Лакий ожидал его у себя в кабинете, сидя за рабочим столом, уже в который раз просматривая содержание написанного. Дверь кабинета наконец отворилась, и в комнату вошел рослый телохранитель в походной форме из черного сукна, сшитой в виде комбинезона, черный берет, полуботинки и широкий пояс, на котором болталась справа кобура лучемета.

– Ваше величество, принц Лакии! – пробасил он.

– Зовите!

За телохранителем закрылась дверь, чтобы вновь открыться и впустить высокого и стройного молодого человека в форме офицера почетного караула. Живые, умные, серо-стального цвета глаза остановились на монархе.

– Зачем звал, отец? – уверенный баритон наполнил комнату.

– Сын, судьба дает нам то, к чему стремились завоеватели всех эпох и терпели поражение, ибо мир завоевать невозможно.

– Отец, это довольно пространно, и мне кажется, далеко от сегодняшних проблем.

– Ты ошибаешься. Тир, визит Вика predetermined наше будущее.

– Так вот почему ты унизил достоинство царской фамилии и лично встречал его.

– Ты молод, сын, и горяч в суждениях, но будущее принадлежит тебе. И если ты не позаботишься о нем сейчас, то многое, а может быть и все потеряешь.

– Отец, что нужно делать?

– Там, за дверью, тебя ждет преданный мне человек.

– Что, этот охранник?! – с гримасой брезгливости переспросил принц, но, увидев недовольство на лице царя, поспешил добавить, – Впрочем, от него пахло дорогой туалетной водой.

– Я бы предостерегся говорить так о надежных людях. Теперь их не так-то много.

– Ну, мне они совсем не нужны. – Самодовольно ответил принц.

– Сын, ты горяч. В твои годы не следует бросать слова на ветер.

– Извини, отец. – Почтительно поклонившись, сказал Тир. Он уважал отца и гордился им не меньше, чем народ Лакии.

– Ну, полно. Так вот, тебя ждет Думар, это лейтенант моей личной охраны.

– Я уже успел заметить.

– Прошу, выслушай до конца! – терпеливо уговаривал его отец.

– Хорошо, отец. – Принц застыл, приготовившись слушать.

– Думар отвезет тебя в аэропорт. Там ждет тебя самолет с полной заправкой. Полет этот в Аркию нигде не публикуется, и о нем ничего никому не известно. Поэтому ты постарайся быть не замеченным ни здесь, ни в Аркии. – Лакий сделал ударение на последних словах, вкладывая глубокий смысл в их значение. Тир понимающим взглядом дал понять отцу, что он выполнит все. Монарх продолжал:

– Вручишь Вику это послание. Дождешься ответа и мигом обратно.

– Хорошо, отец, сделаю, как ты велишь.

– В порту тебя встретит Думар и доставит ко мне. Ну, а теперь подойди.

Принц приблизился к краю стола. Лакий быстро начертил что-то на чистом листке бумаги. Тир внимательно прочел, затем оторвал сосредоточенный взгляд от написанного и взглянул в глаза монарха. Они смотрели друг на друга, и во взгляде каждого отображалась безграничная любовь, отцовская назидательная и сыновья

благодарная. После этого Монарх вручил ему сверток бумаг, перевязанный красной бечевой скрепленный огромной сургучовой печатью.

Принц взял на письменном столе пневмокапсулу для доставки пневмопочты и вложил туда сверток.

– Ну, с Богом! Как говорили наши предки. – Напутствовал его Лакий.

– С Богом, отец! – принц поклонился, щелкнув каблуками, круто повернулся и вышел из кабинета. Вскоре из ворот дворца выехал черный бронированный лимузин. Дежурные полицейские на перекрестках узнавали в нем правительственную машину и отгоняли в

стороны легковые и грузовые автомобили. Те почтительно уступали место на проезжей части мчавшемуся на бешеной скорости «броневнику». Принц Лакии любил быструю езду. Мотор мягко гудел. За рулем, сосредоточив внимание на дороге, сидел Думар. Рядом в парадной форме капитана почетного караула сидел Тир. Принц повернул голову к лейтенанту, внимательно, изучающе осмотрел его, затем спросил:

– Какое странное имя Думар, где вы его взяли? – насмешливые нотки в голосе молодого капитана, казалось, взбесили бы простого солдата. Но лейтенант был спокоен. Невозмутимым голосом он басил: – О! Это древнее слово, символ. В переводе из старинного языка нашего народа оно звучит как Мудрец, Мудрый.

– А что, вы увлекаетесь стариной?

– С чего вы взяли, капитан? – вопросом на вопрос дерзко ответил лейтенант. Такое обращение взбесило молодого наследника престола, серо-стальные глаза сверкнули молнией, но усилием воли принц сдержал гнев. Лишь гримаса презрительного недовольства скривила губы, да густые черные брови полезли вверх и застыли на месте, превращая лицо в маску высокомерия. Он нехотя, с достоинством отвернулся и с деланным любопытством стал наблюдать за мелькавшими за стеклом лимузина витринами. Спустя минут тридцать они выехали на широкое шоссе, ведущее к аэропорту...

– Он не должен долететь! – слова, как раскаленное железо, проникали в уши, «шипя», впивались, в мозг слушающего.

– Господин Советник, а как мы оправдаемся? – приятным баритоном спросил сухощавый высокий мужчина в форме капитана дворцовой охраны, Его красный берет съехал на лоб, и из-под нависшего края смотрели огромные черные глаза на сторбленную фигуру царского визиря. Маленькие мышинные глазки, над огромным крючковатым носом и короткие руки, с белыми холеными пальцами, делали его похожим на огромную крысу, копошившуюся среди разбросанных в беспорядке деловых бумаг на рабочем столе. Сходство это дополнял коричневый костюм, который был надет на Советнике, да полумрак, царивший в его кабинете.

– Рени? – трескучим голосом крикнул в пространство Советник. Тут же отворилась входная дверь кабинета, и на пороге возник слуга в длинной малиновой ливрее и в белых перчатках.

– Что угодно, Господин? – вкрадчивым голосом, похожим на шелест листвы за окном, спросил вошедший.

– Впусти Тира. – С этими словами Советник подал ключи Рени. Лакей направился с ключами к боковой двери в глубине кабинета и, гремя связкой, отпер замок. В открытую дверь вошел молодой капитан в парадной форме почетного караула. Стоявший посреди комнаты капитан подался вперед, изобразив на лице крайнее удивление.

– Вы, Тир?!

Воскликнул он.

– Да! – невозмутимо ответил тот. – И прошу называть меня принцем Лакии!

– Ну как, Орт? – торжествовал Советник.

– Но вы же должны быть в аэропорту?

Поразительное сходство с Тиром ввело капитана в замешательство.

– И мы туда сейчас поедem. – С этими словами двойник выжидательно посмотрел на Советника.

– Орт! – обратился тот к капитану, – отвезете его на военный аэродром и отправите в Аркию. Тот самолет, который через двадцать минут вылетит из аэропорта, туда не должен долететь.

– А как же... – Начал было Орт в замешательстве. Но Советник перебил его, – Я повторять не люблю?

– Есть! – щелкнул каблуками Орт, выпрямляясь по стойке «смирно».

– А ты, – сказал он лже-принцу, – следуй за ним! – кивнул головой в свою очередь на Орта.

– Понял и сделаю.

Самоуверенный тон лже-Тира прибавил капитану уверенности. И капитан твердыми шагами направился к выходу. Когда за ними закрылась дверь, Советник подозвал Рени ближе к столу: – Возьмите эти вот бумаги. Здесь то, что должно появиться

в печати в случае провала операции.

– Все сделаю, Господин, как прикажете! – ответил Рени, чуть кланяясь, и выскользнул в дверь с документами в руках...

Сквозь тьму бессознательности доносилось чуть слышимое шуршание, да завывание ветра, словно в далеком детстве, когда, прильнув к теплomu камину, сидел маленький Тир, а за окном выл и швырял обрывки кровель ураган. На миг Тиру показалось, что он лежит на ковре у жаркого камина во дворце. А там, за окном внизу, плещется прохладная вода, хлюпает о мраморные края бассейна. От этих звуков и завывания ветра в каминном дымоходе сердце успокаивалось так, что он даже боль, разливавшуюся

в голове горячей волной, не вызывала стремления открыть глаза. Эта боль с каждым ударом сердца все настойчивее напоминала о чем-то значимом, что произошло с ним. Наконец обморок кончился. Тир вспомнил и возникший рядом с его машиной военный самолет без опознавательных знаков неожиданно обстрелявший его. И как он молниеносно, не дожидаясь исхода, катапультировался. От этого потерял сознание, но инстинктивно, быть может, каким-то подсознательным чувством, уловил взрыв своего самолета. И только спускаясь с высоты, под полотнищем спасительного парашюта, пришел в себя. Он вспомнил как приземлился. Как, сбивший его противник, встретил приземлившегося Тира униженной улыбкой победителя. Вспомнил, как бросился на своего палача со страстным желанием отомстить. Как враг молниеносно нанес удар четким отработанным до автоматизма приемом и песок пустыни стал для Тира мягким «ковром». Пилот куда-то исчез и только память о случившемся, болью отдавалась в голове несчастного принца. Тир открыл тяжелые веки. Взгляд выхватил участок желтого песка. Песчинки шуршали от порывов ветра, сыпались маковыми зернышками на тело. Тир поднял голову. Боль острием бритвы врезалась в мозг, песчинки вдруг роем взлетели и мягко коснулись лба. Тир задержал падение. Сознание больше не оставляло его. Сдерживаясь, чтобы не застонать от резкой и невыносимой боли в области затылка, Тир, с усилием, заставил себя лечь на правый бок. Затем поднялся на локоть. Площадь песка теперь увеличилась. Взгляду открылись ближайшие барханы. Тир осмотрелся со всех сторон. Везде его окружали желтоватые наносы. Песок был везде. Полузасыпанное тело Тира шевелилось на вершине небольшого бархана у самого края отлогого откоса, среди моря гигантских холмов пустыни. Тир попробовал встать, но тут-же скатился вниз, на дно впадины. Качаясь из стороны в сторону, он снова попытался встать. С трудом это ему удалось. Стоя на ногах он постепенно приходил в себя.

И, когда силы вернулись в ослабевшее тело, Тир обнаружил, что на нем нет одежды, кроме набедренной повязки из куска шелковой парашютной ткани завязанной грубым узлом вокруг бедер. Он решил взобраться на верх, где маленькой цевкой шелестел песок, поднятый ветром. Стал карабкаться по предательски сыпучему уклону, оставляя глубокие борозды от рук и ног. Но каждый раз, когда к вершине оставалось полпути, его внезапно тянуло вниз. Неизъяснимая усталость жаждой вливалась в каждый мускул, и Тир, вконец измученный, сел на горячий песок, ожидая неизбежного конца.

Шелест песка, завывание ветра наверху, сливались теперь в едином напеве обреченности. Тир слушал пение, безразлично поддаваясь ожиданию гибели.

Песня пустыни продолжалась с каждой пройденной минутой, становилась громче, острее. Тир внезапно почувствовал, что жажда стала отходить куда-то в воспоминание, усталость потянулась следом. Так продолжалось с добрый локоть пути тени от головы Тира, что продвинулась по песку. Усталость вдруг ушла, казалось, насовсем,

уступив место отчаянной жажде жизни. Тир в бешенстве вскочил на ноги. Ощущая прилив бодрости, он остервенело бросился на бархан. Силы оставили его на самом

гребне песка. Но пустыня опоздала. На этот раз Тир рухнул без чувств на вершине. Когда он пришел в себя, солнце уже касалось горизонта, изрядно растеряв свой жаркий свет. В вечерних его лучах Тир выглядел жалким творением живой Природы. Грязный кусок

серой ткани чуть касался тела, болтаясь на бедрах. Те, кто приговорил принца Лакии на медленную смерть среди ада песков, позаботились об этом, не оставив ничего из одежд.

Тир тем временем ощупал себя, кожа не успела сгореть, казался недавний загар, ссадин и ран не было. Болела только голова. Темень ныла, видимо, сильный удар пришелся по ней. Отогнав боль, Тир развязал узел, снял повязку с бедер, затем аккуратно обмотал тканью голову. От этого голова стала меньше болеть, а запекшуюся кровь на темени поддерживали теперь не только волосы. Покончив с этим, он стал сосредоточенно искать причины случившегося. Тихо скулил ветер, шурша песчинками на вершинах барханов. Солнце почти скрылось за сплошной линией волнистых песков. День

догорал. В воздухе появились первые приметы прохлады, что пришли с заходящим солнцем. Завывание исчезло, легкий вздох ветерка чуть теребил грязную копну волос, выбившуюся из повязки на голове и осыпал плечи песчинками, словно солью.

Охватив голову руками, Тир сел на песок. Покой постепенно возвращался к нему. Наконец он обратил внимание на кровоподтек. Пальцы осторожно нащупали запекшийся сгусток крови под тканью, сплошным комом склеившей волосы. Удар пришелся вскользь, что уберегло череп и спасло Тира от смертельного исхода. Злость волной захлестнула рассудок. Тир вскочил на ноги, песок тут же мягко обнял ступни до щиколоток.

– Ты меня слышишь, раскаленный ад! Я, наследный принц Лакии, Тир, бросаю тебе вызов!!! – высокопарно крикнул он. Собственный голос придал силы. Вечерняя прохлада взбодрила, остудив горячее тело. Он запрокинул голову. Мириады звезд сверкали в ночном небе, манили яркими, похожими на неоновый свет, точками. Он отыскал среди них Северную звезду и, сориентировавшись по ней, двинулся на Запад...

Пустыня, дразнясь, бросала в глаза Тиру седьмой день пути. День, что нес на своих плечах раскаленным жерлом Солнце. Кроме солнца, казалось, ничего не было вокруг, оно вытесняло воздух, холод ночи, жизнь. Теперь главное – найти убежище, чтобы дождаться желанного вечера и снова идти под холодным ночным сиянием звезд. Но где ж в пустыне найдешь хоть частичку тени, когда солнце стоит везде. Даже звери не знают покоя и глубоко зарываются в сыпучий песок. В первый день пути Тир последовал примеру жителей пустыни и чуть не задохнулся в своем песчаном убежище-норе. Его спасла небольшая рощица из саксаулов. Тир из последних сил набрал пересохших веток, шалаш был сделан, тень обретена. Теперь его путь на Запад проходил в поисках таких рощиц. До этого времени ему везло, а вот

сегодня перед уставшим взглядом тянулись безбрежные волны барханов. Тир глубоко вздохнул, Солнце еще не достигло своего

жаркого зенита, еще было время. Пустыня, тропического пояса, жаркая днем и холодная ночью, давала возможность остаткам прохлады задерживаться на небольшой глубине песчаных барханов. Если, зарыться в песок с теневой стороны, можно переждать до вечера, когда солнце склонится к закату и легкая прохлада коснется песчинок, можно пускаться в путь. И Тир стал зарываться в песок. Как можно глубже, как можно дальше, прочь от испепеляющего блеска смертельных лучей. Он греб ладонями почти горячий песок, добираясь до заветной прохлады, а руки не хотели слушаться. Усталость сдавливала дыхание. Песчинки, соленой горечью, хрустели на зубах, иссушая остатки влаги из потрескавшегося шершавого языка и кровоточащих распухших губ. Когда на уклоне бархана образовалась небольшая ступенька. Тир обмотал нос и рот повязкой с головы, защищая от песка. Затем стал зарываться в бархан, пока толстый холодный слой песчинок не укрыл тело. – «Если не останусь в живых, здесь будет моя могила». – Думал он в эти страшные минуты. Погребенный заживо, он не надеялся на спасение. Но все же жизнь еще теплилась в теле, его бил озноб, хотелось тепла, а значит он еще жив. Тепло пришло. Сначала постепенно, с невероятно жуткой медлительностью, оно прогоняло холод, нарастая до нестерпимой жары...

Как окончился день, Тир не помнил. К действительности его вернул холод. Он подхлестнул жалкие остатки сил, заставил пробудиться сознание. Тир выбрался наружу. Его трясло от холода. Вокруг царил ночной мрак, лишь звезды мерцали в вышине, вечно манящие, дающие надежду. Глядя на Северную звезду, Тир двинулся дальше. Его путь – это бесконечные мучительные подъемы по сыпучим склонам и скатывания вниз.

Когда луна острым рогом села на горизонте, край неба на Востоке вспыхнул. Звезды, что весело мигали, внезапно поблекли, и собрались уже покинуть ночное небо. Вдруг послышался далекий неясный женский плач, словно кто-то отчаянно кричал или звал на помощь. Сердце забилося в груди. Тир, собравшись с силами, бросился туда, откуда доносился голос. Он преодолел три небольших бархана. На вершине четвертого, ему снова открылась панорама необъятной пустыни. А там, вдали, судя по звездам, на юго-западе, над самым горизонтом, виднелась кучка зеленой растительности. Голос, казалось, исходил из разных направлений, стал четче и слышался теперь оттуда.

Но с первыми розовыми красками утренней зари, голос растворился в пространстве, исчез. Заря разгоралась все сильнее и уже Солнце медленно поднималось над горизонтом. В бледной мгле дали таяла волнистая полоска зелени, к которой устремился взгляд, как к последней надежде на жизнь. Тир решительно направился вперед. Ноги почти не повиновались, мозг расплавленным свинцом разрывал череп. Собирая последние силы, Тир двигался вперед. Действительность была призрачной. Он мало сознавал, что уже плелся по мертвому Безымянному городу, что голос, который казался женским плачем, принадлежал шакальской стае, следовавшей по его следам. Тир же упрямо брел на свой ориентир, который маячил теперь двумя высоченными пальмами с зелеными шаровидными плодами, что росли на самой верхушке. Около подножия одной из них бежал веселый ручеек, образовавший небольшую лужицу, или озерко. С озерка вода испарялась так быстро, что ручеек еле успевал наполнять его.

Тир упал прямо посреди прохладного озерка, Он жадно пил взболтанную чуть соленую воду, ощущая, как влага разливается по раскаленному телу. Словно во сне, он пил и пил, не в состоянии утолить жажду. Живот разбух. Тир наконец выбрался на сухой песок. Его

стошнило. Но это произошло почти во сне. Обессиленный, он забылся под спасительной тенью пальмовых крон...

Восточный, словно прохладной ладошкой, ветерок, нежно тронул виски спящего в тени пальм у озерка. Затем сердито швырнул горсть горячего песка в зажмуренные глаза серого

животного, неотступно следившего повсюду за человеком, и взлетел далеко-далеко в небесную синь, где можно спрятаться от жара, полюбоваться оттуда куполами минарета безлюдного города, пропеть в башнях, извещая приход вечерней прохлады одиноким стенам, как делал это много столетий тому, когда город жил и его улицы были заполнены разноцветными одеждами мужчин и женщин, крикливой детворой и домашними животными. Ветер давно ждал возвращения людей. Ждал и тогда, когда усталый вернулся из далекого путешествия и не смог найти города, и лишь одна башня указывала на то, что город погребен под толстым слоем песка, давним врагом, Западным ветром. С тех пор Восточный ветер не оставлял Безымянный город. Он прекратил оплакивать людей, погребенных на его улицах. Он остервенело ревел, бросая комья песка прямо в ненавидящее лицо Западного ветра. Так продолжалось и днем, и ночью до тех пор, пока улицы города не восстали перед его могучим напором в первозданной красе. Но странно, людей уже не было, лишь человеческие белые кости да черепа пугали зияющими глазницами, которые то тут, то там, попадались лежащими на его пути. Ветер искал живых везде. Взлетал сквозь оконные рамы в винные погреба, где рядами стояли громадные бочки с недопитым вином. Он твердо знал, что вино там есть, потому что на столах еще стояли полные кружки. Он твердо знал, что уцелевшие люди вернуться и допьют вино. Он заглянул в роскошный дворец, где в бассейнах еще совсем не так давно плескалась прозрачная вода, а теперь лежал песок и снова убеждал себя в том, что люди вернуться сюда, чтоб расчистить бассейны, запустить фонтаны, вырастить цветы.

Но шли дни за днями, проходили годы, столетия. Трескались стены города, красивая мозаика куполов, словно рыба чешуя, слетала книзу. Ветер злился на людей за то, что они не возвращались, чтобы собрать и похоронить останки собратьев и вновь дать городу жизнь своим присутствием. Он проклинал их и желал скорее добраться хоть до одного из них. Он уж наказал бы его за такое безрассудство – бросить город серым шакалам, этим мерзким тварям, что питаются падалью. Однажды злость на людей стала нетерпимой. Ветер набродился на пальмы. Он рвал остервенело их листья, плоды и затих лишь тогда, когда увидел на песке сломанной одну из них. Он очень тосковал над ней. Пальма никогда уже не возвышалась над пустыней. А вот, наконец, Человек. О, он на то и Восточный ветер, чтобы дать ему все, открыть двери в тайные сокровищницы мертвого города, сделать Человека владыкой дворцов. Тир открыл глаза. Высоко над головой широкими листьями шумели две пальмы, ствол сломанной, третьей, лежал на горячем песке кроной к озерку. Вечернее солнце протянуло медные лучи на стволы, которые теперь, напоминали бронзовые колонны. Озерко, которое спасло Тира от жажды, словно горело в солнечном свете, бросая горсти золотых монет-зайчиков на ноги, жалкую траву, что росла кое где только тут вблизи озерка. Приятная прохлада разливалась по измученному телу, возвращая Тира к действительности. Он поднял голову, затем сел и осмотрелся. Незнакомое место казалось призрачным видением. Он протер глаза. Нет, это не мираж. Вода вот, рядом, значит жизнь. Волна радости

заслепила глаза. Тир упал наземь. Горячие скупые слезы покатались по грязным щекам. Тир постепенно успокоился. Память рисовала страшные дни пути. На миг показалось, что это был сон, видение пустыни и невыносимой жары. Он вспоминал все, что с ним произошло. Семь дней без воды и пищи под испепеляющим солнцем пустыни – нет, это невозможно повторить. Даже не хочется думать о продолжении пути. Хоть вода озерка и напоила его. Но голод не давал покоя. Он увидел в песке несколько круглых, величиной с человеческую голову, плодов. С трудом поднял один, обессиленными руками. Ему хотелось разбить кокосовый орех ударом один о другой, но с этой затеей ничего не вышло. Лишь обессилив еще больше, он рухнул вместе с орехом в руках в тени пальмы на мягкий песок. Отдышавшись, Тир, как во сне, шатаясь, медленно поднялся на ноги. Взгляду открылась наполовину засыпанная песком стена города с сторожевой башенкой, возвышавшейся у ворот. Даже теперь стена была все еще высокой. Тир направился к воротам, закрывавшим широченными створками вход в город. Он, хоть и не явно,

все же помнил, что здесь прошел к целительному роднику через город сквозь открытые ворота. А кто-то закрыл за ним ворота, а может это сделал ветер?

– Эге-гей! Есть кто-нибудь? – закричал Тир.

– Кто-кто-кто? – эхом отозвался город. Тир прислушался. Мертвая тишина воцарилась там. Страх, как муравьи, роем поползли по спине. словно чей-то внимательный взгляд следит за ним. Неприятный озноб пробежал по телу. Тир невольно посмотрел наверх. Никого не было в узенькой бойнице сторожевой башни: -», наверное, там во тьме тени сидит этот дикарь?». – Подумалось ему. Тир все же двинулся вперед. Успокаивала мысль, что если бы кто-то его хотел найти, то этот кто-то давно бы уже это сделал. Взбодренный этими мыслями, он с силой толкнул створку ворот. Душераздирающий скрип разорвал тишину. Он увидел узенькую улочку, на середине которой виднелись отчетливые человеческие следы. Он с возбужденной радостью глядел на них, боясь только одного, а вдруг это мираж? Но вздох разочарования вырвался из исхудалой груди, это же его собственный след? Западный ветер «насмешливо наблюдал» за жалким, обтянутым кожей человеческим скелетом, ожившим вдруг в заброшенном городе. Украдкой, чтобы не разбудить своего давнего противника Восточного ветра, так любившего и защищавшего людей, Западный, когда человек лежал бесчувствен в тени пальм, закрыл створки ворот. Тир двинулся вдоль развалин. Солнце почти касалось горизонта, отбрасывая от уцелевших стен длинные тени на улицу. Необходимо где-то найти пристанище, чтобы собраться с силами. В глаза бросилось уцелевшее строение прямоугольной формы с плоской крышей. Тир направился туда. Он перешел площадь, которой заканчивалась улица. Вечерняя прохлада уже бодрила тело, но от глиняных развалин, как от остывшей печки, еще отдавало жаром. Черное отверстие входа дохнуло сыростью подземелья. Тир по каменным ступеням спустился в просторный зал. Сумрак внутри помещения мешал разглядеть пространство зала. Постепенно глаза привыкали и Тир уже смог увидеть низенькие круглые столы, накрытые истлевшим тряпьем, на столах кубки. Тир с любопытством подошел поближе. Чаши бронзовые с резьбой, выполненные с огромным мастерством, были заполнены песком. Он взял одну и поднес к глазам, чтобы лучше рассмотреть подошел к окну, резьба на бронзе поражала красотой. Последние блики заходящего солнца все еще проникали в город и остатки света попадали в квадратное отверстие окна освещая сумрак зала. На столах, рядом с чашами стояли пиалы. Посреди зала очаг. Там, на цепях висел огромный казан, заполненный песком.

– «Явно это зал, где чернь собирается по праздникам для увеселительных мероприятий. – догадался Тир. – Значит должны быть винные погреба?»

Тир почти ощупью добрался до входа в погреб. Ногой нащупал первую ступеньку и в темноте, окутавшей вход в подвал, сошел вниз. Там ощупью стал исследовать подвал и скоро наткнулся на влажную бочку, потом еще на одну, еще и еще. Внизу, на одной из бочек, он нащупал деревянную пробку, торчащую из бочки, как сучек из ствола дерева. Тир попробовал сдвинуть ее, безуспешно. Тогда собравшись с силами ударил по пробке ногой, результата нет. Усталость навалилась с новой силой, заставила опуститься на холодную и сырую землю погреба. Руки в темноте искали опору и наткнулись на небольшой камень. Тир схватил его в правую руку, стоя на коленях и нащупав пробку, стал колотить им пытаясь выбить пробку. Глухие удары камня о дерево будили тишину подземелья, но пробка не поддавалась. Немного переведя дух, он снова взялся колотить камнем о деревянный сук. И сук сломался. Силы вновь оставили его, с колен он сполз вниз и на сей раз очутился в мокрой липке и вкусно пахнущей вином луже. Тир ощупал то место где сломалась пробка. О! Чудо. Там сочилось вино. Он подставил ладонь и не дожидаясь, когда в ладони окажется достаточно вина, жадно слизывал небольшие влажные порции с ладони. Так продолжалось до тех пор, пока силы окончательно не оставили его... Как вышел Тир из погреба, он не помнил, но заночевать ему пришлось на круглом столе, с которого он смахнул ладонью истлевшее тряпье с песком. Ночь вышла холодной. Сон то приходил, тепло укрывая тело, то исчезал, пронизывая иглами холода. Тир в такие минуты

скрючивался клубочком, прижимая ноги и руки к груди. – «Вот утром, – тешил он себя, – я разыщу топливо и зажгу огонь на следующую ночь, будет тепло, ночь будет теплой». От этих дум Тиру становилось теплее, и он снова забывался во сне. Когда солнце поднялось над горизонтом и прогнало прохладу прочь. Сладкий сон охватил Тира. Впервые за восемь ночей он крепко спал. Проснулся лишь тогда, когда жара, протянув свои щупальца в окно, добралась к нему, стянула остаток сна. Тир открыл глаза. Ослепляющий сноп света полоснул словно лезвием. На миг показалось, что мелькнула какая-то тень и исчезла. Тир вскочил и обнаружил, что кусок ватного заплатанного во многих местах халата, укрывал его ночью. Внимательно осмотревшись, он вдруг увидел, что под казаном тлеет огонь, а из него идет вкусный запах. Но обнаружить присутствие человека, ему не удавалось. Как будто сам собой загорелся огонь в очаге и сварил ему вкусной бульон из дичи. Недолго думая Тир бросился к казану и черпая горячий бульон половником, оставленным кем-то, обжигаясь и давясь, жадно ел содержимое. И только, когда на дне не осталось ни капли, а голод с удвоенной силой подхлестывал съесть еще несколько порций, он обнаружил, что еды больше нет...

Тир постепенно восстанавливал силы. Сутки, сменяя друг друга, тянулись в однообразной последовательности дня и ночи. Утром он обнаруживал в казане все большие порции похлебки, а однажды даже выловил кусочек мяса, по всей видимости это было мясо тушканчика. Пустыня под гигантской крышей синего неба предстала капканом, город, что спас – склепом. Мертвая тишина царила везде. Слепящие лучи

гнали все живое в глубокие норы, принуждали зарываться в толстый слой песка, а вечером, у озера, напоившего Тира, живность окрестностей собиралась на водопой. И уже с приходом прохладной ночи только слышно было шорохи да скуление шакалов.

Ни есть, ни пить ему уже не хотелось, таинственный спаситель исправно кормил его. Вино из погреба целительным бальзамом, вливаясь в организм, утоляло жажду, удваивало ослабевшие силы. К Тиру возвращалась былая уверенность в себя, в свое исключительное предназначение, как наследного принца Лакии. Но, кто его таинственный спаситель? Так чисто убран зал. Так заботливо расставлены старинные кубки на столах. А самое главное, кто варит ему пищу в казане? Тир решил положить таинственности конец и, дождавшись ночи, притворился спящим. Стал ждать, лежа на своем ложе-столе, укрывшись куском заплатанного халата. Утром вновь в казане была сварена еда. Тир же не уследил, так как спал мертвецким сном здорового молодого человека, подкрепляющего силы, каждый раз перед сном, выдержанным старинным вином из бочек винного погреба. Привыкший с детства к заботам дворцовых поваров, он уже не особенно старался выследить таинственного доброжелателя, принимая пищу по утрам, как должное. Его стали занимать мысли о враге, обстрелявшем и сбившем его самолет. Кто он, этот посланец войны? Тысячи раз задавал себе Тир один и тот же вопрос, но найти он был не в силах. С мыслями об инциденте приходила лишь ненависть...

Однажды утром, Тир проснулся от озноба. Что-то давило на грудь, отбирая тепло. Он открыл глаза. Леденящий страх пронзил, как стрелой, сознание. На груди, свернувшись кольцами, дремала огромная ядовитая гюрза. Голова ее была повернута в сторону подбородка Тира и раздвоенный язык, время от времени высовывался и щекотал отросшую щетину. Мысли носились в голове Тира, сменяя одна одну, как пули в автоматическом оружии. Но поддаваться страху, он как наследный принц Лакии не смел. Силой воли Тир подавил в себе предательские «стрелы» страха и уже хладнокровно стал взвешивать ситуацию. Первое, что надо сделать не шевелится, стараться не подавать признаков жизни. Змеи не нападают на мертвых, а с восходом солнца ближе к зениту и с возрастанием солнечного тепла жара сгонит змею. Рано или поздно она уползет во влажный и прохладный подвал. И Тир с «железным» спокойствием стал выжидать. Как вдруг с молниеносной быстротой взметнулась чья-то рука и голова змеи, взлетев высоко над грудью Тира, затрепетала в сильных пальцах незнакомца. Принц, как того требует Дворцовый Этикет, правда он сейчас далеко не во дворце, но все-же медленно

с достоинством, приподнялся на своем ложе-столе и высокомерно стал рассматривать своего спасителя. Это была женщина, закутанная в лоскуты, бывшие когда-то черными одеждами, с ног до головы. Лоскуты свисали на ней до пят босых и черных от грязи ступней, обнажая сквозь дыры белое тело. Лица ее Тир не смог рассмотреть, так как оно было закрыто некогда черным, а теперь выцветшим на солнце, до бледно-серого цвета, платком. Только глаза, искристыми черными «маслинами», смотрели настороженно на него. Но это длилось несколько мгновений, затем незнакомка свободной рукой достала, откуда-то из лоскутов одежд, кривой кинжал и в одно мгновение отсекла змее голову. Тир с любопытством наблюдал за ней, как та, не обращая никакого внимания на принца, быстрым и ловким движением перетянула шнурком хвост змеи, изготовленным из волокон кокосового ореха. Затем привязала свободный конец шнура за крюк, вбитый в стене и подставила пиалу на глиняный пол под обезглавленную нижнюю часть змеи. Туда капля за каплей стекала красная змеиная кровь. Женщина-же, орудуя Кинжалом, распорол брюхо змеи и вынула из нее все внутренности аккуратно уложив рядом с пиалой. От этого кровь сильнее потекла в пиалу, а еще бьющееся сердце она с восторгом победительницы, поднесла Тиру. Она жестами, пытаясь убедить, стала предлагать принцу съесть скорее сырым и еще живое сердце, энергично жестикулируя, что это придаст ему сверхъестественные силы и сделает его непобедимым в стане врагов. Он величественным жестом отстранил руку с трепыхавшимся на ней змеиным сердцем от себя и высокопарно вымолвил: – Я наследный принц Лакии, непобедимый и неуязвимый для врагов, не стану есть живое сердце гада! А кто ты?! – он с любопытством посмотрел в черные глаза женщины. Она отвернулась от него. И только характерное чавканье красноречиво «сказало» о том, что сердца уже нет. Покончив с этим, женщина направилась к истекающей кровью тушке и, сделав круговой надрез возле змеиного хвоста, стала сдирать кожу. Тир непривыкший к такому обращению черни, высокомерно повторил свой вопрос с угрожающими нотками властелина: – Ты, простолюдинка, как ты смеешь поворачиваться к принцу Лакии спиной, не ответив ему? По законам нашей страны это приравнивается к измене Родины и грозит смертной казнью!

Женщина повернулась к нему. В ее удивленном взгляде отразилось какое-то замешательство, затем она, поразмыслив, ответила на непонятном и незнакомом языке. Тир ничего не понял, но стало ясным лишь одно; эта женщина не понимает его язык, а значит он не может ее обвинять в государственной измене. В тоже время Тир заметил, что Кинжал, каким орудует она у тушки змеи, принадлежит особому подразделению дворцовой охраны и пользуются такими личные телохранители царя Лакии. Эти люди обучены особым приемам ведения партизанской войны в любом городе Мира в одиночку. Могут выжить в любых неблагоприятных условиях, обеспечив себя всем необходимым для выполнения особо важных заданий. Правда, чтобы скрыть следы, порой нечестной игры правительства, меняющей ход истории той или иной страны, выполнивших задание, бойцов невидимого фронта, часто устранили, как нежелательных свидетелей. Наследник не вступивший еще на престол не мог знать этого. Тем временем женщина, содрав шкуру, стала разделять тушку на куски и забрасывать их казан, где уже закипала вода, заблаговременно доставленная из озера. Вскоре в казане сварился вкусно пахнущий наваристый бульон с мясом. Тир-же спустился в погреб к бочкам. Внизу в дне каждой бочки вделана заглушка в виде деревянной пробки, в которой торчит колышек. Он осторожно вынул колышек, и ароматная цевка вина полилась в чашу. Наполнив две, Тир вставил колышек на место. Затем выбежал наверх. За одним из аккуратно накрытых низких столов уже сидела на глиняном полу женщина на корточках. Перед ней дымились в пиалах две порции бульона и стояла третья пиала с змеиной кровью. Тир поставил на стол чаши с вином, присел рядом. Женщина жестом предложила ему попробовать свежей змеиной крови, «объясняя», что это хорошо восстанавливает силы и бодрит. Тир вновь высокопарно отказался:

– Повторяю, я наследный принц Лакии и мне не пристало пить чью-либо кровь!

Женщина хихикнула, но спохватилась, ведь она не понимает, что говорит юный принц... А Тир, наслаждаясь старинной выдержки вином, ел жирный бульон не менее целебный чем свежая змеиная кровь. Силы его были уже восстановлены. От бывшего скелета, обтянутого кожей, не осталось и следа. Перед изумленным взглядом женщины, за столь длительные годы одиночества, не видевшая людей, предстал атлет с выпирающими из бронзовой кожи мускулами, широкоплечий и узкобедрый. Женское сердце не выдержало бы если бы не годы, проведенные в заточении заброшенного города среди пустыни, куда упрятали ее верные сослуживцы, доложив Риши, что свидетель уничтожен. Думар обещал вернуться и забрать ее, подготовив документы на другого человека, но так и не сделал этого. Забыли друзья, забыли враги, забыла прошлая жизнь. Признаться, кто она, значит потерять жизнь, и она решила остаться без имени, без прошлого, без языка которым говорила во дворце, охраняя колыбель младенца наследного принца Лакии, выкармливая его родного своим грудным молоком. Тир внимательно посмотрел в отсутствующие глаза женщины. Затем сказал, обращаясь к ней: – Я тебя не оставлю. Ты спасла принца и заслуживаешь государственной награды, как герой. Это я тебе говорю, наследный принц Лакии! Но мне в любом случае необходимо продолжить путь.

У женщины заискрились, вновь ожили, глаза. Она жестами приглашала его пройти с ней. Тир последовал. День стоял в полном разгаре. Жара испепеляющим на солнце и душная в тени загоняла в эти знойные часы все живое в укрытия. И только двое людей, перебежками по теням от развалин, продвигались по мертвому городу. Женщина привела его в свое убежище. Это было уцелевшее небольшое строение с типичной плоской крышей. Глиняный пол устлан ковром, укрывающий почти всю его площадь. Сквозь дыры в ковре виднелась желтая глина. На топчане лежали тряпки, все, что осталось от бывших постельных принадлежностей. Она достала из-под топчана бурдюк с остатками вина и жестом предложила забрать его в дорогу. Тир вдруг догадался, что она снаряжала его в путь. Кроме бурдюка для вина ни одной целой вещи не было у бедной женщины. Но с таким драгоценным даром, как эта кожаная емкость, можно двинуться в путь. С подарком Тир вернулся в свое убежище и стал тщательно готовиться к предстоящему переходу. Он тщетно уговаривал женщину отправиться с ним, но она наотрез отказалась, давая понять жестами, что не вынесет переход через пустыню. Приготовление заняли остаток дня. Надо было соорудить из ненужных ей тряпок, щедро предоставленных хозяйкой, что-то наподобие зонтика, И он был сооружен из жестких листьев пальмы. Наполнить вином бурдюк, и взять в дорогу сушеного мяса. Женщина научилась ловить мелких животных, что приходили вечерами на водопой, силками, сооружёнными из волокон кокосового ореха. Разделять тушки и сушить кусочки мяса на солнце. Отведав вина и бульона, с наступлением сумерек Тир двинулся вперед, захватив с собой прохладный бурдюк с вином, припасы сушеного мяса да воспоминания о приюте ниспосланной судьбой заботливой женщины, что два раза спасла ему жизнь в мертвом городе. Тир уже давно растворился в сумрачной мгле, как мираж. А она все еще стояла за городом, утирая скупые слезы. Затем нехотя поплелась обратно под сводами ночного неба, усыпанного яркими мигающими звездами...

Да, Тир был ее сыном. Ее с детского сиротского приюта отобрала военная комиссия, возглавляемая Думаром, молодым лейтенантом личной охраны царя. В комиссию входили врачи и специалисты из разных научно-исследовательских учреждений, работающих на военную машину нейтральной Лакии. Из детей, таких как маленькая семилетняя Марика, воспитывали будущих спецназовцев, бойцов особого назначения, умеющих вести партизанские войны в одиночку. Выживать в любых условиях, в любой столице Мира выполнять особо важные задания, секретные миссии монаршей семьи. Этот отряд подчинялся только царю, его приказам по ведению тайных и опасных совершенно секретных операций. Из таких людей состояла вся личная охрана Лакии. Монарх, уже практически в преклонном возрасте, а ему было 65 лет, когда царица родила ему сына, скончавшись при родах. Но, злые языки шептались во дворце совсем об ином, а источником дворцовых сплетен был царский Советник, Риши...

Царь в свои 65 лет уже не находил себе успокоения. Царица, первая красавица в государстве, была бесплодна. В строжайшей тайне держался этот Факт личным врачом царской семьи.

– Знаешь, дорогая Анабель, мне нужен наследник! – однажды Монарх затеял давно назревший разговор с женой. Женщина знала, что когда-нибудь это случится. Ждал этого и Риши. Разинув рот, он сидя в роскошном кожаном кресле в своей тайной комнате, слышал по подслушивающему устройству все, о чем говорили супруги.

Глубоко вздохнув, Анабель сказала грудным от волнения голосом: – Дорогой, я не могу тебе родить ни сына, ни дочери! Но я предлагаю тебе вариант...

– Какой-же? – Лакий насторожился.

– У меня на примете есть девушка с отряда особого назначения, ну знаешь, откуда наша личная охрана. Лакий заинтересованно слушал.

– Так вот, ты посмотришь на кандидатов и выберешь себе одну. Она станет нашей суррогатной матерью и родит тебе сына.

– А как-же материнские инстинкты?! – взволнованно выпалил Царь.

Анабель, холодно взглянула на мужа и с железными нотками в голосе сказала:

– Материал ликвидируют. Я воспитаю сына, как своего. Скажем общественности, что я уехала по совету врачей, вынашивать ребенка и рожать наследника престола в наш родовой замок под Нарфой. Девять месяцев меня не будет видно и тем более слышно.

Лакий, любивший Анабель больше жизни, впервые увидел ее с новой стороны, жестокой и бессердечной. Он колебался, обстоятельства диктовали свои условия и решать ему, отбросив быть может человеческие чувства в пользу государственных дел. С другой стороны, Монарх успокаивал себя тем, что с течением времени обстоятельства меняются. И как сложится в будущем покажет время – он категорически был против ликвидации матери наследника престола...

Шел спектакль в дворцовом оперном театре. Монаршая чета присутствовала на представлении пьесы по мотивам восточных сказок из знаменитой серии «Книга Попугая». Вот краткое содержание пьесы: «Рассказ о царе царей, о влюбленном старце и о том, как Царь хотел пожертвовать своей жизнью ради дервиша, влюбленного в дочь царя джинов». Пьеса шла в стихотворном исполнении с восточными песнями и плясками. Богатое убранство декораций, со вкусом подобранные одежды артистов и танцовщиц спектакля, настраивали зрителя на лирический романтический лад, располагающий к влюбленности и мечтаниям. В одной из сцен была занята выпускница школы спецназа Марика. Девушка, небесной красоты, играла роль дочери царя джинов. Ее гибкое тело, словно порхало в цветных лучах юпитеров, искусно подражая сказочному персонажу юной волшебницы, она игриво строила глазки дервишу заманивая его в логово джина...

Лакий внимательно следил за выступлением черноглазой танцовщицы и все больше, и больше разгоралось в нем желание увидеть в ней мать своего наследника. К концу третьего акта пьесы он уже не мог дождаться конца спектакля и решил выйти с Анабель из монаршей ложи в просторный холл театра.

– Дорогой, давай подойдем к артистической уборной. Наверняка она скоро придет туда.

Лакий, волнуясь, как влюбленный школьник, в сопровождении телохранителя и жены, двинулся узким коридором к комнатам для переодевания артистов. Актрису предупредили заранее, что ожидается визит монаршей четы. Марика, отыграв последний акт, сразу направилась в свою уборную. Царь встретил ее увлажненным от нежности взглядом серых глаз. Марика же, напротив, ждала официальной церемониальной похвалы, ну еще, как это бывает в подобных случаях, цветов. Букет из красных роз наполнял огромную корзину, которую, как игрушечный сувенир, преподнес Думар, поставив у ног танцовщицы. Девушка покраснела, затем овладев собой, официально, как подобает в подобных случаях, спросила: – Ваше Величество, Вам понравился спектакль?! – сделав грациозный поклон.

– Да-да. – пролепетал Лакий в ответ. Пауза затянулась. Чтобы разрядить обстановку вмешался Думар: – Младший лейтенант, Марика? Вы здесь на преддипломной практике. Вам повезло больше чем другим. Ваши подруги кто где, одни в джунглях. Другие в пустыне, а третьи... – он недоговорил. Вмешался Царь: – Лейтенант, а как повезло Вам?

Думар опешил от такого вопроса. Покраснел и выпалил: – Разрешите выйти?

– Так точно, лейтенант! – в унисон ответил Лакий. Думар поспешил закрыть за собой дверь, спрятавшись за ней от монаршего гнева. Оправившись от скованности, Лакий, осмелев, прямо предложил младшему лейтенанту работу, быть своим личным телохранителем и одновременно секретарем, в обязанности которого входит сопровождать монарха на приемах, встречах и переговорах, а также стенографировать все что будет сказано в присутствии его Величества. Марика вытянулась по стойке «смирно», как учили в школе спецназа, сказав: – Рада служить Вам, Ваше Величество!

– Завтра, жду Вас у себя во дворце. Все распоряжения получит Думар. Он примет Вас и ознакомит со всеми атрибутами службы. Не опаздывайте! – приказал Лакий.

Вскоре высокородная чета покинула театр. События развивались для Марики, как нельзя лучше. Молодой и красивый лейтенант, подумаешь всего на десять лет старше, сразу поуши влюбился в семнадцатилетнюю девушку. И она отвечала взаимностью. Все бы у них сложилось хорошо и успешно, но ее предназначение определяли не они, а жестокий и безжалостный рок. Лакий торопил события. И однажды Думар разрывая свое и сердце несчастной Марики привел девушку в покой к царю. Стоя под дверью спальни, Думар еле сдерживал подступившие горькие слезы. Досада комом сдавила горло. На сердце тяжело и больно, за столь несчастливый сбега обстоятельств так коверкающий их судьбы...

Марика переступила порог спальни Монарха. Лакий возлежал в роскошной постели, источавшей тончайшие ароматы восточных благовоний, ожидая с нетерпением девушку. В полумраке комнаты виднелся ее изящный стан сквозь полупрозрачные одежды, длинный до пят халат она сбросила у двери. Лакий затрепетал от нетерпения и жестом, дрожащей руки, пригласил к себе в постель. Он долго и нежно ласкал ее, склоняя к доверительному расположению и интимной близости. Марика была скованна, как кошка, загнанная в угол, сверкала на кавалера испуганными широко открытыми глазами трепеща от отвращения и неприязни. Перед глазами бедной девушки стоял образ Думара. Его атлетическая, узкобедрая фигура, бронзовым изваянием возникла в воображении Марики, оттеняя бледные отвислые складки жира на животе и груди монарха. И чтобы подавить в себе откровенную брезгливость и равнодушие, она закрыла глаза, почувствовав в тот же миг, как мягкие надушенные тела обволокли ее упругую стать...

Это была единственная ночь Лакия с Марикой. Спустя две недели после этой ночи, в кабинете личного врача Лакия сидел Риши: – Скажешь Лакию. – Внушительным резким тоном говорил он врачу монарха, – что Марика беременна! И срок ее беременности не месяц, а всего две недели!

Риши сделал многозначительную паузу. Затем добавил: – Не хочу, чтобы Лакий искал себе нового врача!

На следующий день врач, обследовав Марику, докладывал монарху: – Марика беременна уже две недели к ряду!

Царь был счастлив...

Вездесущий Риши знал все. И то, что Марика уже месяц, как беременна от лейтенанта Думара, и то что Лакий не может зачать наследника. И Советник решил держать язык за зубами до поры до времени, рано или поздно случай подвернется и обстоятельства обязательно сложатся в его пользу...

А что несчастная Марика? Анабель, как тигрица следила за беременностью Марики. И однажды вызвав ее к себе прямо и откровенно объяснила ей суть делового предложения:

– Сын твой будет наследовать престол. Ты-же побудешь в тени до некоторых пор пока он не вступит в царствование. Затем будешь при нем, как кормилица для общественности, а для него самого матерью. Хладнокровно взвесив все обстоятельства, Марика поняла, что выхода у нее нет. Так хоть пусть будет так, а не иначе. А дальше все шло по сценарию Анабель. Но, Марика родила близнецов в родовом замке монарха. Риши инсценировал нападение на Анабель с роженицей голодных дезертиров-солдат. Солдаты, по замыслу визиря, убили Анабель и выкрали одного из младенцев. Лакий сильно горевал по жене, но инцидент тщательно скрыли от народа, сообщив о том, что царица умерла вовремя родов. А несчастная Марика выкармливала своего сына, как наследного принца Лакии, став его официальной кормилицей. Ничего неподозревающий Царь, считающий себя отцом, видел свое утешение в наследнике и дал ему имя Тир...

Давно уже, в мареве песков, бесконечных барханов Тир потерял счет дням и ночам, и лишь брел из последних сил по раскаленным сыпучим волнам. Тир медленно продвигался на Запад. Он видел миражи манящих долин, потоков кристально чистых вод. Они словно дразнили его спокойной величием кокосовых пальм и зеленью лугов: – «...К нам, к нам – шу-шу-шу. – к нам – шу-шу-шу...»

Поддаваясь соблазну. Тир двигался в том направлении и уже сквозь внимание слышалось это «шу-шу-иву-у-у» где-то рядом. То завывал ветер суховей, подымая тучи песка. Так было бесконечное число раз, пока не приспособился к жестоким

миражам пустыни и не позволял себе больше тратить остатки сил. Куда теперь? И Тир шел вперед. Когда мираж снова внезапно возник на пути, он шагнул в него. Но, почувствовав прохладу воды на черных потрескавшихся ступнях, понял: – «Бесконечные ленты голубых волн на горизонте, что бегут сюда, превращаясь в бурлящие гребни волн, ласково касаются ног. Море».

Сколько времени ушло с этого момента, как горячее тело окунулось в прохладу воды, он не помнил. Длинные тени темными покрывалами ложились на откосы барханов, вплетаясь в гребни песка. Волны моря живыми медными отблесками отражали последние лучи красного солнца, которое уходило за горизонт. Там был Запад. У берега моря ночи не столь холодны, как в песках пустыни. И Тир упал на теплый песок пляжа, в беспокойном сне, как в бреду, прошла ночь. С рассветом, взбодренный утренней прохладой, он двинулся дальше. Теперь его путь лежал берегом бухты на Север. Этот путь он выбрал в надежде выйти к поселку рыбаков. Однообразный пейзаж пустыни сменился скалистыми обломками, хаотически разбросанными по песчаному пляжу, тянущимися туда, к вершинам горного хребта, который вынырнул из морской пучины и касался неба, цепляясь за белые копны облаков. Горы. Прохлада ущелий остудит, наполнит бодростью высушенное пустыней тело. «Скорее, скорее туда, к бледным от снега вершинам». – бредил измученный Тир.

Он плелся по тяжелому песку. А горы как будто, бежали прочь от него, дразнили, словно надетым на верхушки скал, венком из фиолетовых и бледно-розовых тучек. Вот несмело лизнул островерхую вершину красный язык луча, перескочил на другую, третью и побежал, враз охватив хребет. Следом из-за острозубой вершины глянуло злое горячее солнце и прямо в лицо брызнули мириады жгучих искр. Жара заползала горько-соленым гадом в пересохшее горло. Тир зашатался и упал в прохладу морских волн...

Глава четвертая

Юго-Западный степной ветер, Степняк, заставлял кланяться до земли ковыль.

Высушенные кусты перекасти-поля катились в его порывах, застревая в длинном плетне, сооруженном кем-то посреди огромного пространства безлюдной степи. Сразу же за ним ожидаешь увидеть рядки зелени, возделанные заботливой рукой крестьянина, но нет – земля укрыта там толстым слоем бетона, окрашенного под цвет высохшей травы. С высоты птичьего полета две параллельные бетонные полосы сливаются со степью, а все огражденное пространство, кажется гигантским загонем для скота.

Ветер сердито шумит в застрявших кустах перекасти-поля, пытаясь перебросить легкие ветвистые шары через ограду. Этот бесполезный труд ветра вызывает лишь завывание в прутьях забора – что под силу урагану, то не может простой степной ветер. Нарастающее далекое гудение на миг заглушило голоса ветра. Степняк замер, прислушался и

в радостном порыве швырнул охалку ветвистых шаров на ограду. Гул перерос в свист, потом в рокот реактивного двигателя. Самолет без опознавательных знаков с пятнистой серо-зеленой окраской зашел на посадку. Вскоре черными точками шасси он коснулся бетонки. Короткий пробег – и хищный профиль металлической птицы замер на месте, издавая вой работающими двигателями. Тучи пыли, взбитые вихрями реактивной струи, подхваченные ветром, уносились прочь в степь. Ветер неожиданно стих, словно замер от удивления, вслушиваясь в новый нарастающий свист. На горизонте появился еще один самолет. Издали, белой окраской фюзеляжа и разукрашенными плоскостями с черными полосами на концах крыльев, он походил на летящего журавля. Это был гражданский самолет монархической Лакии. Изображение жаворонка на фоне синего неба, застывшего над хлебной нивой, олицетворяло маленькую мирную страну, беззащитную в своем одиночестве, но дающую богатый простор для произрастания блага другим народам, выраженном в символе хлебного поля. Этот герб был изображен на белой краске Киля самолета и обведен красным кружком. Приблизившись, к аэродрому, машина начала снижение на свободную полосу. Подрулив к незнакомцу, самолет остановился. Из открывшейся двери показался нижний конец трапа. Не успел трап

коснуться бетонки, как на ступенях показался пилот в сером комбинезоне со шлемофоном на голове. Он быстро сбежал на бетон, бегом бросился в сторону к другому пилоту. Под мышками оба держали капсулы от пневмопочты. Встретившись, летчики обменялись ношей и так же быстро каждый побежал к своей машине. Вскоре взревели

двигатели, унося металлических птиц в разные стороны, на виду у растерявшегося Степняка...

Воздушный порт Лакии выстроен на искусственном насте из железобетонных конструкций, уходящем далеко в море. Взлетно-посадочная полоса аэропорта покоилась на сваях, забитых в морское дно. Но за время своего существования, наст оседал, и полосу время от времени приходилось регулировать специальными гасителями

неровностей, укрывающими толстыми и жесткими слоями бетон. На правительственной полосе аэропорта, проложенной на твердом грунте, ожидал возвращения самолета Тира Думар. Он нервничал, ходил по искусственной зеленой дорожке, нетерпеливо всматриваясь в горизонт. Там вскоре появилась черная точка, которая медленно разрасталась, приближаясь, и постепенно превратилась в металлическую птицу – журавля. Когда машина подрулила к месту ожидания, Думар, не дожидаясь, когда трап коснется бетона, подбежал поближе. На ступеньках показался пилот, им оказался Тир. Улыбаясь своей заразительной белоснежной улыбкой, он спросил: – Лейтенант, а что вы думаете по поводу крепкого коктейля здесь, в баре за углом?

Думар не ожидал вопроса. Он удивленно взглянул на Тира, затем, овладев собой, осторожно спросил: – А как вы слетали? Удачно?

– О, да, конечно. – Тир наклонился и достал капсулу, – Вот тут все, что ждет отец. – Он похлопал по ней ладонью, передавая Думару. Тот молча взял. Трап в это время мягко коснулся бетонки и Тир спрыгнул со ступенек.

– Ну так как мое предложение?

– Не могу. Ваше Высочество. У меня приказ доставить Вас с грузом во дворец.

– Ну что ж, во дворец так во дворец. – Ответил Тир.

Лакий с нетерпением ждал в своем кабинете. Он стоял у окна в обычном малиновом мундире с эполетами, придерживая рукой подвязанную оконную занавесь. Когда ожидаемая машина остановилась у ворот, он быстро подошел к рабочему столу и уселся в кресло. Листая бумаги, письма и регистрационные книги, он не видел написанного, не вникал в отчеты. Наконец дверь отворилась и впустила сухощавого на вид лейтенанта личной охраны: – Ваше величество, посланник и сопровождающий ждут в приемной?

– Зовите?

– Есть! – дверь захлопнулась и вновь отворилась. В комнату вошли Думар и Тир. Царь с волнением посмотрел на сына.

– Оставьте нас, лейтенант. – Сказал он. Думар вышел.

– Подойди ближе. – Сказал Монарх.

Тир подошел, протягивая капсулу: – Здесь то, что ты ждешь, отец.

Царь оторопело уставился на капсулу, затем овладел собой. На миг показалось, что он колеблется, мучительно принимая решение. Чтобы не упасть, чтобы не выдать волнения, прийти в себя. Пелена горя захлестнула взрывной волной отчаяния.

– " Кто перед ним? Сын? Если нет, то кто?!» Незаметно Лакий нажал кнопку вызова. В кабинет вошли Азон и Думар. Охранники молча, как предписывает инструкция в подобных случаях, пожирала глазами царя, внимательно ловя каждый жест. Монарху достаточно было сделать знак бровями, как офицеры молниеносно скрутили руки лже-Тиру.

– Вы за это ответите! – петушиным фальцетом завопил тот.

– Увести! – дрогнувшим голосом приказал Лакий: – Отдать визирю! Пусть выяснит все!

Со словом «визирю» лже-Тир прекратил сопротивляться и покорно пошел между охранной длинным коридором в сторону кабинета Риши. Советник уже ждал их. Он знал все, что творилось в кабинете царя. Сетью приборов подслушивания был опутан дворец. Каждый шаг монарха контролировался, каждое решение царя переваривалось в мозгу Риши, словно пища в желудке крысы.

– Провалился, щенок. Но как?! – шипел Риши, нажимая кнопку вызова. В кабинет тенью скользнул Рени.

– Немедленно принять меры? – сказал он слуге, удивленно хлопающему глазами, и добавил: – Провал!

Рени понимающе закивал головой, исчезая в боковой двери, откуда вошел. В этот миг дверь кабинета визиря открылась, и охранники втокнули в спину лже-Тиру.

– Кто тебя прислал, щенок?! – закричал Риши, вставая с кресла. Лже-Тир понимающе закивал головой, делая испуганное лицо, а глаза, смотревшие на визиря, искрились теплотой доверия. Риши тем временем распался сильнее: – Куда вы дели принца?! – с этими словами он нажал нужную кнопку на пульте. В кабинет, по-медвежьки переваливаясь, ввалился дежурный лаборант в белом халате с саквояжем в руке. Риши, взглянув на него, приказал: – Вырвать признание! – и охранникам: – Отвести в лабораторию! – Все четверо направились к выходу.

– Стойте! – вдруг остановил их Советник. – Я тоже буду присутствовать при допросе. Без меня не начинать! – с этими словами он сел за стол и быстро написал что-то на листе

бумаги, затем сложил листок вчетверо и сунул его в карман костюма. В лаборатории, куда спустился конвой, царил могильный мрак. Свет неоновой лампочки ярко освещал кафельный пол и стены. Посреди комнаты стояло кресло с подножкой и привязными ремнями на поручнях и спинке. Напротив, кресла для пыток стоял письменный стол. У стен несколько стеклянных шкафов с хирургическими инструментами. Лаборант молча указал узнику на кресло. Тот не повиновался. Тогда он легко схватил его поперек туловища и усадил, ловко привязав по рукам и ногам к креслу.

– Мы ушли, сержант! – сказал Думар лаборанту.

– Хорошо, я передам визирю.

Выходившие из полуподвала лаборатории офицеры встретили Риши, спешащего туда. Он испытующе кольнул охранников мышиными глазками, молча проскользнув мимо них.

– Вот крыса болотная. – Едко заметил Азон.

– Этот вынюхает все. – Авторитетно заметил Думар.

– За что и держит его Лакий. – Добавил Азон.

– Да ну их. – Махнул рукой Думар, – пусть грызутся в своем кубле. Лучше скажите, Азон, что вы делаете сегодня после дежурства?

– Ровным счетом ничего.

– Давайте прошвырнемся инкогнито по шестой улице, а?

– Давно мы там не были, дружище. А что, я не против.

– Так до вечера.

– До вечера.

Обменявшись крепким рукопожатием, друзья разошлись по постам. Тем временем Риши вкрадчивым голосом уговаривал лже-Тира подписать признание, написанное минуту назад визирем в своем кабинете.

– Вы молодой человек. И у вас еще все впереди! – говорил он, слащаво улыбаясь. При этом его верхние кривые зубы выпячивались над губой, делая еще более поразительным сходство с крысой

– Мои условия! – уверенным тоном начал лже-Тир. – Первое, это отправить меня и немедленно в нейтральную страну. Второе, обеспечить меня валютой до конца дней моих.

– Хорошо, хорошо, дорогой. Ты поставь подпись, а я выполню все, что ты желаешь. – Риши повернулся к лаборанту и нарочито строго приказал: – Развязать!

Неуклюже ворочая толстыми пальцами рук, сержант снял ремни с узника. Молодой человек встал на ноги, разминая затекшие члены, подошел к письменному столу.

– Давайте! – сказал он. Риши подал листок. Преступник взял и стал читать. Риши нервничал. Он засуетился вокруг стола, затем наклонился над узником и прошептал на ухо: – Миллион вас устроит?

Пленник медлил, затем сказал, мучительно растягивая слова: – Немедленно на аэродром, с тремя миллионами в иностранной валюте.

С этими словами, он взял чистый лист бумаги и ручку, и написал на нем название страны, где пожелал бы укрыться. Риши осторожно высвободил листок из его рук, отошел подальше, затем, махнув рукой в сторону узника, вышел. Сержант хладнокровно сгреб медвежьей хваткой лже-Тира и, усадив в кресло, туго привязал.

Узник, выпученными от животного страха глазами, следил за приготовлениями палача. И, когда тот стал медленно набирать в шприц яд, начал кричать, издавая нечеловеческий вой, как воеет пойманный в капкан волк. Узник кричал недолго. Впрыснутый яд мгновенно сделал свое дело. Утренние газеты пестрели сенсационными заглавиями: «Признание террориста». «Захват власти». «Заговор раскрыт». И так далее.

Риши был спокоен. Получив образец почерка, он быстро подделал почерк лже-Тира, написав признание с помощью своего личного специалиста и обелил себя.

В признании говорилось, что террорист, с целью захвата власти и убийства царя, захватил самолет Тира. Подменил принца двойником, а Тира упрятал на случай провала операции. Если операция провалится, то террорист сможет потребовать сохранить себе жизнь за жизнь принца, а заодно и огромный выкуп. Но Тир, боясь позора царской фамилии, покончил с собой, и сообщники террориста бросили его труп в пустыне.

На самом же деле Риши, получив секретные данные о новейшем вооружении, переданное Тиру Президентом Аркии и затем попавшее к нему, потирал руки. Пока Царь будет в трауре, он, Риши, как первое доверенное лицо после царя, будет вести дела и передаст секреты доверенным людям, дабы создать оружие первым, чтобы затем появиться на мировой арене сильной личностью, обладающей немыслимым по разрушительной силе оружием. Пусть попробуют тогда ему возразить. Смешон будет Царь. Смешон будет его Союз. Он, Риши, будет диктовать Миру свои условия.

От таких мыслей у визиря вскружилась голова. Он вылез из-за письменного стола, подошел к высокому окну. Там, за окном, прохаживался на посту номер два этот сухощавый лейтенант. Офицер замедлил шаг, остановился и поднял голову. Их взгляды скрестились. Лейтенанту стало не по себе. Он покраснел, опустил голову и поспешил отойти в тень, подающую от огромного Кипариса, росшего в дворцовом парке. Советник тоже отошел от окна и снова сел за письменный стол, собираясь с мыслями. Работа, которую он замыслил, предстояла огромная и важная, требующая большой осторожности и большой мобилизации всех сил. И Риши рьяно принялся за дело...

Глава пятая

По всем правилам, установленным этикетом, Риши разыгрывал спектакль траура по случаю гибели принца Лакии. Убитый горем Монарх, надел черную ленту поверх своей парадной формы, знак траура, и находился не удел. В течение всего этого времени, ровно две недели, страной будет управлять Советник. И Риши сразу же приступил к делу. Во все концы Мира потекли телеграммы-приглашения на прием по случаю выражения соболезнований, устраиваемый Лакием. Риши приглашал своих друзей и тайных врагов Монарха. С их помощью Советник надеялся достичь превосходства. И заручившись их надежной поддержкой, запустить в производстве изготовление ядерного оружия по полученной технологии. Он уже видел себя на месте Лакии,

видел себя владыкой Мира и понимал, что надо спешить. А несчастный Царь-отец был безутешен. Он заперся в своем кабинете; никто не должен видеть монарших

слез. Лакий, обхватив голову руками, сидел за письменным столом. Тысячи раз сопоставляя слова, произнесенные лже-Тиром, с тем, что сказал бы его сын. Иногда ему казалось, что лже-Тир был его настоящим сыном. Он так достоверно выглядел, как две капли воды походил на принца. Лакий даже усомнился однажды. Но, не без участия Риши, эксперты со «скрупулезной» точностью доказали, что лже-Тир никогда не был даже отдаленным родственником царской фамилии. Горе раздирало душу. Горе убивало смысл существования, смысл борьбы за жизнь. Документы, доставленные лже-Тиром, он сжег, не читая. Его терзала мысль за опрометчивость, которую он допустил, посылая сына в столь опасное предприятие. В израненном горем сердце исподволь накапливалась жажда мести. Невидимый враг мучительно возникал в сознании с оскалом злорадной улыбки. Накипевшая боль искала захода. Он медленно поднял голову. Красные от бессонных ночей глаза блестели. Царь нетерпеливо нажал кнопку на пульте слева. Дверь тут же отворилась: – Что угодно. Ваше Величество? – спросил, едва переступив порог, офицер из личной охраны.

– Кто сегодня на посту?

– Я, лейтенант Думар!

– Ах, да. – рассеянно сказал Лакий. – Подойдите!

Лейтенант подошел. В комнате царил полумрак, разгоняемый лишь настольной лампой. Зашторенные окна не пропускали свет утренней зари. Глаза царя находились в тени абажура, и Думару трудно было различить их.

– Срочно летите я Аркию. Лично встретитесь там с Виком и узнайте все о документах, которые он передал бандиту.

Думар внимательно слушал. Царь сделал паузу, затем добавил: – Считайте, что это поручение неофициальное. Постарайтесь как можно быстрее выяснить все. Вы поняли?!

– Так точно. Ваше Величество! – отчеканил Думар.

– Да, будьте теперь со мной попроще, я вам разрешаю. – Отец-Царь совсем растрогался от воспоминаний о сыне и добавил: – Ведь вы, Думар, единственный человек, кто видел моего мальчика в последний раз. – Лакий умолк. За тенью абажура лейтенант не смог различить монарших слез. На Думара вдруг нахлынули воспоминания, как под страхом его смерти, Риши приказал убрать Марику. Как трудна была эта задача для истерзанных молодых душ его и Марики. И, как рыдая, бедная женщина долго не отпускала сцепленных рук на его шее, прощаясь с ним в заброшенном городе среди пустыни. Риши с тех пор стал смертельным врагом для Думара. Под пристальным взглядом Риши Думар не мог найти подходящего случая за все эти годы разлуки с Марикой вырваться к ней. И раздавленный, угрюмый он вышел от царя. В коридоре его дождался Азон.

– Ну что? – нетерпеливо спросил Думара.

- Лечу в Аркию, так что вечер проведешь без меня. – Тяжко вздохнув, ответил Думар.
- А жаль ведь нас ждут.
- Ничего, подождут...

Перебрасываясь незначительными фразами, они спустились лестницей парадного входа на обширный двор дворца. Там кишели толпы одетых по случаю траура гостей. Их встречал сам Риши. Рени распоряжался лакеями, которые отводили прибывших в жилое крыло дворца. Охранники стояли по своим особым местам в малиновой форме

почетного караула с черной повязкой выше локтя на рукаве левой руки. Головы их украшали черные каски. Друзья направились к дворцовому гаражу. Там Думара уже поджидал его мотоцикл. Сержант, который выкатил двухколесную машину из гаража, бросился фразой: – К девчонкам?! – в глазах его промелькнули завистливые огоньки.

– К ним, будь они неладные! – насмешливо ответил Думар.

– Ха-ха-ха! – весело засмеялся Азон. На что сержант обиженно заметил: – Что, уж и пошутить нельзя? – последние слова заглушил рокот мотора. Думар вскочил в седло и, сопровождаемый ударом руки друга по плечу, рванул машину с места.

Вечерело. Косые лучи оставляли длинные тени от килей самолетов. На правительственной площадке аэропорта стояло несколько типов машин. От легких небольших до тяжелых транспортных, способных перенести всю дворцовую свиту вместе с нарядами и походным снаряжением в любую точку планеты. Думар остановил свой выбор на истребителе-разведчике, имеющем скорость полета в две звуковых, способный преодолеть до трех тысяч километров беспосадочного полета.

– Дежурный механик?! – обратился Думар к человеку в коричневом комбинезоне и желтом выцветшем берете привязанном бечевкой к куртке, чтобы не засосало воздухозаборником работающих двигателей.

– Слушаю вас!

– Подготовьте этот. – Думар указал рукой на выбранную машину без опознавательных знаков. Надо сказать, что выбор свой он остановил на этом типе самолета еще и потому, что оснащена машина оружием современного воздушного боя, чтобы предостеречь себя

в пути. Как знать, не поджидает где-то на голубых воздушных просторах враг, как знать, не следит он сейчас за ним?

– Есть! – ответил техник и принялся расчехлять самолет. Думар помог ему. Затем внимательно осмотрел каждый винтик, каждую заклепку на самолете. Проверил боекомплект. И наконец машина взмыла в воздух, когда солнце уже касалось круглым диском горизонта. Там, в вышине полета оно светило на изрядном расстоянии

от стыка поверхности с небом. Думар держал курс на Восток, и солнце глядело в спину. Он дотянулся левой рукой к затемненному стеклу шлемофона и медленно поднял светофильтр вверх. От этого четче просматривались плывшие внизу горы и полоска моря слева. Там за горами Кебзак начинается песчаная пустыня Пастка, переходящая в бескрайнюю степь, за которой прижимается к непроходимым Северо-Восточным лесам Аркия. Перелет длится ровно три часа, за это время самолет преодолевает расстояние в две тысячи семьсот Километров, путь довольно длинный для такого типа самолетов. И Думар еще и еще раз сверял показания навигационных приборов, боясь опустить неточность в выбранном маршруте пути. Внизу уже проплывало море застывших барханов песка, кажущихся ослепительно-белыми отсюда, с высоты птичьего полета. В небе ни облачка, лишь голубая дымка прозрачным покрывалом укрыла пустыню. Самолет, кажется, завис в ней недвижим, время остановлено. Так длится уже добрый час полета. И лишь рев двигателя напоминает Думару о движении вперед, да живой рой стрелок на приборах. Впереди возник серебристым коршуном самолет. Он двигался встречным курсом. Казалось, пилот не замечал машину Думара. Лейтенант отвернул, уступая

дорогу. Расстояние еще было довольно большое, позволяя свободно маневрировать. Но серебристая птица выростала на глазах, не думая уходить с курса. Думар подумал о пилоте весьма нелестно, повторяя маневр. Встречный не сдавался и явно шел на таран. – «Работают под столкновение». – Догадка молнией ударила в мозг. Холодный пот градинками выступил на лице. Думар быстро поймал в прицел противника, дал залп. И круто свернул в сторону-верх. Внизу пронеслась гряда дымящихся обломком.

– «Надо быть внимательным». – Подумал лейтенант, сверяя курс по карте и дальномеру. До Аркии оставалась тысяча километров или час с небольшого лету. Пустыня бежала внизу слепящим блеском песков. Время тянулось бесконечно. Уже пески сменила серая выгоревшая степь, скоро конец пути. В поле зрения вновь появился самолет. Зло, маневрируя, делал заход в «хвост». Думар включил рацию: – Незнакомец, ответь, какой стране принадлежишь? – молчание. Оознавательных знаков на борту нет. Вдруг сквозь

треск в наушниках шлемофона донеслось: – Если дорога жизнь, поворачивай обратно!

Думар хладнокровно взвесил ситуацию и, сделал вид, что испугался, ответил: – У-у мм-меня... – Глотнул слюну! – н-не хватит топлива.

– Ха-ха-ха! А мне какое дело? – дерзко ответил противник, чувствуя превосходство положения. Хитрость удалась, и враг, окрыленный успехом, прочно сел на хвост. Думар продолжал полет, подгоняя самолет противника в перекрестье прицела. Над кабиной полоснула пулеметная очередь врага. Думар спокойно поймал цель и выпустил полную кассету реактивных снарядов с «хвоста». Пилот мгновенно среагировал, но было поздно. Обломки хвостового оперения разлетелись в разные стороны, а все то, что еще оставалось от самолета, вместе с кабиной продолжало полет некоторое время по инерции, круто меняя траекторию. Думар с любопытством следил за стремительно уменьшающейся кабиной. Фонарь отделится, выпуская хлопок дыма, в котором мелькнула чёрной точкой фигурка летчика в кресле. Вскоре белый купол парашюта украсил однообразие серой пустыни. Думар пожалел в этот миг о недостатке времени. А так хотелось взглянуть врагу в глаза, но топливо па исходе, необходимо спешить.

Столица Аркии, Аркия возникла на горизонте неправильными многоугольниками жилых массивов, расположенных на многочисленных островах. Вокруг плескалось море. На синих его просторах белыми щепками разбросаны корабли. За каждым из них тянулся беловатый бурлящий хвостик, признак движения. Аэропорт Аркии примыкал к главному острову и уходил в море. По конструкции напоминающий аэропорт Нарфы. Сотрудничество двух стран сказывалось не только в этом, но и в похожей архитектуре домов и улиц. С высоты Думар сразу же обнаружил сходство по островерхим крышам, заканчивающимся тонкими иглами шпилей, старинном приспособлении от

грозы. Значительная часть домов была разрушена, у завалов на улицах копошились люди, разбирая кучи кирпича. Аэропорт встретил Думара единственной уцелевшей взлетно-посадочной полосой, залатанной наспех в некоторых местах. Самолеты не садились и не взлетали. Воздушных сообщений не было. Совершались лишь правительственные неотложные рейсы, и то очень редко. Думар завел машину на посадку, и умело посадил...

Аэровокзал, израненный взрывами снарядов весь в зияющих дырах, сквозь которые виден плеск моря. Невдалеке от здания аэровокзала виднелась сторожка, сколоченная из досок и покрытая искореженными листами дюралюминия. Думар подрулил к этой временной будке, и выключил двигатели.

Навстречу ему вышел бородатый охранник в выцветшей униформе с автоматом наперевес. Глазок прицела уставился в пилота.

– Эй, что за шутки?! – окликнул Думар.

– Следуй за мной, тварь! – угрожающе приказал солдат. И Думар повиновался.

В будке сидело пятеро небритых и нечесаных охранников в поношенной униформе, под столом валялось два трупа в форме дворцовой охраны Президента. Думар в замешательстве

остановился на пороге, его нерешительность развеял сильный удар в спину дулом автомата. Спина заныла. Он очутился посреди душного помещения.

– Ну, выкладывай? – обратился к нему один из бандитов, седой длинноволосый с жесткими чертами лица, очевидно, главарь. – Кто тебя прислал? И зачем?

Он выжидательно смотрел Думару в глаза, затем добавил, – Не вздумай медлить! – говоривший медленно обвел глазами сообщников, висевший на шее автомат глухо стукнулся о край стола. Двое поднялись. В их засученных по локти руках зазвенели цепи.

Думар понял – живым не выйти. Он напрягся всем телом, издал нечеловеческий крик и бросился на главаря. Неожиданность дала свои результаты. В мгновение ока в руках очутилось оружие, скосившее длинной очередью почти всех. Уцелевший конвойный, стоявший до сего времени у выхода, исчез.

– Черт! – выругался Думар. Осторожно выглянул в окно. Но тот был уже далеко, скрываясь в развалинах. Думар собрал рожки с патронами, запихнул их за пояс. Трофейный автомат повесил на шею, и выпел из булки. На улицах пустынного города прохожих почти не было. А те, которые попадались, смотрели голодными глазами на лейтенанта с неммым укором и страхом. Ко дворцу он подошел к четырем часам дня. Жарко светило солнце, камень мостовых и стен домов испускал духоту и сырость.

У дворца он наткнулся на полицейский заслон. Внутри пространства, обложенного мешками с песком, сидели за крупнокалиберным пулеметом солдаты в касках.

– Проваливай! – донеслось оттуда.

– Мне к Президенту!

– Эй, парень! Если ты пришел наниматься в охрану, так вакансий нет, все занято. Ха-ха-ха!

– Та, та, та, та. – Прозвучала короткая очередь, пули просвистели в сантиметре от головы. Лейтенант не дрогнул. – Ты нам нравишься. – Издевались солдаты, давая еще очередь.

Пули зашлепали у ног. Он медленно повернулся к ним спиной и стал уходить: – «Если не убьют, постараюсь пробраться во дворец ночью». – Решил он.

К исходу дня Думар обошел почти весь город, всюду встречая разруху и исхудалых людей. В одном месте его обляяла стая голодных собак с ввалившимися животами и сверкающими глазами, они остервенело лаяли, швыряясь хлопьями пены. Палец невольно потянулся и спусковому крючку автомата. Голодные псы, как по команде, скуля, с поджатыми хвостами, бросились враспышную. Долгие годы войны наложили отпечаток и на бедных животных. Унылые картины врезались в память, и сытая жизнь Лакии казалась земным раем. Но войны наложили свой отпечаток и на людей.

Сердца ожесточились, жизнь человеческая не стояла ничего. Естественно, в этих условиях с особенной тщательностью охранялся дворец, потому что те, кто охранял его, охраняли прежде всего свое благополучие и сытую жизнь. Думар понимал это, понимал и то, что проникнуть во дворец невозможно. Уже первые лучи заходящего солнца краснотой легли на стены домов, на лица редких прохожих. С суши подул вечерний легкий пассат, а решение не приходило. Сумерки застали Думара в развалинах аэропорта. Издали он заметил свою машину с чехлом на фонаре. У самолета торчал часовой с автоматом. Думар с нетерпением ожидал темноты. Солнце давно уже утонуло в море, а свет не мерк. Предательская луна ярко светила, очерчивая молочным сиянием предметы. Он быстро подбежал к остаткам самолета, сторевшим некогда на стоянке. Оттуда ближе и лучше наблюдать за часовым. Закаленный в боях солдат

был бдителен, бдительность эта отрабатывалась день за днем в ходе боев до чудовищного автоматизма. Солдат научился видеть и слышать во сне, и каждый шорох в сознании постового отвечал предмету, его породившему. Поэтому он услышал то, чего не мог уложить своим слухом Думар. Часовой как бы нехотя зашел за самолет и остановился там, облокотившись на фюзеле-

ляж. Сердце у лейтенанта застучало в груди. Он выжидал удобного случая. Прошел час. Луна сместила тени, но не убавила яркости.

– «Пора» – пронеслось в мозгу. Неслышным шагом по-кошачьи он скользнул к самолету. Часовой не менял позы. – «Спит» – подумал Думар и быстро подбежал к нему.

Не успел лейтенант сделать движение рукой, как тонкий стальной трос обвил шею. Часовой ловко поймал шею лейтенанта в петлю. Думар не ожидал такого исхода, но молниеносная реакция не подвела и большой палец правой руки оказался между шеей и тросом. Тренированному телу лейтенанта это дало вздохнуть лишь на две секунды. Остальное произошло мгновенно. Он почти механически, теряя сознание, нанес локтем левой свободной руки сильнейший удар в солнечное сплетение солдата. Удар достиг цели. Часовой потерял ориентировку. Оба свалились на бетон. Правая рука Думара не человеческой силой рванула петлю. Удалось освободить пространство между шеей и тросом. Удавка ослабла, давая возможность дышать. Лейтенант первым пришел в себя. Ослабил трос на шее, открытым ртом стал жадно хватать воздух, обливаясь обильным потом. Отдышавшись, быстро связал часовому руки тем же тросом и воткнул в рот кляп – обрывком портянки, извлеченный из сапога солдата. Затем быстро снял чехол с фонаря самолета и заглушки воздухозаборников. Думар торопился, и только в последнее мгновение обратил внимание на швартовочные тросы, крепящие плоскости к швартовочным крюкам стоянки: – А, черт! – выругался он, снимая швартовку с плоскостей машины. Наконец все готово, он вскочил в кабину и лишь убедившись, что-топлива для взлета хватит, облегченно вздохнул. В ту же секунду взревели двигатели, самолет сходу стал набирать скорость. Думар второй раз облегченно вздохнул. Стрелка расходомера топлива еще на стоянке держалась на аварийной отметке. Внизу поплыли редкие огни, светомаскировка соблюдалась строго даже во время перемирия. Контур дворца он узнал по особым приметам, врезавшимся в память еще днем, это темнее пятно сплошной зелени парка, в середине которого размещался дворец. Секунда, другая. Думар бросил управление и, уперев локти в спинку кресла, дернул ручку катапульты. Резкий удар... Сознания оставило его. Два старых солдата прохаживались аллеей парка по маршруту поста №5, как над головами раздался свист реактивного самолета и почти одновременно хлопок выстрела. Машинально оба бросились наземь, прикрыв каски на голове руками. Но взрыва не последовало. Гул самолета удалился и смолк. Солдаты поднялись, привычно смахивая пыль руками с форменной одежды. Внезапно треск ломающихся веток на верхушках деревьев привлек внимание. Оба пустились бежать в сторону доносившихся звуков. На ветках болтался парашютист. Парашют белым пятном выделялся на темных листьях кроны, скрывая добрую половину дерева.

– Сообщи начальнику караула. – Сказал один другому. – А я буду его снимать.

С этими словами он подошел к дереву и полез по ветвистому стволу наверх.

Думар очутился в комнате жилого крыла дворца. Его спасло удостоверение личной охраны офицера Лакии, которое обнаружилось при обыске. О нем немедленно сообщили Президенту, и тот немедля явиться, прежде дал распоряжение поместить лейтенанта в одной из многочисленных комнат. Это было роскошно обставленная комната со старинным камином слева от входа. Огромная двуспальная кровать занимала почти треть ее пространства. Сиделка в белом халате посмотрела на Вика, когда Думар открыл глаза.

– Где я? – первым что он спросил.

– Не волнуйтесь, вы у надежных друзей. – Поспешил заявить Президент.

– А, Господин Президент. У меня к вам поручение от Лакия.

– Да, я догадываюсь.

– Он послал меня с целью выяснить, какие документы были переданы вами лже-Тиру.

– Вы сказали лже-Тиру? – переспросил Вик.

– Да именно так. Он не назвал пароля, и Царь потребовал дознания.

– Я тоже замечал перемены в нем, но считал, что это впечатления последних событий.

– Нет, это лже-Тир. Экспертизой точно установлено, что этот человек никакого отношения не имеет к родословной Лакия.

– Я распоряжусь, чтобы вам выдали копии секретных документов. Завтра же я отправлю самолет в Нарфу.

– Нет, Господин Президент, сегодня! И как можно быстрее. Думар вскочил с постели, но ноги не удержали его. Удар был слишком сильный и требовал времени для восстановления работоспособности. Его заботливо подняли с пола и уложили в постель вбежавшие дежурные охранники. Он снова пришел в себя.

– Господин Президент, немедленно отправьте меня обратно.

– Хорошо, я распоряжусь. – В голосе Вика прозвучали твердые нотки. После чего он встал и вышел. Спустя полчаса Думара уложили на носилки и вынесли к ожидавшему автомобилю, а еще через двадцать минут он летел на самолете Аркии домой. Пилот часто оглядывался на Думара, который лежал в кресле и криво мученически улыбался ему в ответ...

– Вы, Орт, заслуживаете смертную казнь? – трескучим голосом крайне раздраженно говорил Риши, – Благодарите Бога, что вам удалось убраться наследника.

Капитан стоял перед маленькой юркой фигурой визиря, потупив взор. Риши бегал вокруг гвардейца, заложив руки за спину, и продолжал вычитывать: – Вы недостойны звания капитана, и моя б воля, я бы разжаловал вас в рядовые.

– Но, Господин Советник, я чудом остался жив.

– Вот какие люди нужны мне, учитеесь. Орт! – сверкая глазами, вскрикивал Риши.

– Думар... – Попытался было возразить капитан, но Риши перебил.

– Идите, Орт, и зарубите себе на носу, что вас спасло!!!

Гвардеец круто повернулся, щелкнул каблуками и вышел. Риши остался ходить взад-вперед по мягкому ковру кабинета. Он был уже почти у власти, но теперь, когда Лакий стал располагать такими же документами на производство секретного ядерного оружия, это поражение. Все лечится временем, и неудачи, и поражения, а там, как знать, придут новые дела, борьба и долгожданный успех. Тяжело вздохнув, Риши уселся за письменный стол, обхватил голову руками и углубился в мысли. Он готовил речь по случаю траура...

Думар не подымался с постели. Травма позвоночника оказалась серьезной. Царь отвел ему лучшую комнату в жилом крыле и приказал придворным лекарям выхаживать больного.

У постели Думара сидела миловидная медсестра. Она заботливо поправляла ему подушку, когда дверь отворилась и на пороге появился Азон.

– Милый друг! – едва переступив порог, сказал вошедший. – Я потрясен! Наш непобедимый железный Думар – и вдруг в постели!

– Как видите. – На лице Думара изобразилась невеселая улыбка.

– Я пришел Вас поздравить.

– Что с этим. – Осмотрев себя, мрачно пошутил больной.

– К чему эта меланхолия, будьте веселее. Неужели, черт побери, найдется болезнь, способная сломить гвардейца личной охраны, а?!

На лице Думара изобразилось невольное восхищение, а Азон продолжал: – Вам Царь жалует звание капитана. – Он полез в нагрудный карман форменной куртки и достал сложенную вчетверо бумажку. – Вот царский указ! – протягивая ее другу, сказал Азон.

Думар бегло осмотрел печатный текст, гербовую печать на бланке с водяными знаками. Гримаса Кислой улыбки тронула его губы.

– Вот он закон подлости налицо.

Азон не ожидал, что весть так расстроит товарища. Ему стало неловко. Он повернулся к сиделке, стоявшей у окна, и спросил: – Что говорят врачи?

– Говорят, что нужно время. Еще не ясен исход.

– Что значит исход?

– Исход возможных последствий. – Уклончиво ответила она.

Азон почувствовал вею серьезность болезни. Приподнятое настроение угасло. Он поспешил распрощаться и уйти, пообещав навестить друга в ближайшее время...

Глава шестая

Однажды Омар не выдержал однообразной скуки, царившей на пастбище, тихонько, чтобы не видел отец, удрал на море. Он спустился ущельем, по дну которого бежала дорога на пустынное побережье. Здесь выходил из моря хребет, отделяющий пустыню от плодородной долины. Он никогда не был на пустынном берегу. Безбрежные пески пугали, и мальчик предпочитал плодородные поля долины, озера и рощи, где не раз укрывался от зоркого родительского глаза. Но повзрослев, тянуло пытливым сердцем к неизведанным местам. Его смутно дразнила пустыня, часто меняющимися пейзажами барханов. Он любовался ею издали и очень редко.

Море блеснуло, выглянув из-за угла скалы неожиданным снопом отраженных бликов. От внезапности Омар зажмурил глаза. Верный Марсель, семенивший рядом, взглянул слезящимися от старости глазами на хозяина. Омар ускорил шаг. Вскоре они вышли к обширной бухте. Омар быстро разделся и бросился в воду. Вода остудила его, но ненадолго. День стоял жаркий, и теплое море не охлаждало. Он с наслаждением плавал, отдавая стихии молодое тело, наслаждаясь свободой и морем. Не сразу Омар обратил внимание на то, что Марсель нет рядом. Он стал высматривать пса на берегу.

– Марсель! – позвал громко. Но собака как сквозь землю провалилась. Омар встревожено вышел из воды, огляделся и увидел мчащегося со всех ног пса. Собака остановилась

на расстоянии, затем пустилась обратно в сторону пустыни, снова и снова повторяя маневр. Омар понял, что пес приглашает следовать за ним. Марсель, ускоряя бег, удалялся. Омар побежал быстрее следом. Пес остановился возле хаотически разбросанных камней. Море кипело, пеной извергаясь между выступов. В бурунах пены лежал человек. Изможденное тело обтягивала черная от прилипшей грязи кожа. Он лежал на спине в неестественной позе. Голова находилась на камнях. Ноги и туловище омывало волной.

Омар подошел поближе, наклонился к груди, прислушался. Сердце едва жило, его слабые удары чуть слышались в заглушаемом шуме волн. Омар вытащил незнакомца на берег. До крайности исхудалое тело, обтянутое обгорелой на солнце кожей, в некоторых местах, особенно на спине, покрыто лоснившимися язвами

от ожогов. Омар осмотрелся, принимая решение, затем взвалил человека себе на плечи и потащил. Ноша никак не соответствовала человеческому весу. И Омар легко преодолевал подъем за подъемом. Когда он появился у загона, отец, издали заметив сына, поспешил к нему: – Что за скелет? Где ты его выудил? – допытывался Ден, едва спрыгнув с лошади.

– Отец, все расскажу потом. Давай лучше помоги отнести в сторожку.

Они уложили несчастного на разбросанные шкуры деревянной кровати.

– Да он, наверно, мертв? – Ден приложился ухом к сердцу. Прислушавшись, добавил: – Живой. Ну-ка дайка мне жира да сыворотки с кислого молока. Омар принес все, что потребовал отец.

– А теперь сбегай за водой, да вскипяти ее в казане. – Распоряжался Ден.

Теплой водой они обмыли тело незнакомца. Затем смазали раны овечьим жиром и влили в рот из фляги крепкого вина. Напоили сывороткой с козьего молока.

– Вряд ли выживет. – Заметил отец, осматривая изможденное тело. Ребра круто выделялись на фоне желтой кожи.

– Хоть анатомию изучай. – Добавил Ден, укрывая незнакомца теплым одеялом.

Омар порылся в аптечке и достал градусник. Прилепив присоску градусника ко лбу больного, стал с тревогой следить за шкалой.

Температура медленно увеличивалась. – «Значит, живой». – Подумал Омар.

Он сидел возле незнакомца целыми днями. Совал ему в рот сыворотку, овечье молоко. Жаропонижающее вводил лично сам отец шприцом. Дни медленно текли за днями, но улучшения не наблюдалось. Незнакомец по-прежнему был без сознания. На исходе шестого дня Омару показался вздох. Он подлетел к больному, узелок марли с кислым молоком, который он держал в руках, выскользнул, упал на пол, расплываясь белой лужей по земляной поверхности. Незнакомец судорожно и шумно дышал. Тело его покрылось крупными каплями пота, температура все еще держалась.

Улучшение наступило лишь спустя сутки. Температура несколько уменьшилась. Омар сел рядом. Усталость наваливалась, смыкая веки, но он старательно боролся со сном, ожидая, когда же очнется больной.

– А-а-а! – закричал незнакомец. Омар вскочил со стула, просыпаясь на ногах. Быстро наклонился над больным. Губы у незнакомца шевелились, из горла вырывались стоны и хрипы. Омар подбежал к кадке с водой, зачерпнул черпак, затем осторожно, чтоб не расплескать, поднес к его рту. Приподняв голову, он влил воду в рот. Больной сделал несколько глотков и резким движением тела отбросил голову на подушку. Прошло еще несколько часов. За окном забрезжил рассвет. Отец, ворча, стал собираться к овцам.

– Выживет. – Авторитетно заметил он и вышел, громыхнув низкой дверью. Омар с тревогой наблюдал за больным. Отец гремел сбруей в сенях сторожки. Затем скрипнула отворяемая дверь, и он показался, просунув голову, сердито сказал: – Ты уже бездельничаешь неделю. Пора бы и поработать. – Громкий хлопок двери известил о том, что у старого Дена плохое настроение ухудшилось. Омар втянул голову в плечи, быть грозе. Больной вдруг открыл глаза, уставившись невидящим взглядом в потолок.

– Отец, я выполнил то, что ты просил, вот, возьми. – С этими словами он приподнялся, поднял руки, протягивая несуществующий предмет Омару. Пастух испуганно отшатнулся. Незнакомец снова потерял сознание. Его бесчувственное тело мягко свалилось в постель. Омар наклонился, заботливо укрыл больного одеялом. Незнакомец

что-то бормотал в бреду. Температура вновь подскочила. Омар беспокойно смахивал чистой тряпкой крупные капли пота со лба и лица и совал ему в рот кусочки льда, который приносили из погреба. В это время в сенях раздались тяжелые шаги. Дверь с грохотом распахнулась. Омар обернулся и увидел злое лицо отца. Он не входил в комнату, лишь чуть просунул голову в щель между косяком и дверью.

– Я кому сказал?! – злобно крикнул он. – Работать кто пойдет? Ты что же, так и будешь сидеть? Идиот!

Омар нехотя поднялся. Набросил на плечи рабочую ватную куртку и вышел к отцу. Ден сопел, бросая косые взгляды на сына. Пренебрежительно швырнул поводья оседланной лошади ему в руки. Омар поймал повод. Отец быстро вскочил в седло с проворством, которому позавидовал бы любой наездник со здоровыми ногами. Омар взобрался на свою. Уже отъезжая от сторожки, бросил прощальный взгляд на окна.

Лишь поздно вечером они вернулись в хижину. Омар чуть привязав свою лошадь к коновязи, бросился в спальную комнату. В лицо ему ударил острый смрад человеческих испражнений. Больной в жару метался на постели, перепачканной собственными выделениями. Омар выбежал на двор, развел под казаном с водой огонь.

Затем бросил охапку душистого сена возле костра, заботливо расстелил и вбежал в хижину. Там он застал отца.

– Где ты взял эту падаль?! – злобно орал Ден и смачно плевался на пол, провожая Омара презрительными взглядами. Омар взял на руки больного и вышел во двор. Горный теплый воздух ударил пьянящим нектаром ароматных трав в нос. Он поднес свою ношу к костру и бережно уложил на разостланное сено. Затем смял небольшой клочок, соорудив таким образом нечто похожее на тампон и, смачивая тело теплой водой из казана, стал омыwać нечистоты.

Когда с этим было покончено, он снова соорудил постель из свежего сена и перенес на него вымытого незнакомца. Затем укрыл чистым одеялом. С грязным постельным бельем он провозился почти до середины ночи, выжаривая в большом казане для топления овечьего жира. Лишь под утро он уложил больного в чистую постель и сам свалился от усталости, уснув рядом.

Все это время Ден храпел на своей постели. Утром, чуть забрезжил рассвет, Ден грубо растолкал сына: – Вставай, лентяй. Пора на пастбище.

Лошади уже стояли оседланными. Снова больной остался без присмотра. На сей раз Омар положил его на охапку сена. Больной все еще метался в жару. Снова поздно вечером возвратились отец с сыном. Омар, как и в прошлый раз, бросился в хижину, едва при

вязав лошадь к коновязи. Но сторожка оказалась пустой. Омар осмотрел комнату, заглянул даже под кровать – никого. Он выбежал во двор. Пес скулил и вертелся вокруг его ног, и, словно понимая, кого ищет хозяин, с лаем бросился в темноту.

Омар побежал следом. Марсель привел его к пропасти. Пронзительно выл ветер на ее краю. У юноши защемило сердце: – «Неужели он выбросился?». Но пес увлекал за собой дальше. У самого карниза он нашел незнакомца под кустом колючника. Его пальцы

крепко сжимали ветки кустарника, на разорванных ладонях запекшимися каплями застыла кровь. Омар осторожно освободил руки больного от колючих веток,

подсвечивая фонариком. Марсель скуля сновал вокруг, пытаясь лизнуть незнакомца в лицо. Омар свалил больного на плечи, с удовлетворением отметив, что он изрядно прибавил в весе, и поволол к хижине. Отец снова начал ворчать, чуть Омар с ношей переступил порог сторожки.

– Да брось его, пусть он сдохнет. Нашел обузу на нашу шею.

– Отец, замолчи и не мешай мне.

– Что ты сказал, щенок? – крайне раздраженный, Ден бросился с кулаками на Омара.

– К черту, надоело! Убирайся со своим найденышем куда хочешь! – с пеной у рта кричал он. Омар не реагировал. Хладнокровно укладывая незнакомца в постель. Отец, доведенный спокойствием сына до бешенства, отвесил ему изрядную оплеуху. Сын выпрямился, и не владея собой, ударил отца кулаком в подбородок. Неожиданный ответ с такой силой опрокинул беднягу Дена на спину. Глухо охнув, он шлепнулся на пол, раскидывая руки. Выпученные глаза остановились, рот непроизвольно открывался, хватая воздух, но грудь не дышала. Омар испуганно бросился к отцу, приподнял его

Тот не шевелился, дико вращая налитыми кровью глазами, и не дышал. Лишь минуту спустя дыхание вернулось к нему. Кряхтя, опираясь на сына, он приподнялся. Омар помог ему лечь, задерживаясь у постели. – «Теперь уж точно выгонит». – Подумалось ему. Отец поднял правую руку, ощупывая подбородок: – Да, ты у меня совсем уже мужчина. Неожиданно спокойно сказал он. – Ладно, оставайся со своим подопечным, ставь его на

ноги. Ох-хо-хо. – Застонал он. – Я сам управлюсь как-нибудь с отарой. – Он повернулся спиной и тут же захрапел. Омар с приподнятым настроением принялся ухаживать за больным. Прежде он промыл гноящиеся раны теплой водой и обильно смазал овечьим жиром. Затем влил молоко с хлебными крошками в кружку и накормил. Ночь

прошла спокойно. Больной спал. Температура хоть и держалась высокой, но не настолько, чтобы угрожать непредвиденным исходом. И Омар впервые спокойно уснул...

Глава седьмая

Азон вышел из духоты комнат полон невеселых дум. Думар, его единственная поддержка и опора в этом осином кубле наемников, укрывшихся под сенью службы, царю от разного рода невзгод, беззащитен как младенец. Как сложится теперь судьба? Враги не преминут воспользоваться одиночеством Азона. Начнутся козни, интриги и

насмешки. В конце концов он вынужден будет покинуть пост первого телохранителя царя, а это крах. Снова скитания в поисках случайного заработка, издевательские оскорбления бездомных, нищета. Он вышел за ограду, окаймлявшую дворцовый комплекс, на тротуар. Мимо проносились легковые автомобили, грузовики и мотоциклы. Редкие прохожие спешили в этот час домой. Моросил мелкий дождь. Азон поднял воротник куртки, остановился у края улицы. Вскоре к нему подкатило такси. Словоохотливый таксист без умолку тараторил о рыбной ловле. Он стал рассказывать о хитростях прикорма и рыбалки вообще. Но Азон плохо слушал, он был поглощен в собственные невеселые мысли. Вскоре они подъехали к дому, где Азон жил в служебной однокомнатной квартире на седьмом этаже. Подымаясь в лифте, в голову вдруг пришла неожиданная мысль: – «А в самом деле, ведь таксист прав, завтра выходной. Выходной и у меня. А не пойти ли мне на охоту. Немного развеюсь и, может, приду в себя».

Мысль взбудрила, он быстро, твердым шагом вошел к себе. Комнатка, в которой жил Азон, была небольшой, прямоугольное пространство, ограниченное четырьмя стенами, паркетным полом и белым потолком, составляло в объеме тридцать семь с половиной кубических метров. На противоположной стене от двери находилось широкое

окно с балконной дверью, занимавшее почти ее половину. Великолепный вид на проезжую часть улицы. Справа стояла узкая деревянная кровать, у окна письменный

стол с настольной лампой, слева у двери несколько стульев, кухонный стол, застланный скатертью, и всякая аппаратура на нем. В эту комнату можно было попасть из маленького коридорчика, ведущего на крохотную кухню и ванную.

Азон вошел в коридорчик, снял куртку и повесил ее на вешалку возле входной двери. Затем устало опустился на табурет. Немного посидел, не двигаясь, с закрытыми глазами. Затем принялся расшнуровывать ботинки. Когда он вошел в комнату, было уже около

одиннадцати вечера. В это время по телевидению обычно транслировались развлекательные программы. И он по привычке включил аппарат. На экране возникло лицо Риши. Азон недовольно поморщился. Риши изливался траурной речью. Сменилось несколько кадров, показывая убитого горем отца, принимавшего соболезнования от заморских стран в лице заместителей руководителей ста пятидесяти государств, созданных визирем со всех концов Мира. Визирь и Советники, заместители и секретари проходили перед несчастным монархом в скорбном молчании жали руки. Руководители же сидели в это время у экранов телевизоров и визирали на Лакия, с волнением

наблюдая за будущим спасителем Мира, встреча с которым им предстоит через несколько дней на первом в мировой истории Совете Перемирия.

Азон, не терпевший подобного рода передач, раздраженно выключил приемник. На столе лежало в беспорядке несколько книг. Он взял одну, лег в постель и начал читать, но вскоре уснул. Свет ночника так и остался гореть на всю ночь. Утром Азон надел кетоновые брюки цвета «хаки» и куртку, повесил на плече охотничий брезентовый мешок и отправился на улицу. День обещал быть солнечным. В аэропорту, на царской стоянке, размещалось три ангара, огромные крытые сооружения для содержания и ремонта авиатехники. В одном из них, вертолетном, находились разные типы

Вертолетов на реактивных двигателях, начиная с легких двухместных прогулочных и кончая тяжелыми, грузоподъемностью в несколько десятков тонн.

Азон представился начальнику вертолетного ангара, сухощавому высокому капитану ВВС Лакии, которого нашел в кабинете, Тот, узнав, что Азон лейтенант личной охраны царя, услужливо вскочил с места: – Капитан Пик. Чем могу служить, господин лейтенант? – капитан не выговаривал букву «ж» и в этом что-то было детское, не вязавшееся с суровыми чертами лица.

– Капитан, мне необходим легкий вертолет для охоты.

– Вы охотитесь один или вдвоем? – осведомился тот.

– Один.

– Могу предложить «Стрекозу», «Комара», «Слепня»... – Называл Пик конструкции имеющихся легких машин.

– А, впрочем, давайте пойдём с вами в ангар. Они спустились по крутой металлической лестнице, ведущей из кабинета в ангар. Там в строгом порядке на прямоугольных бетонных площадках, ограниченных желтой полосой, начертанной масляной краской, застыли расцвеченные машины, внешне напоминающие насекомых. Азон остановился возле «Комара», словоохотливый капитан без умолку комментировал, помогая жестами обеих рук: – «Комар», одноместная машина. Обратите внимание на кабину. Она несколько вынесена вперед, ощущение такое, что сидишь как бы в мыльном пузыре. Шума двигателей практически не слышно. Передняя стойка шасси по конструкции напоминает внешне хоботок комара, за что он и получил такое название.

– Нет, маловато места. Я думаю, мне удастся что—то подстрелить. И куда положить дичь?

– Ну, лейтенант?! – удивленно переспросил капитан. – Для этого здесь предусмотрен грузовой отсек с лебедкой. А трос на конце снабжен захватом. Он быстро просунул руку в кабину и чем-то щелкнул. Послышался шум электродвигателя, створки внизу под брюхом машины раскрылись, и оттуда показался автоматический захват с острыми крючками, прикрепленный к тонкому тросу.

– Нет, не годится, Мне нужен двухместный вертолет. Я хочу видеть добычу.

– Ну тогда, лейтенант, может «Стрекоза». Очень удобный, а главное, он подымается высоко и незаменим в горах. Обратите внимание, какие несущие плоскости, и имеет два места с хорошим обзором.

– Нет, капитан, слишком большой размах винта.

– А, понимаю, что вам нужно.

Он увлек Азона в дальний угол ангара. Там стоял двухместный вертолет, с первого взгляда и не назовешь его летающей машиной, таким он кажется маленьким и изящным, с небольшим размахом несущих винтов.

– Это «Слепень». Правда, потолок у него ограничен, зато это очень маневренная машина. Практически мгновенно останавливается в воздухе, меняет направление полета.

– А как высоко в горы можно забраться на ней?

– Ну если я вам скажу высоту в метрах, это вам ничего не скажет. Но ориентируйтесь по снегу. Если увидите снег в горах, вот выше он и не подымается.

– Спасибо, капитан. Я, пожалуй, беру этот.

Пик суетливо замахал руками:

– Эй, сержант! – позвал он ближайшего механика, копающегося во внутренностях вертолёта на соседней площадке. Тот выпрямился, вытирая ветошью руки.

– Слушаю, капитан!

– Зовите механиков. Выкатим «Слепня» на старт.

Пятеро солдат с сержантом во главе принялись толкать вертолет к открытым створкам ворот ангара. Вертолет, покачивая плоскостями винтов, остановился в центре обведенного белой краской круга, на обширном дворе.

– Ну, счастливой охоты, лейтенант. – Капитан нервно пожал Азону руку. Он старательно скрывал чувство зависти. Может быть, ему тоже хотелось вот так, как этот лейтенант, вспорхнуть к облакам. Но род войск не позволял этого. Такой привилегией пользовалась только личная охрана Президента.

– Лейтенант? – вдруг спросил Пик. – А что, лейтенант Думар

уже капитан? – заискивающе, с нескрываемым чувством зависти съязвил – таки капитан.

– Да, капитан! – Азон вздохнул. Удар достиг цели, настроение все-таки удалось испортить этому человеку с детским голосом. – А вам-то что?! – отпарировал Азон

– Так, ничего! – в свою очередь вздохнул тот и, овладев собой, спросил, – Я вам не нужен?

– Нет, можете идти!

Капитан подернулся, направляясь к ангару. Вскоре оттуда донеслось: – Сколько вам говоришь, не сливайте масло в противень, для этого же есть ведра...

Азон, залезая в кабину, подумал вдруг об отставке: – «Э-эх, были б деньги. Махнул бы куда-нибудь ж тихий райский уголок, завел бы вот такой, ну поменьше, конечно, ангар. И...», – мысли унесли далеко-далеко в несуществующий мир иллюзий, где нет зависти, врагов и борьбы за выживание, есть только счастье...

Вертолет вспорхнул, покружился на месте в метре от бетонки и рванулся почти мгновенно с места в голубую высь к далеким белым шапкам гор.

Три ангара внизу превратились в игрушечные коробки, сновавшие люди возле них стали походить на маленькие живые точки, а горы не изменились. Из голубей дымки, слева внизу, темно-синей безбрежной пустыней вынырнуло море. Ослепительно белой, стремительной площадкой уходила в него взлетно-посадочная полоса аэропорта.

На ней застыл, готовясь к взлету, пассажирский лайнер, кажущийся отсюда, с высоты, игрушкой на письменном столе, покрытом скатертью моря. Азон летел в стороне, по специально отведенному службой безопасности полетов, коридору. Внизу, справа, проплывали удивившие вдаль квадратики возделанных полей, чередуясь с небольшими рощицами и редкими озерками, блестящими с высоты, словно разлитая ртуть. Вершины хребта вырастали на глазах, одновременно убегая от Азона на Восток. Взгляд невольно скользнул по приборной доске, остановился на указателе курса. Вертолет двигался по направлению гор, прибор не обманывал – горы игрались в прятки.

Внизу, у самого подножья хребта, показались красные черепичные крыши, утопающие в зелени насаждений. Тонкая нить дороги рассекала их на две группы и убегала в горы, исчезающая между двумя холмами. Азон последовал вдоль дороги. За холмами взору открылась грозная возвышенность, замыкающаяся со всех сторон горами, отсекаемая от основного хребта с восточней части ущельем, уходящим далеко вправо и влево. Там, слева, между холмов предгорий и хребтом, блестит синяя полоска моря. Внизу на вытянувшейся вдоль ущелья возвышенности видны пасущиеся отары овец, пастухи верхом на лошаденках, загоны и сторожки, крытые черепицей. Вертолет нес

Азона вправо по ущелью вдоль хребта. Слева сплошной обрывистой стеной возвышался хребет Кебзак. Проникнуть бы туда, в его неприступные ущелья и долины с нетронутыми стадами горных животных, чувствующих себя привольно за каменной оградой хребта. Продолав изрядный отрезок пути в триста Километров, Азон обнаружил в стене огромный разлом, образующий гигантское ущелье, справа и слева склоны, поросшие мелким кустарником и травой. Азон свернул в разлом. Неожиданные скалистые уступы чередовались с гигантскими провалами поверхности, образуя живописнейшие картины горного пейзажа. Гармония красок от нежно-фиолетового оттенка до бледно-голубого встречал изумленный взгляд щедрыми россыпями. Азон забыл об охоте, всецело отдаваясь во власть симфонии красок. Нежно-розовые перламутровые облака громоздились над бледно-фиолетовыми шапками вершин, дополняя и замыкая в вышине пейзаж. Хотелось взлететь выше. Азон впервые пожалел о том, что

не взял «Стрекозу». Разлом заканчивался тупиковой стеной бледно-желтого известняка, уходящей ввысь к снежной шапке вершины. Азон поежился от

неприятного чувства громады горных пород, нависшей над нежно-голубой дымкой простора. Казалось, достаточно небольшого порыва ветра, чтобы привести в действие сведенную до предела пружину горного массива, и пласты, слипшиеся в кажущуюся неустойчивой стопку породы, готовы рассыпаться, как картонный домик, повергая столь величественную снежную вершину к подножью. Азон мельком взглянул на

бледно-желтую отвесную стену, бросая машину на обратный курс. Но тут же остановился, прощальным взглядом окидывая гору. У самой середины стены вьется струйка дыма. Любопытство взяло верх, машина ринулась вперед: «-, наверное, сернистые газы». – Подумал он. Но взгляд стал различать вход в пещеру, возле ровной площадки узким карнизом нависшей над пропастью. На площадке возле пещеры вился дымок от костра. – «Жилище? – Не может быть?» – мелькали мысли. А взгляд уже

прикидывал, куда посадить вертолет. Но слишком ограниченное пространство не позволяло этого. Азон осторожно приблизился к черному входу, пытаясь заглянуть вовнутрь. Бледно-желтая окраска породы очерчивала продолговатое отверстие в занавеси тьмы. Неожиданно там появился седой старец с длинными космами белых волос, ниспадающих на плечи, и длинной белой бородой, достающей веревку на поясе, которой была подвязана белая мантия. Он приставил тонкую ладонь к седым лохматым бровям и, щуря слепнущие глаза, всматривался в стрекочущий аппарат. Затем поднял дряблую руку и плавным жестом что-то указывал. Азон с непонятным волнением следил за рукой, затем понял и бросил машину влево вдоль карниза по направлению, указанному старцем. У края разлома он обнаружил площадку, довольно крохотную, полумесяцем выступающую из крутого уклона скалы. Если раздернуть вертолет хвостовым оперением к пропасти, то шасси могут стать, а плоскости винтов не заденут гору. Риск огромен, требуется ювелирная точность и чувствительность систем управления вертолета, чтобы не разбиться. Азон несколько минут кружил возле площадки, затем, решившись, осторожно подвел машину к краю. «Слепень» слушал каждое движение руля. Когда расстояние до края скалы от плоскостей винта составила несколько сантиметров, резко сбавил обороты. Винт несколько мгновений несло по инерции, затем он утратил несущую способность и мягко опустил вертолет на уступ. Азон выключил двигатель. Затем осторожно выглянул из кабины. Передняя стойка шасси почти упиралась в скалу, задние два колеса застыли в сантиметре от пропасти. Пятки обдало холодком. Порывистый ветер раскачивал лопасти винта, вертолет чуть вздрагивал под его натиском. Остывающий двигатель потрескивал. Азон закрыл глаза. Тело еще ощущало полет, и легкая дрожь пробежала в суставах от недавней качки и вибраций винта. Мало-помалу он пришел в себя, затем порывился в багажнике

за сидением и достал тонкий капроновый канат. Осторожно выбравшись наружу, осмотрел крохотных пятачок. Стоять можно было, прижавшись к металлу корпуса машины. Азон, цепляясь за стальные скобы на корпусе, притиснулся к краю площадки. Внизу зияла пропасть. Порывы ветра сильно раскачивали вертолет. Пока он был внутри,

этого не ощущалось. Он быстро вернулся обратно. Затем открыл вторую дверцу. Образовавшийся сквозняк несколько уменьшил давление ветра. Азон принял решение укрепить вертолет. Он пропустил канат через кабину в обе двери, затем выбрался наружу и, пропустив под утесом, закрепил надежным узлом. Качка уменьшилась. Затем, выбравшись из кабины, с другой стороны он ступил на карниз и медленно двинулся в сторону старца. По мере того, как он продвигался, карниз становился шире, и к середине можно было прямо шагать, не хватаясь за скалу, но неизъяснимая сила пропасти, тянувшая вниз, заставляла цепляться за отвес горы и медленно идти вперед.

Наконец, пахнуло дымком от костра. Старец стоял на самом краю пропасти. Порывы ветра разведали его седые космы, длинный треугольник бороды качался по ветру.

– Здравствуйте! – поздоровался Азон.

– Я ждал тебя. – Вместо приветствия ответил старец.

– Вот как?! – удивился Азон.

– Да, твоему другу угрожает паралич. – Щуря глаза, продолжал старец: – Никто не поможет ему кроме меня.

– Да вы пророк! – воскликнул Азон.

– Все так, как вы говорите, но если это так, то немедленно летим.

– Подожди, сын мой. Я не покину своего обиталища до конца дней моих. Ты доставишь его сюда.

– Но как?! – вскричал Азон.

– Неужели мне, старому и немощному, учить тебя. – Укоризненно заметил старец.

– Да если это правда, я готов. Но я не верю в силу знахарей. Медицина – вот то единственное средство, что поставит Думара на ноги!

Старец внимательно и терпеливо глядел на Азона. Прищуренные его глаза буравили мозг. Азон не выдержал, отвел взгляд.

– Не спеши. Ты многого не знаешь. Вселенная безгранична, в ней накоплен колоссальный опыт ушедших цивилизаций, где современные достижения медицины кажутся смешной забавой.

– Я не верю тебе, Отшельник!

– Не веришь?! – он медленно направился в пещеру, часто оглядываясь, словно призрак, приглашая войти. Азон последовал за ним. В выдолбленном узком пространстве в стене виднелась ниша с разостланным покрывалом и плоским валуном у левого края. Старец указал рукой на нишу: – Это мое ложе. Оно будет моим вечным пристанищем, когда я

устану и покину этот мир. – Слева в углу стоял огромный валун, рядом – поменьше. – Это стол, это стул. – Говорил старик.

В углу на маленьком выступе мерцал перламутровым блеском шар светло-розового свечения, исходившего изнутри.

– Это капище знаний. – Указывая на светящийся шар, сказал старик. – Энергия Космической Мудрости, концентрируясь этим ущельем и стеной пропасти, возникает в фокусе, осязаемом человеческим сознанием. Я знал, что это так. Я, единственный из мудрейших жрецов Шомона, путем вычислений доказал это. Но мне не поверили. Они

глупцы. – Старик гневно уставился куда-то в дальний угол пещеры отсутствующим взглядом.

– Кто они?! – восхищаясь невиданных размеров фосфоресцирующей жемчужиной, спросил Азон.

– Жрецы Шомона. Они высадили меня здесь со словами; «Если ты вычислил, то докажи». Я потратил пятьдесят лет жизни, выдалбливая это пристанище, и, о! Какова была моя радость, когда наконец яйцо, отложенное Космической Мудростью, нежным сиянием озарило меня. Ничто не может сравниться с его светом. Здесь все... – старик умолк, величественно указывая левой рукой на светящийся шар.

Азон вдруг заметил, как преобразились черты старца. Он выпрямился в бледно-розовом сиянии, грудь стала шире, глаза молодо засияли, радость разлилась в них. Серые космы уменьшились на глазах. И уже перед изумленным взором стоял атлет в расцвете сил.

Из-под ветхой тоги выпирали налитые сильные мышцы.

– Ты увидел меня в прошлом. – Старческий дребезжащий голос вывел Азона из транса иллюзий. Он снова увидел перед собой старца.

– А вот таким я стою перед тобой, твой современник. Он умолк, опускаясь на камень-стул. Молчание затянулось. Сквозь отверстие входа доносилось завывания ветра да запах дыма угасающего костра. Азон не знал, что сказать.

– Послушайте, вы обмолвились о том, что вылечите моего друга. – Старик не отвечал. Азон внимательно посмотрел на него. Легкое сопение доносилось от дыхания старца.

– Вы спите?! – снова спросил Азон. В ответ ни звука. Неловко переминаясь с ноги на ногу, Азон постоял с минуту, затем подошел к светящемуся шару. Необычайная

красота пленила, звала к себе, невозможно было оторвать глаз. Азон поднес руку к шару. Холодное свечение осветило ладонь. Осмелев, он быстро взял шар двумя пальцами, но пальцы сомкнулись, не чувствуя преграды внутри. Азон повторил операцию еще и еще раз. Безуспешно. Пальцы растворялись в дивном свечении, не ощущая преграды.

– Свет мудрости не материализован в предмет, это концентрация лучей Знания. Услышал Азон голос старца, вздрагивая, как нашкодивший на уроке школьник от замечания учителя заставшего его врасплох. – А сейчас иди, Азон. И, если ты хочешь помочь своему другу, доставь его мне.

Сомнения беспокоили Азона. Весь обратный путь его терзала мысль о мучениях друга. Но все же хоть искорка надежды в безнадежном положении Думара давала повод к действию.

– Ну, как охота? – встретил его капитан у ангара.

– Вы же видите, что я порожняком.

Пик бегло осмотрел машину, заглянул даже в кабину.

– О, да топлива почти нет. На аварийном запасе дотянули.

Азон терпеливо ожидал, когда капитан, нарочито долго осматривающий «Слепня», закончит. Наконец, он распорядился убрать вертолет в ангар.

– Капитан! – окликнул его Азон. – Вы бы не могли запрячь «Слепня» на сегодняшнюю ночь?

– Что, подвесить подвесные баки? – спросил предусмотрительно Пик.

– Да, и установите ночной знак личной охраны. Вы меня поняли?!

– Хорошо, лейтенант, «Слепень» будет здесь с полной заправкой. Только не забудьте отметить в журнале постового.

– Ну конечно. – Азон тепло посмотрел на услужливого капитана. – Спасибо! – поблагодарил его, повернулся и пошел в сторону ворот к выходу из зоны стоянки. По пути слышались команды: – Сержант, установить подвесные баки и полностью залить топливом! «Слепень» оставить на старте...

Глава восьмая

Омар проснулся от странного ночного шороха. В крошечной тьме внутри душной сторожки ничего нельзя было увидеть. Но отчетливо слышны шаги возле стен и шорохи рук, лихорадочно ищущих выход. Омар вскочил со своего обычного места и быстро включил ночник. Незнакомец, шатаясь, пытался выйти из комнаты. Он шарил руками по стенке. Его широкая черная борода, перепачканная мелом, клочками торчала в разные

стороны. Широко открытые глаза лихорадочно блестели, беспокойно вращаясь в глазницах. Омар осторожно подошел к больному, несмело позвал: – Эй, слышь, давай ложись!

Больной не отзывался, казалось, он ничего не слышал и не обращал никакого внимания на Омара.

– Эй! – настойчиво звал Омар. Затем осторожно дотронулся до плеча. Незнакомец резко обернулся. Нервно затряс головой, вперив невидящий взгляд куда-то в пространство мимо Омара.

– Послушай, сын! – ковыляя больной ногой, подоспел отец.

– Бери-ка его за руки, а я за ноги и пошли уложим на место. Вот ремни. Его надо связать.

Омар послушался отца. Резким движением он заломил руки незнакомца за спину. Ден схватил его за ноги. Они уложили больного в постель и связали по рукам и ногам. Незнакомец метался в жару. Из горла вырывались хрипы, нечленораздельные слова. На губах выступила желтая пена. Омар беспокойно взглянул на отца.

– Перелом наступит утром. Это кризис. – Авторитетно заявил Ден.

– А что, исход может быть плохим?

– Не знаю, сын, я не доктор. И вообще много хлопот с ним. Мне завтра вставать рано.

Он поковылял к своей постели. Улегся и вскорости уснул. Омар не сомкнул глаз до утра. Больной метался по постели, несколько раз скатывался, чуть не свалился на пол. И каждый раз Омар заботливо укладывал его обратно. Температура держалась высокой.

К утру кризис миновал. Лицо превратилось в желтую маску. Горевшие щеки, в ярко-красном румянце, потускнели, взгляд угас и глаза выглядывали из полуприкрытых ресниц. Больной спал. Отец зашевелился на постели: – Ну, что он?

– Да вроде спит.

– Ну-ка. – Он подошел к незнакомцу. Осмотрел.

– Развяжи его. Дело пойдет теперь на поправку.

Вскоре Ден ушел к овцам. А Омар принялся готовить больному еду.

– Эй, кто тут. – Неожиданно резко прозвучал в утренней тишине голос незнакомца. Омар застыл от внезапности. Он не поверил своим ушам и первое, что взбрело на ум:

– «Галлюцинация».

– Где я?! – голос незнакомца развеял сомнения. Омар бросился к постели. Осмысленный взгляд серых глаз пытливо уставился

Омару в лицо.

– Я нашел тебя в камнях на берегу моря.

– Ты живешь в этом городе? – не понимая, где он, опросил незнакомец.

– Нет тут никакого города. Здесь пастбище.

– Ты обманываешь меня, мразь. – С ненавистью проговорил больной.

– Эй, парень, легче на поворотах. Я спас тебя!

– Заткнись, ты не знаешь, с кем говоришь. – Слабым, но властным голосом перебил незнакомец.

– Ты слаб. Но, клянусь, как только ты сможешь держаться на ногах, я сделаю из тебя бифштекс.

– Свинья! – выругался больной и демонстративно отвернулся. Омар обиженно сунул ему брынзу и кружку парного овечьего молока.

Незнакомец долго колебался. Вкусный запах щекотал ноздри, изголодавшийся организм требовал пищи. Омар тактично вышел. Через несколько минут он вернулся. Брынзы и молока уже не было. Он убрал пустую кружку, смахнул крошки с постели. Больной делал

вид, что спит. Игра в молчанку длилась почти две недели. Даже отцовские угрозы не подействовали. С презрительной гримасой на лице незнакомец упорно не хотел замечать своих спасителей...

Как-то вечером отец принес «Вестник светской жизни». Он бросил журнал перед Омаром на стол: – Вот, сын, я был в поселке. Проведал Жаннет.

– Ну как она там? – осведомился брат.

– Счастлива. В доме достаток, дети здоровы, бегают, смеются. Ты знаешь, что у нашего царя пропал наследник.

– Как?! Вот это новость! Верно, его убрали враги?!

– Ты только послушай, что пишут газеты.

Ден раскрыл журнал, стал читать:

«Гибель принца Лакии легла траурной лентой на мундир будущности. Бедный отец. Он очень изменился. Личный врач сообщил нашему корреспонденту, что лишь чудо может уберечь монарха от инфаркта...»

– А как это случилось?

– Представь себе, никак не могу найти. Вот посмотри траурный портрет принца. – Омар взгляделся в лицо. Жесткие черты подчеркивались тонкими губами плотно сжатого рта. Нос прямой с горбинкой. Ясные серо-стального цвета глаза. Широкий лоб, прядь волос спадает на лоб. Слева большой пробор. Виски выбриты. Тоненькая нитка усов у верхней губы.

– Да, приятного мало. Морозом пробегает от такого лица. – Сказал Омар.

Незнакомец приподнялся на постели, крайне заинтересованный разговором.

– Посмотри, наш немой бородач. Что, грамотный, небось, почитать хочется?! – ехидно заметил отец, Кивая Омару.

– Дайте журнал! – властно приказал незнакомец.

– А где волшебное слово пожалуйста? – продолжал в своем духе Ден.

– Я тебя, мразь, в тюрьме сгною. Не знаешь, с кем говоришь?! На колени перед принцем Лакии!!!

Отец округлил глаза, приподнимаясь со стула.

– Послушай, Омар, так он еще и сумасшедший?

Омар подал больному вестник. Тот нервно выхватил журнал, стал лихорадочно листать страницы.

– Ничего, сумасшедшие – хорошие пастухи. – Спокойно заключил Ден. – Пусть только поправится. Я ему всыплю как следует, он у меня будет шелковым.

Дни проходили за днями. Больной уже без помощи Омара мог выходить на двор, ухаживать за собой. Но по-прежнему хранил величественное молчание.

Однажды он стал укладывать некоторые вещи в вещмешок, а также куски брынзы, аккуратно завернутые в чистую тряпицу.

– Ты это куда? – спросил Омар. Незнакомец, презрительно смерив пастуха глазами, отвернулся.

– Э н-нет! – отбирая мешок, в волнении сказал Омар. – Будешь пасти отару. Вместе будет легче.

– Я принц Лакии! – неожиданно пролепетал он. – Меня зовут Тиром. Если ты оставишь меня пасти овец, я велю сравнять это пастбище с землей вместе с твоими овцами.

– Ты сумасшедший. Но пойми. Ведь принц погиб. Ты тоже чуть не утонул в море. Ты был матросом. Тебя выбросило на берег, когда ваш корабль потонул. Ведь правда же. Ну кто виноват в том, что у тебя отшибло память. – Пытаясь успокоить больного, ласково говорил Омар. – Побудешь чабаном, вспомнишь, а тогда на все четыре стороны. Куда тебя такого отпускать.

Незнакомец повернул к Омару скуластое лицо. Серо-стальные глаза смотрели жестко, презрительно, без тени сожаления: – Я сравняю ваше пастбище с землей вместе с вашими овцами!

В это время вошел отец. Он слышал последнее, что сказал незнакомец. Это его до крайности взбесило. Он схватил уздечку и бросился на больного. Но тот быстрым и ловким движением опрокинул старика наземь.

– Ты что?! – заорал не своим голосом Ден, с проворством вскакивая на ноги. Новая попытка броситься с кулаками на незнакомца не имела успеха, ловкий больной снова поверг Дена на пол. Омар в свою очередь кинулся на выручку, но также был опрокинут ловким приемом.

– Я повторяю. Я сын царя, принц Лакии, и никто не посмеет меня удержать!

– Ты посмел меня ударить, щенок?! – орал Ден, тяжело подымаясь на ноги. Он, ковыляя больной ногой, ухватился за мешалку, которой мешают корм для овец. Но Омар вовремя оставил его, уцепившись обеими руками за древко мешалки.

– Пусти, пусти. Убью-ю-ю! – выл Ден в бессильной злобе. Мало-помалу отец пришел в себя. Незнакомец выждал, когда Дена покинет злоба, в удобный момент оказал.

– А теперь ты позволишь мне уйти! – твердым приказным тоном в голосе.

– Нет! – отрезал Ден.

– Тогда прощай.

– Нет. Ты погибнешь. – Вмешался Омар.

– Ладно. Тогда собирайся, поедешь со мной. Я докажу, что я принц Лакии! – сказал незнакомец Омару. Взбешенный Ден вскочил со стула, но сын удержал его за руки.

– Отпусти, Омар! Я все равно убью его! – вопил отец. Омар не на шутку перепугался гнева родителя: – «Надо уводить сумасшедшего отсюда».

– Ладно, Т-т-игр. – Заикаясь от глубокого смысла, заложенного в имени, от того, что это имя принадлежит пропавшей без вести царственной особе, от того, что им называет себя этот сумасшедший и от желания поскорее унять разыгравшую манию величия, с опаской сказал Омар.

– Пойдем в Нарфу. Только прежде зайдем к Жаннет.

– Сестра твоя?

– Да, я скажу, чтобы она присмотрела вместо меня за отарой.

– Ладно. Только без глупостей?

– Я убью его! – глухо стонал отец. Слезы текли по его обросшим щекам грязными ручьями, стул, на котором он сидел, скрипел от попыток встать, но силы оставили Дена. Сквозь пелену слез он наблюдал за суетливой размытой фигурой сына, за его быстрыми движениями рук, укладывающих дорожные вещи и еду в вещмешок. Перед уходом Омар сказал отцу: – Ты прости меня. Я не могу оставить его здесь. Отведу в Нарфу, а там с помощью дворцовой охраны помещу в психиатрическую больницу. Незнакомец в это время нетерпеливо поджидал Омара на дворе. А сын заботливо помог отцу лечь в постель: – Извини, отец. Завтра придет Жаннет и поможет тебе вместо меня.

– Ну слава Богу. – Со вздохом облегчения сказал Ден. – Избавимся наконец от этой обузы. – Подумал немного, затем мягким голосом добавил: – У тебя совсем нет денег, сынок. Возьми там, под кроватью кованный сундук. В правом углу, под одеждой, узелок с деньгами. Возьми две сотни, тебе хватит.

Омар полез под кровать. Пошарил руками вытащил небольшой сундук. Железные пластинки, прикрепленные к крышке и корпусу, создавали ансамбль красивого фрагмента. Сундучок был словно специально предназначен для хранения драгоценностей. Омар, склонный к мечтаньям, с трепетанием сердца вскрыл крышку. Но кроме выцветшей старой униформы гвардейца дворцовой охраны да костюма там ничего не было. Лишь в нижнем углу справа он обнаружил узелок с деньгами.

– Покажи. – Вдруг попросил отец.

Омар поднес к глазам родителя деньги.

– Возьми две сотни.

Омар неторопливо отсчитал сумму. Затем стал завязывать узел и вдруг увидел над деньгами продолговатый конверт для писем. В нем была записка.

– Отец! Что здесь? – показал письмо отцу.

– Это не твое дело! – злобно ответил Ден. Но, взяв себя в руки, ответил – Прочти, Омар и остерегайся подобных встреч.

Сын прочел:

«Если хочешь увидеть своего щенка живым на разъездном мосту Автострады, все, что ты получил за овец, переводит на имя Орта в Национальный банк. Это можно сделать в филиале скотоводческого банка Аукциона. Даю тебе полчаса. С ответом пошлешь Жаннет на указанный мост за щенком. Да, не вздумай жаловаться в полицию. Надеюсь ты меня понял? Я команду там. Мои приказы выполняются безоговорочно от имени Его Величества. Не забудь приложить квитанцию, заверенную банком о переводе денег?»

Орт».

Омар кончил читать, вопросительно поднял глаза на отца.

– Все, что я тогда выручил, а выручил я почти полтора миллиона, перевел этому проходивцу, спасая твою жизнь.

– Отец! – возглас сострадания вырвался у сына. – Ты меня прости.

Омар вспомнил улыбчивую физиономию афериста, его внезапно переменявшийся нрав и свои слезы на мосту о объятиях сестры. Досада комом подступила к горлу. Ведь они же были миллионерами...

Омар повернулся и, хлопнув дверью, вышел на воздух. Незнакомец нетерпеливо взглянул на него, но Омар прошел мимо, молча ступая в ночной мрак...

Глава девятая

Нарфа после двухнедельного траура спустя два месяца сменила наряд. На улицах, недавно столь печальных в красных с черной полосой траурных флагах, развевались красочные плакаты, призывающие к единению Наций, Миру и перемирию.

«Очаг войны должен быть потушен!» – гласили одни лозунги.

«Да здравствует Президент Мира!» – «Единое правительство Мира положит конец войнам!» – гласили другие. Лозунги развешивали на фасадах домов, чугунных оградах, городском транспорте. Горожане ликовали. Ведь их столица станет столицей Мира. Нарфа готовилась к встрече руководителей ста пятидесяти стран. По случаю Совета Перемирия прекратилось войны и междоусобные распри, все взоры с надеждой обращены в Нарфу. Чаения народов должны оправдаться. Во дворце кипела подготовительная работа. Комнаты жилого крыла ремонтировались и обновлялись новой мебелью. В каждый номер подводились средства связи. Руководитель любой страны в любой момент мог связаться по прямому проводу со своей страной. Так было договорено на предварительном совещании секретарей, визирей и Советников, съехавшихся по случаю траура. На самом деле Риши заботился о подслушивающих устройствах, чтобы знать о каждом все и вся, о его мыслях, исподволь готовясь к смертельной схватке за власть.

Царь сидел в своем кабинете. Это был уже не красивый старик, а сгорбленный старец. В нем трудно было узнать прежнего человека. Печать утраты глубоко ранила его в самое сердце. Руки давали дрожь. Ручкой с золотым пером с трудом выводилась подпись.

Конференц-зал дворца гостеприимно распахнул двери. Но руководители стран единодушно изъявили желание придать событию независимый характер и провести историческое совещание на нейтральной территории, а именно в Соборе Северной звезды. Этот собор был построен в честь былинной легенды, происшедшей в древние доисторические времена. Легенда гласит, что с Северной звезды прибыл звездолет, доставивший на Фаетон переселенцев, предков нынешних людей. Вождь, некий Икар, перед тем, как ступить на незнакомую планету, сказал: —«Дети мои, вот эта звезда, – он указал на небосводе, усеянный мерцающими звездами, на одну из них, – наша Родина. Никогда не теряйте света ее, и мир будет с вами!».

С этими словами в сердце пришельцы расселились по планете, и везде они видели в ночном небе звезду, согревающую их сердца. Так уж вышло, что ее хорошо видно с Южного и Северного полушария. На Южном континенте она получила название Южной звезды, на Северном – Северной. Потомки пришельцев сохранили память об Икаре и воздвигли в честь Звезды соборы. На Южном полушарии Собор Южной звезды, на Северном Северной. Собор Северной звезды представляет собой сооружение, напоминающее форму устремленного ввысь звездолета. Центральная башня заканчивается двадцатиметровым шпилем с матовым шаром на конце, символом Звезды. Ночью шар зажигается искристыми огнями внутри, и создается впечатление мерцающей голубым свечением звезды.

Со всех четырех сторон круглой башни, имеющей у основания диаметр тридцать метров, возвышаются башни поменьше с островерхими шпилями, несущими разной величины матовые шары. Свет, падающий от светящегося шара, отражается в них и создает иллюзию освещенных планет. Все башенное сооружение покоится на прямоугольном

здании, вмещающем в себе прихожан. В Соборе служители культа Северной звезды в темно-синих плащах, усеянных сверкающими драгоценными камнями, изображением звезд на ночном небе, произносят молебны в честь Северной звезды перед трехтысячной толпой прихожан. Верующие обычно сидят на прямых деревянных креслах с зажжёнными свечками и слушают молитвы, время от времени поднося ладонь правой руки ко лбу, что олицетворяет касание лучей Звезды. Алтарь, на котором читаются молитвы, выполнен в виде полусферы

с изображением незнакомых созвездий на ночном небе. Это изображение части ночного неба, видимого с планеты пришельцев. С разрешения служителей культа перед алтарем воздвигли трибуны для руководителей ста пятидесяти государств. Пришлось убрать передних три ряда кресел, чтобы несколько отодвинуть слушающую аудиторию от трибун и дать возможность армии корреспондентов освещать событие. В зале места предназначались для корреспондентов, съехавшихся на Совет со всего Мира. И вот наконец настал час. Совет Перемирия открыл свою работу с вступительного слова царя Лакии: – Я обращаюсь к вам, в чьих руках судьбы Мира. Я прошу вас обратить ваши взоры на свои страны и сказать миру, какие блага дала вам война. Каждый из вас с болью скажет, что это страдания, лишения и голод – вот блага, дающие войной. Так неужели мы позволим Спруту Войны раздирать наши страны. Остановимся и сообща создадим всеобщее спокойствие и мир...

Он рассказал о Лакии. Рассказ, подкрепленный цифрами и фактами, давал представление о выгодах Мира. У многих кровожадных диктаторов алчно горели глаза, когда они видели витрины магазинов, набитые до отказа разного рода товарами, сытую и счастливую жизнь Лакийцев. И в сердцах затеплилась надежда, возродив дух

легендарной родины, оставшейся там, далеко под сиянием Северной звезды. Да, Родина у всех одна, это Фаетон, она даст им то, чего каждый пожелает. Теперь под руководством Лакия они возродятся. Границы упразднятся, армии будут распущены. Воцарится мир и покой. Руководители выступали по очереди. Их пламенные зажигательные речи эхом отдавались в сердцах миллиардов слушателей. Мир слушал, затаив дыхание. Все осуждали войну, все ратовали за мир. После двухнедельной работы Совещание вступило в завершающую фазу. Решался вопрос о правительстве и столице Мира.

В этот день Лакий, как обычно, открывал Совет вступительным словом:

– Уважаемые участники, гости и слушатели, весь народ планеты. Наступила решающая минута – выборы Президента Мира. Ваши предложения поступили сегодня ночью вашим руководителям, и каждый из них, выступая, огласит волю народа своей страны. Под взрывы рукоплесканий одобрения, выступавшие называли одно имя:

– Лакий!!!

Единогласно Царь Лакии стал Президентом, пожизненно избранным на пост с правом передачи власти наследнику, если такового нет, то своему ближайшему Советнику и заместителю. Должность визиря была упразднена, и Риши стал Советником Президента и министром иностранных дел, а бывшие руководители стран Мира стали

членами кабинета Министров иностранных дел с подчинением Президенту и его Советнику.

Риши торжествовал. Фактически власть теперь в его руках. Старик выглядит плохо, со дня на день жди конца, а там он Власть он Слава, он Почет. От таких перспектив лицо Риши преобразилось, заостренные черты видоизменила подобревшая улыбка. Глаза сузились в щелки, он стал походить на старого и мудрого лиса.

На завершающем заседании Совета Перемирия было принято решение о создании Столицы Мира. Государственные деятели оставили право выбора места строительства за Президентом, но все как один сославшись на бедность и разруху, склонились к тому, чтобы столица строилась исключительно на средства Лакии. И Президент, взвесив все за и против, дал свое согласие. Риши внутри себя переборол злость и досаду, уповая на скорую власть над Миром, уж тогда он погреет руки, уж тогда казна, его казна, разбухнет от золота. Всё, и весь Мир будет у его ног. Лисья улыбка вновь скользнула по

лицу, голова задвигалась в почтительных поклонах гостям, проходившим в это время в зал. Перерыв кончился. Совет возобновил работу...

Глава десятая

Рассвет застал незнакомца и Омара на автостраде, ведущей в Нарфу. Солнце огромным раскаленным диском величественно подымалось из-за верхушек ельника. Редкие, нежно-розовой перламутровой окраски облака на глазах менялись, превращаясь из розоватых в белые. Солнце подымалось, меняя все вокруг. Тяжелые седые росы пригибали травы у края обочины, покрытие дороги было мокрым от росы. По автостраде одна за одной мчались машины.

– Может, остановим? – предложил Омар.

– Ни в коем случае. Ты же не захотел просить экипаж у мужа твоей сестры. Теперь иди пешком! – сказал издевательским тоном незнакомец. Но он подразумевал не это. Он боялся быть узанным и поэтому избегал лишних контактов с людьми.

Им предстояло преодолеть еще семь километров пути. Незнакомец не шел, он летел, окрыленный скорой встречей с отцом, с событиями, так волновавшими его. Он теперь не мыслил и секунды оставаться не у дел. А принцу Лакии нашлась бы работенка, и он спешил. Омар устало плелся следом, то и дело подгоняемый «умалишенным».

– Скорее, мальчик, мы и так задерживаемся.

– Я не мальчик. – Обижался Омар. Но дальше слов не заходил и только тешил себя, что скоро избавится от «умалишенного», передаст его в руки врачей. Возле городских окраин они наткнулись на длинную вереницу легковых автомашин. Водители раздраженно размахивали руками, переговариваясь между собой.

– Что здесь происходит? – спросил незнакомец у одного из них.

– А, проверку устроили. Кто не живет в Нарфе, на пушечный выстрел не подпускают.

– Это еще зачем? – возмутился Незнакомец.

– Вот и я говорю, к чему это им, и кто им угрожает?

– Кому? – не сдавался незнакомец.

– Вы что, разве не знаете? – удивленно спросил водитель. Совет Перемирия на завершающем этапе. – Объяснял он и с гордостью добавил: – Теперь столицей Мира будет Нарфа. Незнакомец задрожал от нетерпения и плохо скрываемой радости. Ему хотелось кричать. Грудь разрывалась от прилива энергии и сил. Он весело мигнул уставшему и ничего не понимающему Омару.

– Эй, мальчик, за мной!

Омар не на шутку обозлился и бросился на обидчика с кулаками. Но тому, казалось, того и надо было. Незнакомец бегал хорошо, Омар еле поспевал следом, куда делась злость. Охранник с автоматом за плечом преградил им путь: – Стой, документы?

– У меня там отец! – поспешил объясниться незнакомец: – Понимаешь, о-те-ц!

Омар стал взволнованно слушать, дожидаясь, когда умалишенный назовет имя Лакия, тогда можно с помощью охраны задержать его и сдать врачам. Но осторожный Незнакомец давно разгадал замыслы наивных пастухов и лишь потешался над ними.

Охранник был неумолим.

– Ну, у тебя дети есть?

– Не у тебя, а у вас! – здоровенные ручищи сержанта, сжимавшие, как щепку, оружие, замахнулись, грозя ударить. Незнакомец отшатнулся. Стальной блеск в глазах приобрел оловянный оттенок, щеки побелели. Гнев плохо сдерживаемой волной захлестнул сознание. Но положение спас Омар. Ожидая, что незнакомец учинит драку, от волнения шепнул на ухо незнакомцу: – Да дай ему, как следует!

От этого тот пришел в себя. Слова Омара вновь вернули бдительность. Тир нашел в себе силы повернуться спиной к охраннику и спокойно уйти.

– Ты куда?! -досадуя, приставал Омар. – Там твой отец, Лакий, иди скажи сержанту и он доставит тебя быстро во дворец.

– Послушай, мальчик! Я долго терпел! Но терпеть я больше не буду. – Он приблизил свое лицо к Омару и заглянул ему в глаза. Ничего не выражающий взгляд холодно и жестко смотрел на Омара. В этом взгляде Омар прочел железную волю и веру в себя. Это был властный взгляд мужчины, закаленного в пылу невзгод. Взгляд Властелина Мира. Омара пробрала дрожь: – «Его психиатры испугаются, это не человек, а железо.» -досадуя подумал Омар. Но уверенность в безумии незнакомца придавала силы: – «Лишь бы добраться ко дворцу. Там уж точно упекут в психиатричку». – Омар вздохнул облегченно спасительной мысли.

– Так вот. – Продолжал незнакомец, – пойдем в обход постам, лесом. Ты понял?!

– Да! -кротко ответил Омар.

– Ну тогда за мной!

Они свернули с обочины в лес, Путаясь в паутине лесных пауков, они продвигались вперед, к реке.

– А, черт! -выругался незнакомец. – Как это я забыл, что тут река!

Омар в душе спокойно подумал: – «Если бы ты был нормальным, этого бы не произошло».

Незнакомец подозрительно взглянул на Омара.

– Ну что будем делать, пастух? – презрительно спросил он, делая ударение на последнем слове.

– Что, что, форсировать.

– Ну, я, положим, за себя не боюсь. – Уверенно сказал незнакомец. – А вот ты?!

– А ты за меня не переживай.

Вздых облегчения вырвался из груди незнакомца.

– Ну, тогда в путь!

Они быстро разделались, скатав одежду, завязали ее в рубашки. Узелки взяли в левые руки и вошли в обжигающий холод воды. Течение быстро подхватило и вынесло пловцов на середину широкой реки. Загребая правой рукой, Омар некоторое время держался рядом, затем медленно стал отставать. Берег приближался. Наконец, посиневшие от холода, они выбрались на скользкий глинистый грунт.

– Мм-о-жжет, – дрожащим голосом начал Омар. Зубы отбивали мелкую дробь. – Разведем огонь?! -выпалил скороговоркой.

– Нет, огня не будет. Будет жарко и так. Немедленно одевайся и бегом за мной!

К полудню они добрались до оцепленного со всех сторон вооруженными гвардейцами дворца.

– Да-а, – протянул Тир. – Нечего и думать о проникновении.

Они обошли чугунную ограду. На расстоянии в двадцать метров друг от друга слонялись часовые. К ним время от времени подходили прохожие и совали цветы. Возле каждого была собрана небольшая кучка из роз, гвоздик, мяты и разных растений, и веток.

Незнакомец решил попытать счастья. Он подошел к одному, с виду ленивому, солдату, который, облокотившись об угол ограды, вертел перед носом красной гвоздикой и рассматривал «стайку» девушек.

– Послушай, парень, пропусти, а!

– Зачем? – спросил тот.

– Там мой отец, понимаешь?

– А кто твой отец?

Омар вновь ждал с нетерпением и волнением своего часа избавления от умалишенного.

– Думар. – Вдруг сказал он.

Омар не знал, кто такой Думар и удивленно уставился на незнакомца.

– Отродясь не думал, что у него есть дети. От это номер!!!

– Ну позвать ты его можешь?!

– Нет. – Холодно и неприветливо ответил солдат.

– Да почему же?!

– Да иди ты к черту! – солдат сплюнул, швыряя под ноги измятый цветок.

– Послушай! – не сдавался незнакомец. – Мне необходимо ему сказать очень важное для него.

– Вот я сейчас как свистну тебя промеж глаз, тогда скажешь в другом месте.

Незнакомец не ожидал грубостей от охранника. А охрана не любила, когда преуспевших в службе коллег калечил случай. Разговора не вышло. Удрученный Тир побрел вдоль ограды, осматривая с улицы очертания родных с детства окон. Вечерело. Тени деревьев длинными полосами пересекали дворцовую площадь, упираясь в стены государственных служб. Праздношатающиеся толпы людей потянулись к оцепленной охраной улице, ведущей к главным воротам дворца. Вскоре туда стали подъезжать правительственные машины с гостями. Незнакомец и Омар торчали в людской массе за широкими спинами гвардейцев в белых касках. Вот мелькнуло знакомое лицо Вика. Сердце Тира бешено застучало в груди. Ноги сами понеслись под колеса эскорта мотоциклов, сопровождающего бронированный автомобиль. Незнакомец в мгновение очутился перед испуганным лицом Президента Аркии, который внимательно смотрел на заросшую физиономию дикаря сквозь лобовое стекло толстой брони.

– Привет вам, Вик, от народа Лакии. – Сказал незнакомец условную фразу. Но его уже волокли два здоровенных охранника к служебной машине с решетками на окнах.

Вик мгновение колебался, затем остановил лимузин и, быстро открыв дверцу, высунулся из кабины:

– Эй, оставьте его!

Охранники в замешательстве остановились.

– Подведите его ко мне! – приказал Вик.

Омар, перепуганный насмерть происходящим, затерялся в возросшей толпе зевак. Гвардейцы, повинаясь члену кабинета Министров, подвели приветливо улыбающегося незнакомца к машине.

– Как ты сказал?! – внимательно глядя на молодого человека, спросил Вик президент Аркии.

– Привет вам, Вик, от народа Лакии. – Повторил без запинки незнакомец.

– Откуда ты знаешь эту фразу?!

– Я принц Лакии! – с достоинством сказал Тир.

Стоявшие рядом охранники весело захохотали, один из них сказал: – По-моему, с ним все ясно. – И взял незнакомца за правую руку выше локтя, на всякий случай пытливо, сквозь веселые искорки смеха, заглянул в глаза Вику.

Тот серьезно приказал: – Отпустить! Можете быть свободными!

Второй охранник открыл было рот, но слова застряли в его горле, повернулся и ушел следом за товарищем в оцепление. Корреспонденты неустанно замигали вспышками, фотографируя происшествие для свежего номера «Вестнике светской жизни».

Вик втягивал голову в плечи после каждой такой вспышки, поскорее увлекая незнакомца в лимузин...

«Города, города, как эхо.

Погребенных временем стен.

А ведь жизнь была в них. Это

Лишь истории древней тень.

Были радости и тревоги,

И любовь, и распятья святых.

Исторические дороги
Начинали свой путь от них.
Открывали свои чертоги
И ученый, поэт и маг,
Звездочет, отвергая пороги,
Во Вселенную делал шаг...»

Читал Лакий, углубившись в поэму древнего философа и врачевателя Ираклия, истоки творчества которого касались древнейших времен эпохи становления народов. Магическое действие книги, как лекарство, успокаивало, давало силы к жизни, очерчивало ее смысл. Лакий оторвался от чтения. Последние события налагали на него теперь уже ответственность за судьбы других народов. А они были куда не из лучших, жизнь с новой силой обрела смысл, властно вторглась в его сознание началом нового пласта в истории человечества и его собственной судьбе. Утрата сына отступила, оставив на время переживаемых событий. И вот сегодня Совет Перемирия закончил работу. Наступило затишье в политической жизни стран, отождествляемое политиками всех мастей с затишьем перед бурей. В этот период участники Совета получили трехмесячный отпуск, так называемые каникулы. Пока информация о решениях будет обрабатываться соответствующими службами и законодательными органами Лакии, затем, чтобы лечь в своды законов, обрести форму в новой Конституции Совета Перемирия.

Где взять силы пережить смерть единственного дорогого существа, где взять волю, успеть заложить зерна в пахоту событий, где взять силы взрастить ростки, уберечь от разорения грызунами войны.

Тяжкий вздох вывел Лакия из забытья. Он наклонился и вновь углубился в чтение:
«Древних стен кружевная россыпь
Обнажает нам времени бег.
На развалины, древнюю проседь,
Тихо подает времени снег...»

До слуха долетел стук в дверь. За стеллажами книг и мягкими обоями стен, не сразу слышал Лакий настойчивый стук. Он недовольно отложил книгу на высокий столик, стоящий рядом с оббитым кожей креслом. Тяжело поднялся и засеменил к двери. На пороге появился взволнованный Вик. Его глаза восторженно сияли. Лакий остановившимся от неожиданности взглядом следил за выражением на его лице. Оба застыли в молчании. Неловкое чувство охватило обоих. Первым начал Президент Мира:

– В-вы что-то хотели?!
– Д-да. Я в-вот, – заикаясь от волнения, глотал слова Президент Аркии. – В-ваш...
– Отец! – нетерпеливо крикнул незнакомец, выскакивая из-за спины Вика.

Лакий перевел равнодушный взгляд на бородатого грязного незнакомца в одежде чабана, затем взглянул на Вика: – Это мой сын?! Вам, видно, мало моих страданий?!

– Дорогой друг, во имя нашей дружбы, прошу. Этот юноша столько перенес, что вряд ли нас с вами смогли б узнать после даже небольшой части его мучений.

Лакий замер в нерешительности. Затем приблизился к незнакомцу, протянул левую руку к его лбу, провел по бровям, носу: – Сын мой! – вырвалось откуда-то из груди старика. Глаза Лакия увлажнились. Ноги подкосились, и, если бы не сильные руки Вика и помощь Тира, Лакий грохнулся бы на паркет. Они бережно перенесли его в кресло, где Лакий только что сидел. Вик порылся у себя в кармане, извлек сердечное средство. Тир поднес стакан воды. Глухие хрипы вырывались из горла Лакия, напоминая рыдания.

Он умер, не приходя в сознание. У власти в эту ночь стал его считающийся единственным сыном, принц Лакии, Тир, Сын Думара и Марики...

Глава одиннадцатая

Азон бежал коридором жилого крыла дворца, наталкиваясь на важных жильцов. Те недоуменно бросали ему вслед пронзительные взгляды. Был поздний час. Гости расходились по комнатам после вечерних бесед с соседями. У двери Думара за столом под тусклым светом настольной лампы, сидела медсестра в белом халате и белой шапочке. Она пытливо смотрела на Азона, оторвав взгляд от толстой книги.

– Вам что угодно, Господин?

– Я к товарищу.

– Приходите завтра. Он только что после ванной, уже спит.

– У меня дело, не требующее отлагательств.

– Лечащий врач Президента категорически запретил нарушать установленный режим.

Непреклонные нотки в голосе девушки в унисон, сочетаясь с ее тембром, сказанного, твердили: – «Хозяйка, ни за что не пускать! Не пускать! Не пускать!..»

Азон понял бесполезность уговоров. Круто повернулся и быстро пошел к выходу. Под окнами комнаты Думара росло раскидистое дерево, подступавшее из всех многочисленных деревьев парка ближе других к стеклам. Парк кишел охраной. По аллее ходил здоровенный сержант, время от времени вглядываясь в освещенные окна.

Азон подошел к нему.

– Кто идет?

– Лейтенант Азон!

– А, лейтенант!

– Послушайте, сержант, я к Думару, опоздал со службой. Вы бы не могли мне помочь взобраться на дерево. У того округлились глаза. На крупном щекастом лице выступила краснота от натуги мыслей.

– Но, лейтенант?!?! – начал было он. Но Азон уже взбирался по толстому стволу, цепляясь за выступы коры.

– Сейчас! – движением руки, скинув каску на затылок, охранник бросился на помощь.

Азон, почувствовав мягкий упор левой ступни в плечо сержанта, ухватился за ветку и быстро взобрался на ответвление ствола. Дальше пробираться стало легче. Ветки словно специально выросли для этого случая. Постовой, задрав голову, вглядывался в густую крону листвы, но разглядеть ничего не удавалось в сплошной темноте. И лишь характерный дребезжащий звук открываемой рамы окна убедил его в том, что лейтенант достиг цели. Он постоял еще с минуту. Затем надвинул каску на лоб, заложил руки за спину и сдвинулся с места. Азон спрыгнул с подоконника на пол. Мягкая ворса ковра заглушила прыжок. В комнате царил тьма. Он некоторое время стоял не двигаясь, боясь наткнуться на что-либо в темноте. Очертания кровати слева у стены медленно проступали в отступающей темноте. Рядом обозначилось инвалидное кресло. Сердце дрогнуло у Азона при виде этого предмета, заменяющего теперь ноги другу. Он направился к постели. Думар спал, не слыша гостя. Азон постоял в нерешительности над головой, затем дотянулся рукой до ночника, включил свет. Больной зажмурил глаза, затем открыл. Удивление в них сменилось теплотой улыбающегося взгляда.

– В столь поздний час, невидим глазом... – процитировал Думар строчки известного поэта.

– И дни разлуки нипочем. – Дополнил Азон. Друзья весело расхохотались. Но, вдруг, испугавшись громкого смеха, Азон прикрыл рот правой рукой и немного присел.

Думар поднес указательный палец к губам: – Тсс-с! – прошептал он.

Азон на цыпочках подошел к двери, прислушался. В коридоре царил тишина. Убедившись, что их не слушают, он так же тихо вернулся к другу.

– Вы знаете, я к вам по очень важному делу...

Он сбивчиво, путаясь от волнения, рассказал Думару об Отшельнике и закончил словами: – Что вы думаете на этот счет?

– Похоже на какой-то бред. Но если это правда?

Азон обиделся: – Вы, Думар, не доверяете мне?!

– Извините, дорогой друг, я вовсе не хотел вас обидеть. Ведь когда ты минуту назад был здоров, как бык, мог бегать, лазить, наконец, по деревьям! – он посмотрел на Азона! – а, тут...

Азону показалось, что он не верит и не доверяет ему. Да, горькие мгновения несчастья, они неумолимо меняют характер, ложатся тяжким бременем на все человеческое существо. Жизнерадостность, бывшая ключом энергия, куда все подевалось? Смято, растерзано болезнью.

– Ну хорошо, если вы мне не верите! – Думар было открыл рот для протеста, но Азон остановил его жестом правой руки! – Если вы мне не верите, то от прогулки не откажетесь, я надеюсь?

– Как это?

– А вот в этом кресле.

– Вы меня повезете в горы?

– Не совсем... – Азон обстоятельно объяснил, как он собирается доставить его к Отшельнику.

Думар долго соображал. Затем сказал: – Чем валяться целыми днями беспомощным бревном, лучше пощекотать нервы прогулкой.

– Ну так за дело, дорогой друг. – Азон наклонился над постелью, больной обхватил его руками за шею и, помогая другу корпусом, помог усадить себя в кресло. Далее Азон подкатил кресло к окну, наклонил и поставил столешницу стола к подоконнику, так, чтобы образовался уклон. Далее развернул кресло спинкой к уклону столешницы и покатил до упора колесами. Затем открыл окно во всю ширь и вынул центральную раму.

– Как это неприятно, что я не могу ничем помочь.

– Не расстраивайтесь, Думар, вам хватит работы.

Азон вынул из внутреннего кармана куртки тонкий капроновый канат и ловко продел и закрепил его под креслом в нескольких местах, затем соорудил небольшую петлю и надежно укрепил ее на спинке кресла. После этих процедур он сорвал с постели одеяло,

заботливо укрыл спину Другу и нырнул в ночной мрак за окном. Волнение друга передалось Думару. Минуты длинной чередой тянулись, делая невыносимым ожидание. За окном слышались отдаленные гудки кораблей в море, стук колес далекого поезда, одинокий шум двигателя с улицы проезжающей, очевидно, патрульной машины. Стрекотание цикад неслось в открытое окно, вплетаясь в едином ансамбле ночи. В их хор включился незнакомый, но близкий по звучанию звук. Он нарастал, приближаясь с каждой минутой, становился отчетливым и резким, похожим на пение сверчка. Это пение нарастало рокочущей волной, внезапно хлынувшей с вышины ночного неба.

Думар завертел головой, сбросил одеяло, стал ждать. В окно следом за рокотом ворвался вихрь ветра, разметав в разные стороны волосы на голове больного. Следом внесло стальной трос с трезубым наконечником в виде острых загнутых вовнутрь крючков. Он метался в завихрениях ветра из стороны в сторону, убегая от рук. Наконец Думару удалось поймать трос. Он быстро вдел наконечник в петлю, затем завязал узлом и стал дергать за него. Трос вдруг натянулся, как струна, медленно пополз вверх, увлекая кресло с Думаром. Колеса катились по уклону столешницы, приближая окно все ближе и ближе, и когда они поднялись на уровень подоконника, кресло вдруг бешено рванулось с ограниченного пространства комнаты в ночь. Азон почувствовал резкое отклонение «Слепня» и тут же увидел стремительный полет кре-

ола. Он быстро бросил машину вперед и погасил колебание. Затем, включив тумблер «подъем груза», взял

курс по направлению гор. Думар, вцепившись в поручни вращающегося кресла, с замираньем сердца наблюдал, как темное пятно дворцового парка вдруг,

стремительно уменьшаясь, растаяло в ночном мраке, а внизу уже замелькали огни города. Черное брюхо вертолета приближалось. Зияющий зев глотнул, наконец, кресло, пространство внизу отсеклось закрывшимися створками. Думар облегченно вздохнул.

– Ну как?! Вы там живой? – шутливо спросил Азон сквозь смотровое окно, соединяющее грузовой отсек с кабиной. – И мечтаю поскорее сесть рядом! – в тон крикнул Думар.

Приподнятое настроение друга – удачное начало, Рокот двигателей мешал говорить. Азон ограничился улыбкой...

По коридору жилого крыла дворца, ранним утром, подбоченись, быстро шел своей излюбленной походкой, бывший Советник царя, теперешний Советник Президента Мира. Лакий вменил ему в обязанность каждое утро справляться лично о здоровье капитана Думара и докладывать на утреннем приеме. Еще издали в конце длинного коридора Риши увидел толпу людей, сгрудившихся у дверей комнаты Думара. Чужая неладная, Советник ускорил шаг.

– Я ничего не знаю! – трясла головой раскрасневшаяся от слез медсестра. Она сидела за столом у распахнутых дверей, ведущих в комнату, закрыв обеими руками лицо, и громко всхлипывала. Над ней стоял начальник дворцовой охраны майор Жевиль и громкоподобным голосом вел допрос.

– Я спрашиваю, где вы были в эту ночь?!

– Я ничего не знаю! – однозначно отвечала она перепуганным голосом.

– Что произошло? – издали спросил Риши.

– Капитан Думар пропал! – становясь в стойку «смирно» и выпячивая грудь колесом, громко гаркнул Жевиль.

– С вас, майор, шкуру спущу! – угрожающе ринулся Риши на громадного верзилу майора, в сравнении с юркой и невысокой своей фигурой.

– Я не виноват, не виноват! – залепетал вдруг майор – Я обнаружил пропаду еще ночью, когда...

– Прекратить оправдания! Трое суток ареста! Идите! – кричал Риши.

Майор круто повернулся, собираясь уходить.

– Постойте? – остановил его Риши. – Назначьте расследование. – И, смягчаясь, добавил, – потом уж садитесь под домашний арест.

– Есть! – выпалил майор, делая поворот кругом. Советник торопливо зашел в спальню. Разбросанная постель. Одежало у разобранного окна, столешница от стола приставлена к подоконнику. Риши подбежал к окну. Заглянул в оконный проем, посмотрел зачем-то вверх. Затем быстро вышел из комнаты и зашагал коридором, направляясь в служебное крыло дворца. Что он скажет царю, как отреагирует тот. Но больше всего он

боялся опалы, недоверия. Риши привык к доверию царя и пользовался им в своих личных интересах, выколачивая все, что позволяли рамки приличия. Так был построен особняк вдали от любопытных взоров на берегу тихой бухты. Так было сколочено тайное Соглашение между своими коллегами в содействии по захвату власти. А теперь,

что ждет его теперь? После утраты сына Царь, как малое дитя, привязался к этому калеке, и теперь сказать о нем можно что угодно. Да-а, времена. Но Риши тешила лишь одна мысль – наследие власти. Все остальное неважно, не существенно, не главное.

Он замер перед кабинетом Президента. Расфранченный адъютант в парадном капитанском мундире встал по стойке смирно, приветствуя Советника: – Президент ждет вас. – Сказал адъютант. Риши удивленно вскинул брови. Ведь этот фронт даже не удостоился сообщить

о приходе Советника. — "Странно! – подумал Риши -, наверное, уже все знает». Постояв мгновение перед дверью, толкнул ее и вошел внутрь.

Переступив порог кабинета, Риши не глядел по привычке вперед, а поворачивался лицом к закрываемой двери, как бы удостовераясь в том, что она надежно закрыта, затем уже взгляд переводил на царя. Так было и на этот раз. Когда взгляд с его лисьей физиономии упал на Президента, лицо медленно стало преобразаться.

Черты заострились, верхняя губа выпятилась вперед, голова сильнее втянулась в плечи, глаза округлились и, скрываясь под насупившимися лохматыми бровями, быстро забегали в крайнем замешательстве. Перед Риши за письменным столом сидел наследный принц Лакии Тир.

– В-вы?! – все, что он смог произнести.

– Да, как видите, Тир! – властно проговорил наследник.

– Распорядитесь объявить траур по отцу. Он умер сегодня ночью. И готовьтесь к похоронам, Он должен быть похоронен с почестями, как солдат, достойный своего народа. Советник трясущимися руками записывал распоряжения нового правителя на листке, который извлек из папки.

– И подготовьте мое выступление по телевидению. Я не собираюсь тратить время и уже приступил к обязанностям.

– Хо-хорошо, Господин Пре-з-зи-дент. – Закивал Советник. При этом губы у него тряслись, а щеки, белые, как мел, дергались по очереди, то одна, то другая.

– И я вижу, что вам необходимо прийти в себя, поэтому не ходите дня три ко мне на доклад. Соберитесь с мыслями и перестройтесь. Нас ждут большие дела. Тир мечтательно посмотрел в окно, затем перевел взгляд на Советника.

– Доложите мне по видеофону о состоянии дел на сегодняшний день в стране. Можете идти.

Риши передернуло, когда он увидел пренебрежительный жест кистью правой руки, указывающий ему на дверь. Такого не позволял себе даже Лакий со своими подчиненными. Риши вышел, не закрыв за собой дверь. Адьютант тут же вскочил с места и осторожно прикрыл дверь кабинета. Злость, замешанная на ненависти к Тиру, подступала комом, сдавила горло. Мысли смешались. Там, стоя перед ним в кабинете,

Риши машинально кивал, записывал, бросал реплики, не задумываясь над происшедшим. Теперь же, наедине с собой, он наливался гневом. Достаточно незначительного укола со стороны, и бурный поток ее захлестнет, изливая яд на подвернувшуюся жертву. Мышиные глазки Советника забегали по сторонам. У самого кабинета на глаза попался Орт.

– Капитан? – окликнул его Риши.

Орт с готовностью услужить любимому начальнику подскочил, грациозно вытягиваясь в стойке смиренно.

– Зайдите! – сухо бросил Риши.

Капитан, подмигнув адъютанту, застывшему за столиком у входа в кабинет, вошел следом за Советником.

– Что? – зло начал Советник. – Бородка уже выросла и усы?

– Так точно, Господин Советник! – выпалил Орт.

– Вы, наверно, знали, что он жив?

– Вы говорите загадками, господин Советник?

– Вы боялись, что он вас узнает, признайтесь. Орт? – глядя снизу-вверх, буравил Риши свою жертву маленькими глазками.

– Право, я не знаю, о ком вы?

– Исчез Думар. – Уклончиво начал Риши.

– Как? Он же калека!

- Вот-вот, и я вас хочу спросить, как?
- Ну так он не мог далеко уйти, его найдут!
- Вы что, на самом деле такой идиот, или притворяетесь?
- Вы забываетесь, Господин Советник, я капитан и дорожу честью мундира.
- В эту ночь вы, Орт, потеряли все, и вашу честь, и ваше звание!
- Надо понимать это как увольнение со службы?
- Вы догадываетесь, капитан. Даю вам три дня. И бросьте валять дурака!

Риши повторил жест Президента, давая понять, что Орт свободен. Капитан вышел, сильно хлопнув дверью. Советник, получивший маленькое удовлетворение от разговора, уселся за свой рабочий стол и тут же защелкал клавишами связи.

- Дайте Президента объединенной телевизионной компании «Интерн-полюс».
- Я слушаю, Господин Советник. – Послышался голос из репродуктора.
- Назовите время, когда может выступить Господин Президент с полчасовой речью!
- В программе новостей, естественно, когда же еще.
- Хорошо. И дайте сегодня сообщение...

Советник долго сидел за столом, связываясь с отдаленными уголками планеты, выполняя распоряжения Тира. Лишь поздно ночью он устало закрыл дверь кабинета и в сопровождении Рени ушел к себе...

Адъютант вздрогнул. Хлопок двери оказался настолько сильным, что выходявший из кабинета Советника Орт невольно скользнул взглядом в сторону адъютанта. Тот бросил реплику: – Что, капитан, не по нраву новые порядки?

– Идите к черту, лейтенант! – раздраженно крикнул он в ответ. Затем вдруг приостановился и спросил: – Не понял, лейтенант, какие порядки?

- Сегодня ночью умер Президент!
- Как?!!
- Вот так, капитан!

В эти мгновения Орт пожалел о смерти наследного принца. «Так вот почему Риши взбесился. Теперь он Правитель Мира.»

Орт быстро пошел в жилое крыло. Там в комнате Думара сыщики Жевилы оживленно вели осмотр комнаты.

– И как, нашли что-нибудь? – спросил Орт у одного из них.

– Нет, капитан, следов борьбы и крови не обнаружено, но похоже, что его вытащили через окно.

- Как это так?
- Либо лебедкой. Но на крыше следов никаких. Либо вертолетом.
- Вы допросили охрану?

– Да, дежуривший в ту ночь под окнами сержант Бовиль ничего подозрительного не заметил. Другие же видели, как над дворцом и парком кружил поздно ночью вертолет с опознавательными знаками личной охраны Президента.

– Вы узнали, что ему было нужно?

– В дела личной охраны мы не вмешиваемся. Но нам стало известно, что вертолетом управлял лейтенант Азон.

– «Гм! – подумал Орт! – кажется, все ясно. Друг повез прогуляться друга. Как ушли, так и вернутся». – Он посмотрел на спящих сыщиков. Один из них без усталости мигал вспышкой фотоаппарата, фотографируя каждую мелочь. Другой что-то сметал кисточкой с подоконника. Наконец они закончили.

– Капитан! – обратился к Орту сыщик с фотоаппаратом. – Мы уже закончили, комнаты подлежат опечатыванию.

- Разрешите мне осмотреть.

– Только ничего не трогайте.

Сыщики удалились в коридор. Орт осмотрел стены, картины на них. Затем деревянную кровать. Взгляд упал на подоконник. Он подошел ближе, просунул правую руку под него, ощупывая что-то. Затем извлек из нагрудного кармана форменной куртки металлическую таблетку, быстрым движением прилепил ее липкой стороной к низу подоконника. Постоял еще немного, осматривая окно, и вышел из комнаты.

Сыщики, стоявшие в стороне в коридоре, быстро опечатали дверь. Орт не стал разговаривать с ними. Он торопливо удалился коридором.

Крайне удрученный разговором со своим патроном. Орт не знал, что делать и что предпринять. Естественным его желанием теперь было поскорее добраться к себе домой и выпить. У него в запасе три дня, отведенных Риши, три дня он еще на службе, три дня. Так пусть они превратятся в праздник. Он порылся у себя в памяти, но не нашел ничего утешительного, забытых сбережений не обнаружилось, одни долги, которые складывались в приличную сумму. – «Черт побери, придется сидеть дома». Он подкатил к маленькому особнячку, дарованному ему Риши за хорошую службу. У самых ворот остановился, нажал кнопку на миниатюрном пульте, установленном на правой ручке мотоцикла. Створка бесшумно отъехала влево, образуя широкий проем, за которым виднелся гараж.

Орт въехал внутрь. Оставив мотоцикл в гараже, он вошел в дом.

Двухэтажный особняк представлял собой строение из красного кирпича, крытое черепицей, возвышавшееся посреди небольшого усаженного деревьями участка. Этот мини-парк со всех сторон был обнесен чугунной решеткой и имел выход через небольшую калитку с вмонтированным переговорным устройством на городскую улицу.

Особняк стоял вблизи дворцового парка, так что в любой момент Риши мог найти своего телохранителя, а тот молниеносно явится на вызов если не считать времени на преодоление расстояния длиной метров в триста к главным воротам дворца. Итак, Орт выбежал на второй этаж по деревянной лесенке к себе в спальню. Окна в комнатке под крышей были зашторены, на деревянной кровати разбросана постель. Орт, не раздеваясь, плюхнулся в постель, затем, лежа, снял кожаные перчатки и зашвырнул их в угол. Настроение было отвратительным, если не считать того, что сейчас

он принадлежал себе на три дня службы. Со столика рядом с кроватью он схватил недопитую граненую бутылку с коньяком, стал жадно пить из горлышка. Жидкость теплым, согревающим током разливалась по телу все больше и больше с каждым глотком. Допив, он швырнул бутылку вслед за перчатками. Бутылка громко шлепнулась о стену, разлетевшись на мелкие осколки и оставила мокрое пятно. Орт удовлетворенно поморщился. Затем заложил руки за голову, стал думать. Мысли, согреты спиртным, вяло ворочались в усталом мозгу. Он вскочил с постели. Только беспокойство мучило его. Орт заметался по комнате, как загнанный зверь. Безработица, скитания, насмешки, неутешительная будущность терзала измученное самолюбие. И это ждет его. Он давно уже не мыслит существования без первого среди первых сильных мужчин, перед которыми жалкими выглядят даже его коллеги Думар и Азон, коллеги. А ведь Царь

лично распорядился и закрепил приказом его за Советником. Теперь, когда Советник – Президент, ой как не к месту эта ссора...

Орт снова нервно стал ходить от двери к окну по мягкой дорожке. Его вдруг начал раздражать полумрак. Он остервенело дернул шторы. Свет на мгновение ослепил глаза. Орт отвернулся, зашагал к двери. Затем щелкнул выключателем приемника. Комната наполнилась звуками затихающей мелодии. Голос диктора объявил программу радиопередач и начались новости. Диктор комментировал процессию прощания с первым Президентом Мира, труп которого установлен в Соборе Северной звезды.

– «Бесконечные потоки людей с утра и до поздней ночи идут в скорбном молчании отдать прощальный почёт Президенту. В почетном карауле застыли...» – рука Орта потянулась к приемнику, ему надоели траурные речи по сыну Президента, а по самому Президенту еще больше, но голос диктора остановил

«...сын Лакия, Тир, Советник Риши...»

– Что-о-о?! – вскричал Орт.

– Не может быть! Он жив?! – заметался по комнате Орт. Теперь ясно, почему так бесился Риши. Орт озадаченно лег на постель. Несколько мгновений он лежал не двигаясь. Затем встал, открыл тумбу столика, в которой обнаружился изрядный запас спиртного. Достал бутылку водки.

– Отметим воскрешение отпрыска. Видно, я просчитался, а может быть, и к лучшему, черт знает, что за штучкой оказался бы Советник, дай ему власть. Он откупорил бутылку, налил в бокал и стал пить, закусывая ломтиками шоколада. Событие явления наследника и выпитое изрядно ударили в голову. Орт запел: – И розы, за-а цветут в саду благоуханьем. И девушки спуют мои-им, мои-им мечтаньям...

Слова модной песенки вконец подняли настроение Орта. Он вынул из нагрудного кармана миниатюрное подслушивающее устройство, подключил его к источнику питания и автоматической записывающей системе, вмонтированной в магнитофон, который стоял на приемнике. Затем снял одежду и залез под одеяло.

Только утром он проснулся, проспав остаток дня и всю ночь. Голова разламывалась от боли. Он дрожащей рукой налил в бокал водки и поднес ко рту, сделав несколько глотков, с облегчением вздохнул. Затем поднялся. После утреннего туалета и завтрака, которым его угостила служанка, толстая и тихая женщина лет пятидесяти, рекомендованная ему в свое время Риши, он поднялся к себе в спальню. Там с удивлением обнаружил изрядный кусок исписанной автоматическим устройством магнитной ленты. Орт тут же прослушал запись. Волнению его не было предела.

Он засуетился, надевая форму. Когда с этим было покончено, быстро сбегал по деревянной лестнице, мимо обеденного стола к двери, ведущей на улицу. Служанка покачала головой ему вслед, убирая в это время посуду со стола...

– Капитан! – окликнул Орт начальника бывшего царского вертолетного ангара.

– Слушаю вас, капитан. – Сказал тот случаясь от кучки сослуживцев, с которыми вел оживленную беседу.

– Мне необходим вертолет для охоты.

Капитан замаялся, помня о случае с Азоном, спросил:

– А вы похищать никого не намерены?!

– Вы как разговариваете со мной, капитан?!

– Извините, капитан, я только хотел попросить вас, не увозите хоть вы людей без ведома на то начальства.

– Мое начальство Советник, и не вам меня учить!

– Идемте, капитан. – Увлекая за собой, он показал Орту легкие вертолеты, предназначенные для охоты. Орт выбрал «Стрекозу»...

Машина бабочкой вспорхнула со стартового пятка и быстро скрылась в направлении гор.

– Странно. Зачем ему охотиться, когда любой ресторан его бесплатно кормит, поит и развлекает. – Проговорил вслух начальник ангара.

– Так, господин капитан, он же самому Советнику задолжал. – Насмешливо сказал подошедший сержант. На нем был рабочий комбинезон. С завернутых рукавов куртки торчали руки, вымазанные по локти в масле, а невысокая фигура говорившего вся как-то съежилась,

и если бы на нее посмотреть в этот миг со спины, то сразу можно было бы понять, что сержант смеется.

– Ну, не нам судить. – С чувством зависти сказал капитан, удаляясь в ангар. Внизу проплывали пастбища. Ущелье, отсекавшее плато от хребта, зияло зигзаг подобным провалом на фоне зеленеющих холмов и предгорий. Его склоны то тут, то там были сплошь изрыты промоинами оврагов, в одних местах еще свежих, в других – уже давно покрытых порослью. Орт внимательно следил за проплывающей местностью вдоль

ущелья. Исследования ущелья ему ничего не дали, и видно было, что эта процедура изрядно недоела. Он круто бросил «Стрекозу» вверх, Машина дрожала, но послушно подымалась, одновременно двигаясь вдоль хребта вперед. Стало тяжело дышать. Слева на борту нашупал кислородную маску и надел на лицо. Картина великолепия гор предстала перед глазами белыми шапками вершин и близких облаков. Хребет тянулся с севера на юг, исчезая в голубой дымке, усеянной кучной облачностью. Там, в направлении Юга, куда следовал Орт, взгляд различил разрыв хребта. Медленно выплывая из голубой дымки, он очерчивался в гигантский провал поверхности, заканчиваясь в восточной части сплошной тупиковой стеной светло-желтого оттенка. Словно гигантский котлован трапециевидной формы, уходил провал к венцу скалы, острым белым зубом рвавшей облака в вышине. Орт снизился к середине провала, стал внимательно осматривать края, дно и скалы вокруг. Слева, с северной стороны, он обнаружил отверстие в породе. Приблизившись, долго изучал зияющую дыру в скале, затем отвернул машину, бросая вдоль стены на Восток к тупику. Там он наконец обнаружил интересовавший его объект. Он подогнал машину ближе, снизился до середины стены и внимательно осмотрел ее. Не сразу ему посчастливилось обнаружить карниз, ведущий к продолговатой черной дыре. Туда, к ней, он ближе подвел вертолет и замер, изучая каждый камешек возле пещеры. Внезапно в темном ее очертании появился седой старец. Он поднес ладонь ко лбу, внимательно всматриваясь в стрекошущее металлическое насекомое. Орт включил автопилот. Машина тут же уравнилась и застыла, вздрагивая ежеминутно от корректировок автомата. Затем

взял ружье, которое лежало рядом на сидении, осторожно прицелился. Хлопок выстрела заглушился рокотом мотора...

– Фу, черт! – выругался Азон.

– Посмотрите, Думар, эти свиньи уже успели опечатать комнату. – Он повернул голову к другу, которого поддерживал за туловище.

– А, ерунда, что значат эти мелочи по сравнению с тем, что вы для меня сделали, Азон.

– Пустяки, и, кроме того, это не я, а Отшельник.

– Каково, а! Не вы, а то, кто же?!

Азон возился с замком.

– Благо, что хоть замок не поменяли.

– А ну их к черту! – Думар был поглощен чудодейственным исцелением и только об этом мог говорить.

– Подумать только, три дня – и я здоров!

– Ну, дружище, нам еще два дня осталось. Вернее, завтра во второй половине и послезавтра, и все.

– Да-а, а как вам удалось меня водрузить на карниз? Вы знаете, Азон, я, признаться, чуть в штаны не наложил.

– Ну, полно. Вы – и вдруг о таком!

– Да лежишь тут. – Щелчок замка прервал разговор. Они вошли внутрь.

– Вы, Азон, дайте знать Жевилю, что со мной все в порядке. Ну, и Риши надо бы сообщить.

– А, эта старая крыса сама пронюхает. Вот Жевиля жаль. Хороший парень.

- Что вы имеете в виду, то, что ему нет равных в выпивке, или в презрении к доносам?
- И то, и другое, капитан.
- Ха-ха-ха! А не отметить нам немного это событие? – усаживаясь в постель с помощью друга, предложил Думар.
- Извините, капитан, но нам нужно еще два сеанса. В этот провал пока долетишь.
- Да, конечно, но дыра страшная, бездонная пропасть. Я засекал время. Кресло падало ровно три минуты с карниза. Жутко.
- А для меня, Думар, страшнее всего было продвижение по карнизу. Как мы почти ползком, но все же добрались до «Слепня».
- Хорошо, что ветра не было.
- Да, ну что ж, старик обещал поставить на ноги в три сеанса. Так что начихайте, Думар, на президентских лекарей. Ну, ладно, мне пора.
- До свиданья, друг. Жду вас завтра к обеду.
- Азон, ступая по ковру, вышел, осторожно закрыл дверь за собой...
- Отшельник, шаркая ногами, озабоченно ходил взад-вперед по узкому пространству пещеры в крайнем замешательстве.
- Как же так! – говорил он старческим трескучим голосом. – Почему Светоч Мудрости принес мне это известие? Какой смысл заложен в нем? О, человеческое мышление, тебе не понять драгоценного напитка из сосуда Космической Мудрости.
- Он вздыхал, садился в раздумий. Снова вставал и долго шаркал ногами, семена старческой походкой по выдолбленному полу.
- Смысл, смысл. Комета Галла, так называют ее астрономы, движется по направлению к планете. Период обращения четыреста световых лет. Еще никто не знает об этом. Какая бесценная информация хранится в ней! Эх, дать бы ее в честные руки, как бы преобразилась жизнь! – Старик ворчал, сокрушался, затем пустился в длинные философские рассуждения о смысле бытия и слабости человеческого существа...
- Вы, Орт, спасли свою честь! – вдруг выкрикнул Риши, вскакивая с кресла, где он сидел у журнального столика, прослушивая запись.
- Орт стоял у двери, выжидательно всматриваясь в непроницаемое лицо Советника.
- Я старался, Господин Советник, и, как водите, небезуспешно
- Что за объект – комета Галла?
- Я справлялся в центре Космических исследований. Там ничего подобного не наблюдали.
- Подождем. И вот что, займитесь Орт, вплотную этим объектом. Старик, исцеливший Думара, владеет секретами астрономии, и информация, видимо, имеет смысл.
- Как прикажете действовать?
- Готовьтесь, и серьезно, к полету в Космос, очевидно, к интересующему нас объекту...
- Комете Галла! – нетерпеливо перебил его Орт.
- Не будьте кадетом, капитан! – иронически остановил его Риши. – Я в свою очередь позабочусь о корабле и подготовлю этот полет.
- Когда лететь? – спросил вдруг с готовностью Орт.
- Вижу, капитан, что вы готовы даже в ад?
- Так точно, Господин Советник!
- Ценю вашу самоотверженность. Ну, а теперь идите. Я дополнительно сообщу вам о времени и месте полета. Думаю, это будет еще не скоро.
- Есть! – громыхая форменными ботинками по паркетному полу, он вышел из кабинета...

Глава двенадцатая

Все телекомпании Мира транслировали процессию похорон первого Президента Мира. Гроб с телом покойного был установлен на лафет пушки, который тащили в одной упряжке двенадцать пар белых рысаков. По обе стороны от лафета шли телохранители покойного. Слева первым Думар, за ним Азон, справа первым Орт, за ним майор Жевиль. На них были белые каски с черной полосой, черные форменных комбинезоны с красными повязками на рукавах левой руки выше локтя. Весь лафет завален цветами и венками так, что гроба не видно, только труп над ними печальным возвышением медленно плыл с цветочной горой посреди людской реки. Следом в открытых правительственных машинах ехали родственники и близкие покойного. Эскорт машин растянулся вереницей по оцепленным охраной Дворцовым проспектом. Последний путь от дворца до крематория длиною в пять километров был усеян цветами. Красные с черной полосой флаги свисали с балконов домов, их полотнища длиной в два этажа местами касались улицы и волочились по тротуарам, подхваченные ветром.

Оркестр, сопровождавший процессию, стройными рядами музыкантов медленно продвигался впереди, играя траурные марши. Люди запрудили все пространство за спинами охранников. Были заняты крыши соседних домов и даже деревья, росшие справа и слева по обе стороны проспекта. Женщины плакали, мужчины хмуро взирали на экраны телевизоров. Лакия, а с ней и весь мир, прощались с Президентом Мира. Президентом, которого любили, которым гордились, ему верили, на него надеялись. Какова судьба ждет Лакию, а с ней и мир при новом правителе, сыне Президента Тире?

Прах с урной поместили на отдельной площадке кладбища Нарфы, где были похоронены знаменитые писатели, историки, государственные деятели, врачи и ученые.

Тир выступил с траурной речью. За ним – Риши и некоторые руководители стран, в том числе и Президент Аркии Вик: – Я, от имени всех моих коллег! – сказал Вик, – выражаю искреннее соболезнование народу Лакии, а с ним и всему Миру и верю, что начинания отца, чаяния народов да воплотит в жизнь его сын Тир.

После похорон Тир принимал гостей, руководителей стран Мира, ставших членами его кабинета Министров. Приемы длились в течение двух недель. Две недели и три дня Тир уже находился у власти. Он лично распорядился, чтобы Думар и Азон, охранники-телохранители его отца, оделись в парадную форму и неустанно дежурили по очереди у двери его кабинета. Тир, выслушав доклад Риши, сказал: – Скажите моей охране зайти.

Риши покраснел, он, почти Президент Мира, ходит в лакеях у этого молокососа. Гнев залил глаза. Он поспешил повернуться спиной, чтобы скрыть бушевавшие чувства. За дверью грубо крикнул: – Капитан Думар и лейтенант Азон, к Президенту.

– Есть, Господин Советник. – Крикнули оба, вставая с дивана, на котором сидели у дверей.

Риши их не слышал. Гнев бушевал в сердце, он почти ослеп от прилива ненависти и быстро шел к своему кабинету, не обращая внимания на сновавших служащих, которые почтительно уступали ему дорогу. У кабинета его встретил Орт. Не удостоив вниманием телохранителя, Советник быстро проскользнул мимо в дверь своего кабинета. С порога он крикнул: – Рени! – и, прежде бросив папку на письменный стол, уселся

за ним. Лакей тенью тут же явился. – Я слушаю, Господин Советник.

– Докладывайте! – приказал нетерпеливо Риши. Рени неторопливо достал из-под мышки красную папку, затем открыл ее и стал пробегать глазами мелко исписанные листки.

– Да читайте, черт побери, что там у вас? – в нетерпении вскричал Риши.

– Как вы распорядились, я связался по нашим каналам с представительством Космическом фирмы в Аркии.

- Ну, ну, ближе к делу.
- Они за обещанное вознаграждение изготовят космический корабль и установят его в указанном вами месте в срок, вами оговоренный.
- Каковы гарантии секретности?
- Корабль будет изготовлен под видом программы космических исследований для доставки отдаленных спутников астрономической службы слежения по заказу центра Космических исследований.
- Но они располагают свои заказы в южном полушарии в Кие.
- Это особый случай, связанный с демонтажем военных объектов, и кроме этого, полет Орта на этом корабле будет предусмотрен, как испытательный, и нигде не будет зарегистрирован.
- Вы, Рени, гениальный малый, хоть и ходите в лакеях.
- В лакеях ходил мой дед. Отец завещал мне эту службу. И если бы были у меня дети, то...
- Ну, ну! – удовлетворенно потер руки Риши. – Очень хорошо. Я вами доволен, Рени, и если вы желаете отдохнуть и развлечься, то курорты Мира теперь в вашем распоряжении.
- Когда изволите вернуться, Господин? – тут же спросил Рени. Риши, поколебавшись, назвал дату и протянул ему маленький квадратик, обернутый целлофаном в виде визитной карточки.
- Это вам пропуск. С ним вас встретят как родного домочадца в любом уголке планеты.
- Рени взял пропуск, поклонился Риши, прижимая руки к туловищу, и тихо вышел в свою дверь. Советник, окончательно успокоившись, встал из-за стола, подошел к широкому окну, выходявшему в старинный парк дворца. За окном стоял полдень. Деревья тихо шелестели листвою, бросая прохладную тень на стекла.
- Я тебе покажу, молокосос, дай срок. – Процедил Советник сквозь зубы...
- Зачем это мы ему понадобились? – спросил Думар у Азона.
- Вы не знаете, капитан? – обратился Азон к адъютанту. Тот захлопал глазами, затем сказал: – Наверное, хочет вас женить.
- Вы, как всегда, остроумны, капитан! – ответил ему Думар.
- Азон был уже в кабинете.
- По вашему приказанию прибыли, Господин Президент – отрапортовал Думар, как старший по званию.
- Вот что, господа! – начал Тир, – Отец завещал мне ценить и дорожить преданными мне людьми, поэтому я пригласил вас выразить благодарность Азону за то, что он вернул вас в строй, капитан.
- Рад служить Вашему Величеству! – сказал Азон.
- Дорогой лейтенант, старые порядки пора забыть, я не Царь, а Президент, и прошу теперь меня величать Господином Президентом.
- Так точно, Господин Президент!
- Ну вот, когда выйдет Устав Дворцового Этикета, все будут знать и обращаться как положено. – Поучительно заметил Тир.
- А теперь мы последуем за не менее нужным мне человеком, испытанным и доказавшим свою преданность.
- И кто же он; сержант, солдат или офицер?
- Он достоин звания капитана и должности моего адъютанта, но это еще темное и дикое существо. И я пригласил вас за тем, чтобы вручить его в ваши руки.
- Что прикажете с ним сделать?
- Надо вылепить из него первоклассного бойца. По моему мнению, если есть молодость, ловкость и преданность, то все остальное придет.
- Заранее восхищаясь будущим учеником, у Думара и Азона загорелись глаза.

– Давайте его нам, Господин Президент, и мы сделаем из него бойца, будьте уверены. – С задором сказал Думар.

– Ну, если вы готовы, то в путь!

– В путь? – вырвалось у Азона.

– Да. Я забыл сказать, он потомственный чабан.

На лице Думара изобразилось недоумение, у Азона презрительно скривились губы, он еле сдержался от нелестной реплики...

В вечерних сумерках, по дороге, ведущей в горы, из Нарфы шел молодой человек. Одежда на нем была шита из грубо выделанной овечьей шкуры. Короткие штаны, куртка с длинными рукавами да островерхая из овчины шапка – вот весь наряд, из-за которого его вполне можно назвать пастухом. Шлепая босыми ногами по асфальту, он то и дело оглядывался в сторону города, но за ним не гнались. Это был Омар.

– «Неужели он не погонится следом! – думал наивный пастух, – ведь я ему так насолил, хотел сдать в психиатричку, умалишенным называл».

Весь путь от Нарфы до поселка он все ждал. Но погони не было. Вот уже знакомые с детства ворота старого дома. Теперь в нем живет сестра с мужем. Навстречу, ковыляя; старыми ногами, вышел Марсель. Он почти ослеп и долго принюхивался, шевеля черным носом, прежде чем подойти поближе. Наконец пес подошел к приближающемуся хозяину, лизнул его раз, другой в ногу выше щиколотки.

– Старый дружище. – Потрепал его по голове Омар. Как в детстве, он осторожно приблизился к освещенному окну. За тем же столом, где когда-то ужинала их семья, теперь сидел муж Жаннет, сама хозяйка и двое детей. Мальчик постарше, он сидел спиной к окну, видна только его белокурая голова, девочка – напротив.

Им прислуживала миловидная полная кухарка, которую Анвар, так звали мужа сестры, нанял готовить и ухаживать за детьми. Он превратился теперь в богача, сдавал в аренду свое пастбище и, занимаясь организацией купли-продажи овец, нажил от торговых операций на малое состояние. Между прочим, всерьез подумывал перебраться в Нарфу. Омар всей душой завидовал ему и боялся его. Но пустой желудок взял верх. Он постучал в окно. На пороге появилась Жаннет.

– Кто там?! – громко позвала.

– Это я, сестричка!

– А, Омар, заходи в дом. Как раз к столу поспел! – весело защебетала она. Омар чинно зашел в комнату.

– Добрый вечер. – Поздоровался он.

– Входи, входи. – Оборачиваясь к нему, сказал Анвар. – Присаживайся, мы как раз ужинаем.

Омар сел на приставленный стул сестрой к обеденному столу. Туг же перед ним появилась полная тарелка супа. Он жадно набросился на еду. Ему не мешали.

– Вообще-то я! – хлебая суп, начал торопливо Омар! – к вам по делу.

Анвар перестал кушать жаркое из барашка и уставился пытливым, внимательным взглядом в родственника.

– Вы бы не могли меня спрятать от нашего помешанного, а то его забрала правительственная машина. Он, похоже, сынок какого-то придворного. Как расскажет...

– Брат, мы тебя спрячем так, что родной отец не найдет. Поживи пока у нас.

Муж не вступал в разговор. Анвар молча поглощал свое жаркое, запивая вином из бокала. Омар взглянул на него. Спокойное лицо, волевой подбородок и никакой реакции на просьбу. Это его немного успокоило, и он доел свой ужин с аппетитом. Когда все

встали из-за стола, Жаннет увлекла Омара в коридор: – Послушай брат. Сегодня уже поздно, переночуешь в своей комнате, а завтра я тебя устрою.

– Ну, хорошо.

Омар вошел в давно забытую свою спальню. Жаннет появилась с бельем. Постелив постель, она пожелала ему спокойной ночи и закрыла за собой дверь.

Усталый, он быстро и крепко уснул. Ему снились неизвестные пейзажи пустыни, где он ни разу не бывал. Море с огромными волнами, на нем и дремучий лес, непроходимой чащей ставший вдруг на его пути.

– Эй, проснись. – Толкал его отец в плечо.

– Это ты, отец! Меня могут поймать. Наш умалишенный – сынок какого-то придворного. Я сам видел, как он садился в правительственную машину...

Он взволнованно говорил, путая слова, рассказывая отцу все до малейших подробностей. Испуганно закончил словами: – Он будет мстить.

– А, ерунда! – хладнокровно заметил Ден, – Давай собирайся, срочно овец выгонять, а ты тут прохлаждаешься. Давай, собирайся, да поживее!

Омар нехотя встал. Сон наваливался тяжелой ношей, пригибая к постели. Но он решительно выпрямился. Одел свою пастушью одежду, тихо, чтобы не разбудить домочадцев, вышел следом за отцом. На дворе сумерки уже посерели, но еще было темно. Отец еще влезал на дрожки, когда Омар подбежал и вскочил следом за отцом,

усаживаясь рядом на козлах.

– Но-о! – дернул вожжами Ден. Лошадка быстро вынесла дрожки на улицу. За поселком дорога круто подымалась в гору. Небо на Востоке посветлело. Тонкая лента облаков, небрежно брошенная природой на небосвод, окрасилась в малиновый оттенок, постоянно меняющийся, светлея. В предутренней прохладе густо пахло сеном.

Справа вдруг запел жаворонок, ему стал вторить другой где-то вдали. Дрожки въехали в сырое ущелье. Тут еще было темно. А вершины гор уже белели, очерчиваясь с каждой минутой все ясней и ясней. Солнце уже взошло, когда лошадь остановилась у порога

сторожки. Ден стал распрягать. Омар вынес седла.

– Давай седлай! – приказывал отец. – Завтракать будем на пастбище.

День прошел спокойно. Никто не искал Омара. На второй и третий день тоже никому из государственных чинов Омар не понадобился. Прошло еще пять дней. Омар успокоился, перестал думать об умалишенном, затем забыл вообще.

Пошла третья неделя с того самого момента, когда Омар оставил на дворцовой площади своего найденыша. Отец сегодня, как всегда, первым проснулся и стал будить сына. Омар нехотя открыл глаза, затем быстро вскочил с постели. Ушат холодной воды под блеяние отары в загоне да легкий ветерок с луга – что может быть приятнее

для молодого пастуха, одержимого одним, как напасти досыта отару да приумножить поголовье овец. В то утро дул легкий прохладный ветерок.

– Вчера видел опять вертолет с опознавательными знаками личной охраны Президента.

– А как ты узнаешь, отец, что это именно личная охрана?

– По изображению меча на фоне темно-зеленого яйцевидного щита. Словно крест в зеленой оправе. Особенно ярко выделяются красная канавка посередине меча, словно кровь. Омар испуганно спросил:

– Чего это они зачастили в горы?

– Чего, чего! – возясь с подпругой седла, говорил отец. – На охоту летают, наверное.

В его голосе слышались нотки зависти. Его давняя мечта об охране вновь взбудоражила воображение, позвала давно зарытым чувством в молодость.

– Да-а, как давно это было! – задумчиво сказал он.

– Ты, о чем, отец?

– Да так, давай лучше смотри, не растеряй овец.

Они ловко, управляя лошадьми, выгоняли отару из загона. Поднялась туча пыли, но как только овцы вышли на зелень луга, пыль осела, воздух снова обрел кристальную чистоту и прозрачность. В воздушной хрустальной чопорности ажурными узорами засияли горы. Бесконечно меняющиеся переливы красок разворачивались перед

околдованным взором. Чарующие светотени от нежно-фиолетовых оттенков до пурпурно-розовых перламутровых тонов создавали единый ансамбль утренней зари. Как легко дышится в этом целебном настое горного бальзама, состоящего из крутого аромата распустившегося цветения трав да дыхания ущелий. Солнце взошло. Оно засияло над пастбищем, овцами и Омаром, давая жизнь раскинувшимся лугам, птицам, зверям, горам и людям, всему тому, что мы привыкли называть живой Природой.

День набирал свою силу. Это ощущалось по ярким, слепящим порой, краскам жаркого солнца. По дуновению прохладного ветерка, прикасающегося к телу, сквозь щели кожаной одежды чабана. Высоко в небе парил коршун. Омар засмотрелся на птицу, лежа

на спине, его поражала свобода полета и то, что ни малейшего взмаха крыльев – а подъем ввысь, и вот уже коршун – маленькая, еле заметная точка среди голубых просторов. Чудно. Только коршуны да орлы умеют так летать. Нет, пожалуй, еще аисты...

Мечтая о полётах птиц, он уснул. Овцы паслись невдалеке, убаюкивая бляением да похрустыванием объедаемой травы. Ему снился полет. Он летел, как коршун, высоко над горами, внизу все было такое маленькое, но значительное, не важное, не нужное. Вдруг внизу горы задрожали. Белые шапки вершин ринулись вниз, рассыпаясь в мелкие осколки, в пыль, везде слышался рокот, и гул страшной катастрофы...

Он вздрогнул во сне, открыл глаза, проснулся. Но рокот не исчезал, вихри метались вокруг, вздымая кверху траву, вырванную с корнем. Шапка слетела и, поднятая вихрем, упала далеко от разбежавшейся в панике отары. Ветер исходил откуда-то сверху, прижимая к траве, мешая встать. Омар со злостью взглянул в небо. Тяжелый вертолет плавно снижался прямо на него. Пастух вскочил, намереваясь бежать. Но, завидев отца, мчавшегося к нему на лошади, вдруг расхрабрился, стал ждать.

Ден подоспел вовремя. Он заблаговременно спрыгнул с лошади и, низко пригибаясь под порывами струй воздуха, приблизился к сыну. Колеса машины в это время коснулись луга, рокот стих, прекратился. Это был правительственный вертолет, принадлежащий лично Президенту. Ден подробно комментировал внешнюю форму машины, узнавая знакомые опознавательные знаки различия. Дверца наконец отворилась. Из ее овального отверстия вынырнул короткий бортовой трап. По нему на траву спустился Тир. Ден смял шапку и низко поклонился.

– Это Президент. – Сказал он Омару.

Омар застыл, разинув рот, удивляясь тому, как Президент смахивает на умалишенного, только без бороды, только без грязных косм на голове, только в парадном президентском мундире малинового цвета с эполетами на плечах.

Тир подошел к Омару, запросто, без церемоний протянул правую руку: – Ну, здравствуй. Омар!

– Откуда вы меня знаете? – несмело подавая свою, зачем-то вытерев кисть о штанину.

– Ты спас меня, ты проводил в Нарфу. Ну, вот теперь моя очередь тебя отблагодарить.

Пока Тир разговаривал, сзади подошли два высоких красивых офицера в черных походных комбинезонах, с малиновыми беретами на голове. Их пытливые глаза шарили по фигуре Омара, одетой в нелепый костюм пастуха.

– Зачем они на меня так смотрят? – спросил, смутившись, Омар. Отец подвинулся вдруг вплотную и стал толкать сына в бок: – Проси, пусть заплатит, он же теперь Президент, Богач.

– Что хочет твой отец?!

Ден расхрабрился и стал говорить: – Ведь вы прибыли, Господин Президент, нас отблагодарить, так?

– Да. И чего же ты хочешь?!

– Я когда-то продал на аукционе за полтора миллиона овец необычной раскраски. И у меня эти деньги украли грабители.

– Я дам вам эти деньги. Думар! – к Президенту подошел широкоплечий высокий офицер. Его тонкий торс, подтянутый широким поясом с болтавшейся на нем кобурой оружия, подчеркивал утонченную природную стройность и изящество фигуры.

– Запишите, пожалуйста, все, как положено, у чабана, пусть переведут мои Финансисты на его счет полтора миллиона. Думар увлек Дена в сторону, что-то расспрашивал, фиксируя в записной книжке авторучкой.

– Азон, подойдите, пожалуйста, поближе.

К Тиру и Омару приблизился другой офицер. Сухощавый, стройный, с пытливым умным взглядом синих глаз. Он держал матерчатый сверток в руке.

– Дайте форму Омару, пусть переоденется.

Азон протянул сверток пастуху. Омар дрожащими руками развернул ткань, внутри оказалась новенькая форма сержанта личной охраны Президента. Омар торопливо переоделся. Форма преобразила пастуха до неузнаваемости. Особенно красиво сидел малиновый берет. Орлиный профиль носа сочетался с силуэтом формы, придавая фигуре неповторимую мужественность и красоту.

– Ну, чем не охранник! – похлопывая смущенного пастуха по плечу, сказал Тир.

Ден со слезами счастья на глазах молча любовался сыном. Мечта, его мечта сбылась, сбылась в сыне. Ден был счастлив.

– А теперь прощайся с отцом – и в путь! Ты принят на службу, а со мной не спорят! – твердым голосом приказал Тир.

– Собственно, а меня можно спросить, хочу я служить или нет?

Отец не стерпел. Нервы, вконец измотанные житейскими передрыганиями, сдали и на сей раз, вырвавшись сочной оплеухой по щеке Омара. Ее лязг эхом отозвался в горах.

– Вы его простите. – Старый чабан плюхнулся на колени перед Тиром, хватая за руки, стараясь их поцеловать. – Он не ведает, что говорит.

– В нем чувствуется твердый нрав и чувство собственного достоинства, такие люди мне нужны.

Тир отдернул руку, жестом приказал отцу встать.

– Ну, полно вам, вы теперь миллионер, и вам не идет стоять на коленях. У нас так не принято.

– Так вы его берете?! – не веря своему счастью, лепетал Отец.

– Ну да, конечно. – Спокойно сказал Тир. Затем он обнял Омара правой рукой за плечи и увлек к вертолету.

– А ты не смей перечить, слышишь, что я тебе сказал. Не смей?

– Нет, отец. Не буду. – Наклонив голову, словно провинившийся школьник перед учителем, сказал Омар...

Вертолет взмыл над пастбищем, унося Омара в вешнюю высь, в неизвестность, в новую жизнь. Ошеломленный отец долго еще стоял, наблюдая за маленькой движущейся в сторону Нарфы точкой, в которую превратился вертолет.

– Скажите, сержант! – нарушил молчание Думар, – Что значит ваше имя?

– Отец был рыбаком, когда я родился, он поймал в сети одного-единственного Омара, с тех пор я Омар, а он чабан.

– Ха-ха-ха! – дружный хохот заглушил рокот моторов.

– Вы напрасно смеетесь, Господин. – Сказал Омар. В его голосе прозвучала обида. – Ведь имена дают нам родители.

– Не всегда. – Добавил Азон.

– Я что-то вас не понимаю, лейтенант. – Сказал Омар.

– Ну, например, Азон – это не мое имя.

– Я же собственными ушами слышал, – удивлению Омара не было предела, – что вас, лейтенант, все так называют.

– Все, да не все. Это не настоящее мое имя.

– А капитан Думар тоже носит не свое имя?

– Да, и я взял себе такое, какое мне больше всего понравилось.

– А что означают ваши имена?

– Мое, например, – сказал Думар, – значит Мудрый или Мудрец.

– А ваше, Азон?

– Мое, – значит прозрачность и твердость, понятнее, сходно с алмазом, оно и прозрачно, как горный воздух, и твердо, как алмаз.

– Извините, господа, я обиделся на вас за смех.

– Ничего, мы не обидчивы. – Тепло улыбаясь, сказал Думар.

– А ваши настоящие имена можно узнать?

Офицеры хранили молчание. Азон замурлыкал что-то себе под нос. Думар стал внимательно рассматривать проплывающие внизу пейзажи.

– Вы, Омар. – заговорил Президент. – Подумайте над своим именем, следуйте и вы традициям личной охраны. Вы должны быть храбрым, сильным и крепким, как сталь. – Высокопарно поучал Тир.

«Этот наследник забывается», – раздраженно подумал Омар.

– Ну, если вы, Господин Президент, остры, как обоюдоострый меч, изображенный на ваших опознавательных знаках, то я, значит, Эфес у этого меча. – Иронически заметил Омар.

– А что, не дурно! – одобрительно сказал Тир. – Почему бы вам не стать Эфесом?

– Считайте, что перед вами не чабан Омар, а Эфес, сержант вашей личной охраны. – С достоинством офицера сказал уже Эфес...

Глава тринадцатая

Ошеломляющие перемены в жизни Омара-Эфеса подействовали на молодого человека двадцати лет от роду, никогда не жившего в большом городе, как на молодого ягненка сочный луг. Он смотрел на огромные дома, широкие улицы, всматривался в

лица прохожих, и ему казалось, что все это уже принадлежит ему и для него. Как же, он теперь приближенный к самому Президенту, сержант его личной охраны.

Новенькая парадная форма поблескивала на солнце золотым двух квадратиков на плечах куртки, и нагрудный знак личной охраны, который обычно носят за отворотом лацкана, сиял в лучах солнца, отражаясь в газах Эфеса искорками праздного восторга.

Он шагал по улицам после первого дня службы, наслаждаясь переменой, и своей безоблачной будущностью. Он решил не заходить в отель, куда временно поселил его по распоряжению Президента Азон, а как можно дольше побыть наедине со своим теперешним положением. Его самолюбие тешили почтительные взгляды горожан, полуоткрытые зовущие губы красавиц, еще вчера спешивших поскорее пройти мимо.

А сегодня, да, сегодня, малиновый берет с кокардой, изображением обоюдоострого меча, сверкающего на солнце металлическим блеском на фоне темно-зеленого овала щита, шли к смуглым тонким чертам лица, делали Эфеса неотразимым для юных сердец, провожающих его мечтательным взглядом, грезя втайне о таком парне.

Эфес очутился в сквере парка, примыкавшего к Соборной площади. Он рассматривал с наивным любопытством все вокруг, все рассматривали его.

– Посмотри, Фред, какой индюк! – кивая в сторону Эфеса, сказал один из двух борода-тых парней, раздетых в белые холщовые рубашки, подвязанные веревками, и в сандалиях. Несмотря на безобидный вид своей внешности, они тем не менее курили дорогие

сигары, и у обоих в правом ухе торчала огромная золотая серьга с бриллиантом, крик моды молодых и богатых буржуа. По всей видимости, они не принадлежали к бездомным бродягам, а дорогие вещи говорили о богатстве их отцов.

– Слышь, Мет! – сказал второй, – То-то я смотрю, какие перья на нем.

– Фред, пощиплем цыпленка, а?!

– С удовольствием, Мет.

– Эй, ты! Сыч надутый! – крикнул Фред Эфесу. – Ты гуляешь в запрещенной зоне!

Эфес не расслышал. Он продолжал идти дальше.

– Я тебе что сказал?! – подбежал Фред, грубо хватая Эфеса сзади за плечо. Он недо-уменно резко повернулся и взглянул на бородастую лохматую голову.

– Вам чего? – глазами, полными наивной вежливости, смотрел Эфес на обидчика. Фред опешил от неожиданности.

– Ты не понял, я, кажется, тебе сказал, что здесь гулять полицейским запрещено!

– Это Президент запретил? – спросит простодушный пастух.

– Я запретил, понял! А чтобы ты это понял, я распишусь.

Фред с размаху воткнул свой увесистый кулак правой руки в солнечное сплетение Эфеса.

– А! – все, что успел сказать бедный сержант. Дыхание оставило его, рот по-рыбьи хватал воздух. Фред двинул Эфеса двумя руками по затылку, повергая наземь. Подоспевший Мет стал бить бедного охранника ногами. Тяжелый труд горца, с раннего детства, привыкшего вставать с восходом солнца и трудиться до вечерней зари, выросшего на

парном молоке горного воздуха, подарил чабану крепкие мускулы и выносливость. Нападавшие быстро устали. Рубашки их взмокли от пота, прокуренные легкие часто с хрипом выдыхали воздух. Эфес почувствовал закипевшую злость. Он стал на колени, затем сбросил со спины, как овец, навалившихся обидчиков, вскочил на ноги.

Но те разбежались в разные стороны. Он поднял валявшийся в пыли берет, стряхнул с себя грязь и, прикрывая лицо руками от любопытных взглядов, быстро вернулся в отель. В зеркале ванной он рассмотрел себя. Волосы в клочках запекшейся крови, под глазами огромные синие пятна. Несколько шишек на лбу. Тошнотворный привкус крови во рту и острая головная боль вызвали рвоту. Он долго стоял над умывальником. Затем разделся и вымыл голову холодной водой, смыл кровь. Чтобы не испачкаться кровью, быстро обернул голову полотенцем, затем достал из холодильника несколько кусочков льда, приложил к опухшему глазу, стало несколько легче, голова немного успокоилась. Он осторожно добрался до постели и, не снимая махровый халат, лег в кровать.

Утром за своим подопечным зашел Азон.

– Друг мой, да с вами обошлись нелестно! – воскликнул он, едва переступив порог. Эфес его узнал по голосу, так как видеть он не мог из-за припухлостей на лице.

– Вот что. Немедленно собирайтесь! Вас надо показать врачу.

Швыряя одежду, а кроме формы, перепачканной кровью, у Эфеса ничего другого не было, то Азон, естественно, швырнул Омару ее.

– Нет! – категорически запротестовал Эфес. – Я не хочу позора и насмешек, хватит с меня того, что вы меня видели.

– Да бросьте, Эфес. – Настаивал Азон. – Никто на это не обратит внимания. Все мы по очереди ходим с подобного рода вещами время от времени. Обычное дело, без которого служба в охране немыслима. Поверьте, дружище. – Убеждал Азон, пуская в ход красноречие обаятельным спокойным голосом. Эфес был неумолим. Видя бесполезность уговоров, Азон запустил последний довод: – А что скажет Президент, не видя вас на службе?

– Я предпочитаю честь превыше службы. Насмешки других приговор для меня!

Азон нарочито с восхищением посмотрел на Эфеса: – «Да, с таким не соскучишься». Сдерживая улыбку, подумал он.

– В таком случае мне сказать нечего.

– До свидания, лейтенант. И не таите на меня зла. – Сказал, прощаясь, Эфес.

– Бог с вами, друг мой. – Уходя, обронил Азон...

– Твердость духа налицо! А! Каково, предпочитаю честь службе! А! – президент восхищенно сказал Азону, когда тот доложил о случившемся. Азон добавил: – У этих пастухов упрямы больше, чем у баранов.

– Лейтенант, если вы дорожите мундиром, советую прежде думать, затем пускаться в подобного рода рассуждения. – В серых глазах Тира сверкнули молнии, во всяком случае, так показалось Азону.

– Идите, лейтенант, и передайте Эфесу, что я даю ему три дня на выздоровление.

– Есть, Господин Президент! – Азон щелкнул каблуками, направляясь к двери.

– Стойте, лейтенант! – крикнул вдогонку Тир. – Когда он придет в себя, займитесь вместе с капитаном Думаром и обучите его всему тому, что мешает в подобных ситуациях получать отметины.

– Да, но, Господин Президент...

– Если для этого понадобится год, два, то не стесняйтесь, я не буду возражать.

– Есть, Господин Президент!

– Да, и еще скажите Думару, пусть зайдет.

– Хорошо. – И за Азоном закрылась дверь...

Глава четырнадцатая

Тир смотрел выжидательно, не мигая взглядом серо-стальных глаз, на дверь. Что скрывалось за этой непроницаемой пеленой, лицом, хранившим монументальное спокойствие в минуты раздумий и отчаянной внутренней борьбы? Не дано познать...

Все знали его, как твердого и решительного, хоть и молодого еще, совсем зеленого для государственного деятеля, но мудрого преемника Лакия. На пороге появилась высокая статная фигура Думара.

– Что угодно, Господин Президент?

– Думар, подойдите поближе.

Чеканным шагом капитан подошел; звуки поступи, утопая в мягком «мху» ковра, делались неслышными.

– Капитан, вас любил отец, вместо того, чтобы ненавидеть из-за своего сына. Вы же в знак благодарности и пальцем не пошевелили чтобы найти убийцу.

– Но, Господин Президент! – негодуя, вскричал Думар. – Я лежал, разбитый параличом.

– А вам не показалось это странным?

– Что именно?

– То, капитан, быть может Перст Судьбы наказал вас за сына. – Многозначительно глядя на Думара, заявил Тир. – «Он не в своем уме». – Подумал не на шутку встревоженный

капитан. – Ну, хватит духовных излияний, а то вы в самом деле подумаете обо мне, как о сумасшедшем. Так вот, Думар, я вызвал вас для очень серьезного и важного поручения. Справитесь – ждите повышения, потерпите неудачу – немедленное увольнение без пособия.

– Это позор для личной охраны Президента – не выполнить приказ. Я слушаю, Господин Президент.

– Ценю вашу уверенность, капитан.

– Рад служить Миражу!

– Похвально, капитан, вы уже ознакомились с уставом дворцового этикета. Так вот. Вы найдете убийцу. Но будете это делать в тайне ото всех. Никто не должен догадаться об этом. Срок я вам не называю, чтобы не вводить вас в заблуждение, о нем вы узнаете, когда потерпите поражение или одержите победу.

– Могу я узнать, Господин Президент, сколько лет или дней мне отпущено?

– До полной победы. – Уклончиво ответил Тир.

– «Вот бестия. Хочет держать меня, как собаку на привязи». – А вслух добавил: – Разрешите приступить к выполнению.

– Не торопитесь, Думар. О нашем разговоре никто не должен

знать. Я же вас вызвал для другого дела. Как известно, идет строительство Столицы. По нашему Высочайшему распоряжению ее возводят в центре пустыни. Для обеспечения надежной закладки стен дворца и с целью их безопасности вам надлежит бывать там и осуществлять надзор за объектами особой важности, вот тут! – Тир наклонился над планом дворца, – Отмечено, на что обратить особое внимание.

– Думар внимательно осмотрел расположение комнат, кабинетов, приемных, коридоров. План пестрел красными кружками отметок.

Президент комментировал: – Здесь, я надеюсь, не будет заложена радиоуправляемая мина либо подслушивающее устройство. Проследите лично за сигнализацией стен, ну, и будете докладывать каждую пятницу о ходе строительства, ну и заодно о делах расследования. Помните, Думар самое важное – это найти убийцу. А он и его соучастники не дремлют. – Тир сделал паузу. Заложив руки за спину, он вышел из-за стола и нервно подошел к окну.

– У него прямой с горбинкой нос. Рост на сантиметр ниже вашего. В плечах поуже, сухощавый, глаза черные. Волос и подбородка я не разглядел, так как он был одет в плотно облегающей костюм, закрывавший уши и подбородок.

– Не густо. А что, Господин Президент, вы уверены, что он среди нас?

– Ну, вас я уже точно не подозреваю, можете не сомневаться в этом. Дело в том, что эта банда была хорошо осведомлена о часе и маршруте операции, следовательно, здесь работает осведомитель.

– Либо подслушивается система.

– Но все равно же кого-то прослушивал и руководил.

– Я сделаю все, поверьте, Господин Президент, и не под страхом увольнения.

– Ценю вашу преданность, капитан. Служите мне как отцу моему, и я вас не обижу.

– Разрешите идти!

– Идите!

Думар вышел, чуть хлопнув дверью. Тир погрузился в размышления, его занимало строительство. – «Отец был не прав, что согласился за свой счет возродить Мираж, ну, мы исправим». Он сел за рабочий стол и вызвал адъютанта. Краснощекий лейтенант мигом появился в дверях.

– Слушаю вас?

– Риши ко мне!

– Есть! – и также бесшумно исчез...

– Риши! – сидя в своем кабинете за рабочим столом, говорил Рени, своему лакею! – этот молокосос назначает расследование, вы слышите?!

– Орт не зря отпустил бороду.

– Значит, он знал, что Тир жив?

– Провидение только спасает человека, брошенного среди ада песков. – Уклончиво ответил лакей.

– Да, да. – Согласился Риши. – Он на этой местности строит Мираж. Вот ловкач, и одним махом покончил с безработицей. Вот если бы он решил дела казны, я бы где-то был даже рад его спасению. – Сказал Риши, глядя снизу-вверх на своего лакея и соучастника, который стоял рядом возле кресла. Раздался стук в дверь. Советник быстрым движением выключил подслушивающее устройство.

– Это уже за мной. – Сказал Риши, жестом приказывая Рени удалиться. Подождав, пока тот уйдет, громким голосом добавил:

– Войдите.

На пороге показался адъютант.

– Вас просит Господин Президент.

– Уже иду.

Через три минуты Риши предстал перед Тиром.

– Господин Советник, соберите кабинет Министров. Будет единственный вопрос строительства Миража на средства подданных стран.

– «Что он себе позволяет, – вскипел от гнева и зависти Риши, – подданных? А, куда хватил? Уже подданных?! А ведь на совещании речь шла только о союзничестве». – Вслух сказал, с трудом овладев собой: – Господин Президент, не лучше ли было бы связаться с каждым в отдельности по видеосвязи и выступить со своими предложениями. Так будет оперативнее и быстрее.

– Так будет выгоднее нашим членам кабинета отстаивать свои позиции. Здесь мы их заставим подписать новое Соглашение.

– Да, вы правы, Господин Президент! – восхищаясь и скрепя сердце, выдавил из себя Риши вслух, в уме же подумал: —«Ведь на его месте должен быть я!» – сдерживая

волну нахлынувшей ярости, он опустил глаза, впериw невидящий взгляд з узоры ковра.

Позиции каждого врага, выслеживающего свою жертву, всегда выгоднее, чем самой жертвы. Преступник действует в тени. Его замыслов не видно, он скрыт и терпелив в ожидании удобного случая. Напротив, его жертва видна всем. Ее действия ничем не прикрыты, и этим пользуется враг, нанеся предательский удар из-за угла удобного случая, порой смертельный, порой сокрушающий жертву на продолжительные безысходные страдания. В душевном смятении вышел Думар из кабинета Президента.

Тир пойдет на все ради розыска преступника. Слепленный жаждой мести, он будет крушить все и вся, и первым на пути к нему стал Думар. Капитан понимал, что, не найдя виновника, он будет жертвой мести, какой – ему успел сообщить Президент. Чувство собственного достоинства ущемлено, и единственным спасением Думара – поимка неизвестно где скрывающегося врага, лицо которого лишь мельком увидел он в нападающем самолете. Лицо, которое он узнал бы из тысячи лиц.

– «А может, это Орт?» – пронеслась мысль, но тут же исчезла, подавленная безупречностью положения. Ведь он же в личном распоряжении Риши. Нет, это исключено, хоть и есть сходство. Но ведь мало ли похожих людей. А двойник Тира? Вот кто мог бы порассказать. Да, жаль, что этот растяпа сержант всадил ему по ошибке яд, за что и поплатился жизнью. Думар шел, опустив голову, по длинному коридору дворца в служебную комнату, где собиралась дежурная охрана. Еще издали слышался громоподобный смех здоровых ребят, какими были солдаты и офицеры охраны. Рядом с караульным помещением находилась комната отдыха офицерского состава. Там на мягком диванчике сидел Азон и читал «Вестник».

– А, капитан! – приветливо улыбаясь, встал он навстречу другу.

– Что не веселы, Думар?

– Президент поручил контроль над строительством дворца. В этом аду...

– Да, и дернул же его леший строить в пустыне Столицу.

– Это еще что? Но поручать охраннику контроль над строителями и архитекторами, это как назвать? Я ведь в чертежах ничего не смыслю.

– Не отчаивайтесь, дружище, вам помогут специалисты, главное – организовать работу. – Как умел, успокаивал его Азон.

– Хорошо вам говорить, лейтенант, скажите-ка, что с вашим подопечным? Где он?

– А, сержант-любимчик на посту у двери своего благодетеля. Через час смену.

– Ну вот, дорогой Азон, пришел попрощаться, улетаю в Мираж.

– По-моему, это прекрасно! – склонность к мечтательности не отпустила Азона и на этот раз, – Среди песка растет белокаменный гигант.

– Да, если не учитывать, чего нам это стоит.

– Ну, хорошие начинания всегда требуют определенных затрат.

– Вы меня извините, Азон, но у вас я искал утешения, а вы меня не поняли. – Думар, вздохнув, поклонился и вышел.

– «Странно, что особенного – контроль? Гм, тут, видно, дела посерьезнее». – Азон подсознательно сочувствовал неладное и опроретью выбежал следом.

– Думар, стойте! – он настиг его на лестнице, – Я хотел бы вам сказать, если вдруг понадобится моя помощь, дайте знать, и протянул ему правую руку. Друзья обменялись крепким рукопожатием...

Строительные работы продвигались с невиданным энтузиазмом. Вчерашние враги, сменившие военную форму на синюю спецовку, представители ста пятидесяти государств, трудились плечом к плечу, и этот коллективный труд спаял, соединил и сплотил всех бывших врагов. Везде Думар встречал улыбок счастливое торжество. Работы велись только ночью, днем все спали глубоко под землей в общежитиях, которые после превратятся в холодильные камеры продовольственных баз. На строительстве дворца было занято около двух тысяч рабо-

чих. Коробка была уже почти воздвигнута. Президент торопил, он мечтал к середине зимы въехать во дворец и руководить Миром

из Столицы Мира. За стенами дворца воздвигались жилые массивы по ультрасовременным проектам, разработанным программам лучших архитекторов Мира. Город был шедевром мировой архитектуры, и если проект воплотится в жизнь, то Тир увековечит этим памятником свое имя и мастерство современников строителей на века. Но венцом города стал парк и река. Город решено было строить на искусственном холме из намытого водой песка. Тысячи помп качали из озер, образованных за счет подземного природного водохранилища, водно-песчаную эмульсию, создавая подушку будущему городу. Затем кольцо скважин соединилось в выбранное русло. Образовалось кольцевое замкнутое озеро, или канал под названием Непри. Из Непри протянули несколько русел в окрестные пески, где копошились переселенцы особо пострадавших стран. Они строили из готовых конструкций домики и уже приступили к возделыванию почвы. Барханы оказались плодороднейшей землей, собранной ветром с обширнейшей территории. И вскоре окрестности зазеленели в порослях молодой растительности. Тир не ошибся в своих расчетах. Благоприятнейший климат, позволяющий собирать по несколько урожаев в год, превращал пустыню в новый невиданный край. Мираж становился столицей Мира и его житницей. Вода и зелень быстро меняли климат. Резкие колебания температуры уменьшились. Теперь днем не так пекло солнце, ночи стали теплее. Аккуратно, каждую пятницу, Думар докладывал Президенту о ходе строительства дворца.

– Господин Президент, еще осталась крыша и отделка внутри. Парк уже разбит. Деревца хорошо прижились.

– Нельзя ли поторопить строителей?

– Нет, они идут на три месяца раньше сроков.

– А что слышно о преступнике?

– Мои соображения такие...

– Мне нет дела до ваших соображений! – теряя терпение, вскричал Тир. – Мне нужен преступник до въезда во дворец.

Думар сник. Тир внимательно, испытующе посмотрел на него: – «Нам нужны преданные, надежные люди...» – вспомнились слова отца. Он смягчился. – Капитан, не терзайте себя. Продолжайте искать. Но подслушивающую аппаратуру уничтожить беспощадно. И поймать того, кто попытается установить что-либо подобное.

– Есть, Господин Президент.

– Идите!

Думар вышел.

– Каков гусь? – Риши, слушая разговор, сказал, и вопросительно взглянул на Рени.

– Нам не удалось установить ни один микрофон. – Сказал лакей.

– Это не ваша вина, Рени.

– Я не совсем понимаю вас, Господин Советник.

– У меня есть надежный человек в моем кабинете Министров.

– Вы меня поражаете, Господин.

– Вы тоже надежный человек, Рени. Он изготовил мне микрофоны, замаскированные под камни щебня. Вот, взгляните. – Риши бросил на стол несколько серых камушков гранита.

– Скажите, который из них микрофон.

Рени наклонился, внимательно осматривая сколы на разнобоких неровных гранях.

– Нет, это обыкновенные камни.

– Да, но не совсем так. Места соединений нужно искать на гранях. Вот посмотрите.

Риши взял один из них, повертел в руках.

– Нет, не этот. Ага, вот этот. – Он взял еще один. Затем повернул удобной стороной и открыл, как коробку. Внутри размещалась металлическая таблетка микрофона, работающего на резонансной волне от генератора питания, установленного на удалении.

– Надеюсь, рассказывать нет смысла, как их установить.

– Да, по плану сейчас отделочные работы.

– Ну вот, для отделочных колонн камина в кабинете Президента нужен бетон. Вот и заметят строители эту щебенку.

– А кто подбросит это?

– Уже микрофоны в куче щебня во дворце. Вот послушайте, Рени, – Риши щелкнул выключателем. Послышался треск в приемнике, стоящем тут же на столе.

– Заработал генератор. – Комментировал Риши. Треск перерос в далекие слова и сформировался в речь.

– Давай раствор. – Послышались удары металла по камню, звон и треск, затем хлопок, и звуки стали отчетливее. Слова строителей доносились словно из пустой бочки, оказывалось эхо в пространстве отделяемой ими комнаты.

– Орт незаменимый следопыт!

– Вы правы, Рени, но и ему все доверять нельзя. Да! Вы обещали сообщение со строительства космического корабля.

– Да, Господин Советник. Уже доставлен корабль на полигон. Ведутся вспомогательные работы на стартовой площадке.

– Хорошо. Если будет все готово к старту, сообщите.

– Хорошо.

– Докладывайте, Рени, как идут дела по строительству моего бункера.

– Ваш преданный человек под подвалом дворца уже создал бункер, сейчас занят монтажом аппаратуры.

– Как соблюдаются меры секретности?

– Строители-монтажники аппаратуры работают под видом слесарей-сантехников, и часть из них ведет монтаж сантехнических коммуникаций. Остальные десять человек – монтаж аппаратуры.

– Очень хорошо. По окончании работ наградить всех, как условились.

– Вы мне того не обещали, что им.

– Вы, Рени, всегда при мне и будете при мне, вам хватит. А вот они должны молчать, а заставить молчать можно только двумя способами, первый я не называю. – Риши сделал намек на «смерть Тира», – Второй – это деньги. Каждому из них этой суммы хватит

на всю жизнь их внукам и детям внуков. Мое средство верное, Рени.

– Хорошо.

– Идите.

Рени змеей выскользнул в свою дверь. Риши нажал кнопку вызова. В кабинет вошел Орт.

– Что угодно, Господин Советник?

– Вы помните, что вам предстоит ответственная миссия в космосе?

– Да, Господин Советник. Мне до чертиков надоели тренажи в Космическом Центре. Там все уже смеются надо мной. Говорят, что я собираюсь царскую казну переправить в Космос.

– Не обращайтесь внимания. Орт. Сам Президент благословил вас на это.

– Как? – удивился тот.

– Под видом испытательного полета вы должны будете провести пробный выброс спутника с ядерным устройством за пределами Солнечной системы и взорвать там. С ведома самого Президента этот полет пройдет в повышенной степени секретности, вне служб слежения.

– Прекрасно, значит, можно будет уничтожить комету и оставить все в тайне.

– Безусловно. Но расчет траектории полета – вот в чем сложности.

– А, не беда. Я сошлюсь на отказ автономной системы и изменю курс по направлению к комете, перейду на ручное управление.

– Вы молодец Орт. Считайте, что погоны генерала в моей будущей армии ваши.

– Считайте, что вы Президент, мой Господин. – Орт поклонился и вышел без разрешения, как генерал. Риши еще долго смотрел на дверь своего кабинета, на лице его застыла лисья улыбка...

Кабинет Министров заседал в актовом зале дворца. Риши заблаговременно созвал своих членов кабинета с тем, чтобы подготовить моральный дух заседания. Собравшимся за две недели до начала его зачитывались отчеты о работах по освоению пустыни с выездами на места, заселенные иностранными рабочими-добровольцами. Всюду участников встречали счастливые улыбки и приветствия. Тир ожидал, что успешные перемены по освоению бесполезных песков вызовут бурю одобрительных возгласов и похвал, но Министров разбирало уныние. Вместо того, чтобы принимать участие в ликвидации последствий разрухи в беднейших странах. Тир создавал

себе могущественное государство, да еще и требует для его укрепления средств. Нет, они не согласятся ни за что. Вступительное слово взял Тир. Он приветствовал всех участников, затем сделал беглый обзор-отчет о состоянии дел в Лакии и в мире и закончил словами:

– Для борьбы с голодом и разрухой необходимо создать источник продовольствия, и этим источником является пустыня Пастка, расположенная между горным хребтом Кебзак и Аркией. Природные условия словно специально создали эту кладовую запасов. Под мертвыми барханами из плодороднейшей почвы расположено море пресной

воды, пополняющееся подземными реками с ледников Кебзака. Орошение безжизненной площади даст несколько урожаев в год, это колоссальный запас продовольствия всему миру. И я призываю всех, здесь собравшихся, объединиться и совместными силами поднять ниву. Превратить Пастку в житницу Мира. Ему зааплодировали, но большинство хранило хмурое молчание. Вторым выступил Риши. Он назвал конкретные цифры сумм, которые должны быть безвозмездно внесены в казну Лакии для освоения пустыни и строительства Миража. Каждая сумма вызвала протест. Министр той или иной страны, к кому обращался Риши, вскакивал с места со словами:

– Я протестую!

Шестьдесят процентов представителей стран из ста были против взносов, ссылаясь на резолюцию Совета Перемирия. Остальные сорок разделились на полностью поддерживающих Тира – их насчитывалось тридцать процентов – и десять колеблющихся. Тир негодовал взносы уплатили всего сорок процентов стран,

участники которых присутствовали на заседании, остальные шестьдесят отказались.

На заключительном заседании Тир выступил с угрожающей речью:

– Я обращаюсь к тем, кто не сделал взнос. Вы поступили предательски по отношению ко своему народу. – Его последние слова потонули в поднявшейся буре негодования. С мест полетели реплики:

– Вы недостойны звания Президента Мира!

– Вы смутьян и разрушитель наследия Лакия!

– Вы... – Доносилось со всех сторон из полукруглого амфитеатра зала. Тир стоял за маленькой трибуной посреди площадки, полумесяцем выступающей над уровнем пола, втягивая с каждой репликой голову в плечи...

– Пишите приказ! – злым твердым голосом чеканил слова Тир. Риши со склоненной головой стоял перед рабочим столом Президента, фиксируя каждое слово в красной папке.

– К странам! – он перечислил названия стран, не поддержавших его инициативы, – Применить чрезвычайные меры! – это значило, что всякие сношения с Лакией и Союзом Перемирия разрываются.

– Как?! – выпучил глаза Риши! – вы объявляете войну большинству?!

– Не бросайтесь словами, Господин Советник. Это не война, а всего лишь санкции к нежеланию людей понять пути к своему благу.

– Этим мы поссорим мир! – глухим голосом обронил Риши.

– Этим мы преподнесем урок. А когда они одумаются, то внесут суммы, в два раза больше названных.

– «Это грабеж на государственной основе!» – чуть было не вырвалось у Риши, но он вовремя сдержался, так как Тир продолжал, рассекая воздух правой рукой, сжатой в кулак: – Я научу их повиновению!

Риши втянул голову в плечи, от чего его сутулая спина выгнулась дугой...

От Тира Риши вернулся к себе в дурном расположении духа.

Что он скажет своим друзьям на закрытом заседании кабинета? Как отнесутся к нему его союзники? Ведь теперь фактически и он разрывает отношения с ними. Труднее станет бороться с Тиром. И он решает форсировать полет Орта в космос...

Азон дежурил у кабинета Тира в тот день, когда он принял решение созвать кабинет Министров. Из глубины длинного коридора показался Орт: – А, дорогой коллега! – еще издали он окликнул Азона. – Ну как ваши финансовые дела?

– «Вот бестия, знает, что я собираю средства». – Подумал Азон, но в слух сказал, – Да так себе! – и в ответ спросил, – Вы не собираетесь выходной провести на скачках? Будут лучшие рысаки из Южного Полушария.

– Я бы рад, да вот в это время у меня занятия в клубе.

– Вы туда регулярно ходите? – ухватился Азон за спасительную ниточку разговора, удивившего от денежных проблем.

– Да, регулярно. Все-таки здоровье, ну и стол.

– «Бесплатный к тому же» – подумал Азон, но от высказываний вслух на эту тему отказался, лишь проговорил: – Я вот тоже возобновляю занятия.

– Как, это на вас не похоже! – воскликнул, удивляясь, Орт.

– Мой молодой подопечный, сержант Эфес, слышали о таком?

– Как же, весь дворец гудит о молодом счастливице, полюбившемся Тиру.

– Он спас ему жизнь.

– Да, это все знают и страшно завидуют. Подумать только пасту-х. – С гримасой брезгливости сказал Орт. Последние слова долетели до уха Эфеса, который в это время шел на смену Азону.

– Ах, это ты, негодяй! – закричал Эфес, бросаясь на Орта. Тот, почти не меняя позы, движением левой руки перевел стремительное направление туловища Эфеса чуть левее и подставил левую ногу. Эфес споткнулся, рассекая головой воздух, промчался

мимо и растянулся далеко от Орта на мягкой дорожке.

– Знакомьтесь ближе, Орт! – Эфес! – сказал, полушутя-полусерьезно, Азон. Эфес тем временем начал движение в обратную сторону.

– Вы, молодой человек! – обращаясь к приближающемуся сержанту, сказал Орт, – Прежде чем бросаться словами, думайте!

В ожидании развлечения от нудного однообразия службы, лейтенант-адъютант высунул голову из приемной и с любопытством вращал округлившимися глазами. Но Эфеса остановить уже было невозможно. Он ухватил Орта за лацкан отворотов форменной куртки, намереваясь опрокинуть вниз, но тот, не меняя позы, быстрым ловким движением обеих рук ударил Эфеса по бицепсам. Лицо нападавшего сержанта исказила нестерпимая боль. Руки плетями повисли вдоль туловища. Сквозь полуоткрытый рот и стиснутые белые, как жемчуг, зубы прорвалось: – Скотина!

– Учтите, Эфес, я не прощаю оскорблений.

– Я тем более, таким, как вы, подонкам, не прощу того, что вы сделали с моим отцом! – гневно цедил слова Эфес.

– Это интересно, и где же нашли его труп?! – продолжал издеваться Орт. Азон поспешил замять ссору, так как возле них уже собралось несколько человек военных из дворцовой охраны.

– Друзья, я не понимаю, в чем дело, но лучше всего вам объясниться наедине, где-нибудь без свидетелей. – Сказал Азон. Орт резко повернулся спиной и через плечо кинул Азону:

– Лейтенант, меня можно найти в клубе, там, если изволите? – он кивнул в сторону заставшего в бессильной злобе Эфеса, – И там продолжим разговор.

Орт удалился на лестничную площадку в ожидании Риши. Советник вскоре вышел из приемной, возле которой гудела кучка слоняющихся в ожидании вызова, и темпераментно обсуждала происшествие. Он бросил любопытный взгляд, стремительно направляясь коридором. К нему у выхода на лестнице присоединился Орт. Адьютант

Тира тут же вызвал Эфеса к Президенту.

– Вы даете отчет своим действиям?! – сходу, как только сержант переступил порог кабинета, строго сказал Тир.

– Но этот Орт ограбил в свое время отца, шантажом, пригрозив отцу моей смертью!

– Вот как?! – воскликнул Тир. – Вы отдаете себе отчет своим словам?!

– Да, отдаю, я узнал его!

Тир вдруг смягчился.

– Дорогой Эфес, вы молоды, молод и я, но у меня есть небольшой опыт. Дело в том, что когда меня хотели убить, то отцу представили двойника, точную мою копию.

– Как, разве так бывает?!

– Да, как видите, похожих людей очень много, двойники попадаются реже, но они все же есть.

– Не хотите ли вы сказать, Господин Президент, что имя тоже совпадает?

– Это уже интересно.

– Мой отец перевел в Национальный банк полтора миллиона некоему Орту на счет номер три, триста сорок пять, ноль, ноль, один.

– Ну что же, это легко проверить. – Записывая номер счета, оказал Тир.

– У меня будет к вам просьба Эфес!

– Какая же?

– Забудьте о ссоре, постарайтесь не замечать капитана Орта. Он преданный и надежный человек у Риши. К тому же репутация у него не запятнана. От слов Тира Эфес потупил взор.

– А за это я вам благодарен. Я разберусь. Идите и позовите Азона.

Эфес вышел.

– Вызывали, Господин Президент? – сказал вошедший Азон.

– Да, вот, проверьте счет в Национальном банке, кому он принадлежал и доложите мне, это очень важно. Азон взял бумажку с написанными цифрами.

– Есть! – круто повернулся и вышел...

Заседание подошло к концу. Решение Тира уже довел Риши министрам на закрытом заседании. Четко обозначились друзья и враги. После зачитанного приказа Советником еще десять стран сделали взнос, итого 46% приняли предложение Тира, остальные – нет.

Нажитые враги видны, невидимые враги опаснее. Это понимал Тир и ждал, что скажет Думар. А капитан не находил решения.

– Итак, вы полагаете, что убийца не скрывается среди нас? – говорил Тир Думару, прогуливаясь по аллее парка.

– Никаких следов обнаружить не удастся.

– Ну, тогда мы будем действовать иначе. По нашим данным, Орт склонен к преступлениям. Этот шантаж с деньгами... Азон проверил счета, и что же, Орт, лейтенант личной охраны...

– Помнится, он тогда одним махом покончил с долгами. Мы все рты по открывали от неожиданности. – Сказал Думар.

– А что отвечал, когда его спрашивали о деньгах?

– Говорил, что наследство досталось от тетки, где-то под Нарфой имение.

– Все ясно. Установить слежку! Аппаратурой снабдить его форму, пусть делают записи ваши люди и днем, и ночью, там разберемся.

– Есть, Господин Президент! – Думар с облегчением понял, что Тира миновал гнев и что, по всей видимости, ему не грозит увольнение.

– Но это возможно только в случае смены обмундирования. – Поспешил добавить Думар.

– А где шьет себе капитан?

– У своего портного на Пятой улице.

– Ну, не мне вас учить, сделайте так, чтобы он сменил форму. – Сказал Тир.

– Сделаем, Господин Президент. – Ответил Думар.

В ту же ночь двое неизвестных неожиданно напали на Орта, оглушив его ударом по голове. Когда он пришел в себя, то с удивлением обнаружил, что форма на нем состоит из одних лоскутов материи. Думар четко выполнил задание, и ничего не подозревающий Орт облачился в новенькую форму с вшитыми в нее микрофонами.

Теперь каждый шаг капитана Орта был известен Думару. Однажды, прослушивая запись, Думар наткнулся на любопытную деталь: – «Вам предстоит через неделю отправиться в Космос». – Вещал голос Риши.

– «К чему такая спешка, ведь полет запланирован Президентом через три месяца». – Отвечал голос Орта.

– «Через три месяца будет уже поздно. Голодный народ отказавшихся от взносов стран поднимет бунт, до захвата ли власти будет тогда?».

– «Вы правы, Господин Советник...».

Волнению Думара не было предела. Он вскочил с кресла и заметался по лаборатории секретного отдела личной охраны Президента: – «Когда сообщить Президенту – немедленно или позже? Эти часы ничего не изменят. Подождем до утра».

Он снял запись на носитель с приемника, уложил флэшку аккуратно в целлофановый пакет, затем сунул ее в нагрудный карман форменной куртки. Шум ночного города встретил Думара на улице, ведущей к его дому. Утром Думар стоял перед Президентом.

– Рад вас видеть, капитан! – улыбаясь приветливой улыбкой, сказал Тир.

– У меня к вам просьба, Господин Президент! – начал Думар с условной фразы, – Осмотреть макет Миража. Я подготовил план переезда двора.

– Ведите, капитан! – с готовностью ответил Тир. Они спустились парадной лестницей и направились к застекленному павильону.

– Здесь, на алее парка, нас никто не услышит. – Начал говорить Тир. – Надо полагать, вы что-то обнаружили?

– Послушайте, Господин Президент. – Думар вставил флэшку в специальное переговорное устройство и включил запись.

Тир вслушивался в диалог, бледнея на глазах. Его и без того тонкие губы плотно сжались, глаза сузились в щелки, кулаки сжались. Он замедлил шаг, затем выразительно посмотрел на Думара: – Капитан, а ведь это Орт чуть не послал меня на тот свет. – Стало очевидным для Тира то, что Риши послал Орта в след за секретной миссией Тира, чтобы он не долетел до Аркии. – Считайте, что вы справились с заданием. Спешить пока не будем.

Да и Космос не представляет опасности. Подождем. Нам нужны их сообщники, агенты-осведомители и связи с другими странами. Выясните до конца, тогда уничтожим все гнездо сразу.

– Господин Президент, считаю своим долгом предупредить вас, не медлить, иначе они натворят Бог весть что.

– Что именно?

– Пока я не могу знать, но мне кажется, у меня интуитивное чувство.

– Не Отшельник, случайно, привил вам его? – иронизируя, спросил Тир.

Думар не ответил, так как они подошли к павильону. У входа стоял солдат из дворцовой охраны, завидев приближающихся, он вытянулся струной, застыл в стойке смиренно.

Макет Миража был установлен на мраморном полу таким образом, чтобы можно было ходить по «улицам» и обозревать город как бы с высоты птичьего полета. Думар взял указку, висевшую при входе, и с живым интересом стал рассказывать все, что уже сделано в городе. Из рассказа Тиру стало ясно, что половина зданий, примыкающих ко дворцу, уже построены, а сам дворец готов принять постояльцев.

– В конце я хотел бы остановиться на деталях перевозки имущества... – Думар подробно изложит план эвакуации дворца.

– Немного жаль, капитан, старинных стен. Ведь в них прошло мое детство. Я превращу этот старый дворец в музей. Шедевры мирового искусства, живописи и скульптуры, будут собраны в нем. В актовом зале мы установим орган. Любители органной музыки смогут слушать произведения знаменитых композиторов Мира...

Тир еще долго разглагольствовал, мечтая о тихой провинциальной жизни бывшей Столицы. А в душе бурлил гнев, подобно спящему вулкану, готовому в любой момент к извержению...

Глава пятнадцатая

Сквозь треск эфира в наушниках доносился свист реактивных двигателей и голос Орта: – Господин Советник, мне ли вам доказывать, что это опрометчивая ошибка – лететь именно сегодня.

– Ах, милый мой преданный друг, я никогда не делаю то, чего невозможно сделать и в нужный момент. То, что мне не удалось виной непредвиденный случай. – Голос Риши звучал тепло и радушно, чувствовалось, что Орт действительно снискал расположение

Советника, а с ним и уважение, доверие и его защиту.

– Я выполни все, что необходимо. – Волнение в голосе Орта передавалось Тиру, слушающему запись в лаборатории. Он вдруг почувствовал важность полета, но какую? Этого понять пока не удавалось.

– Я напомню вас, – говорил Риши, – что вы должны будете проделать.

– Я и так знаю все наизусть.

– Не торопитесь. Орт. Прежде всего вам необходимо облететь комету и подготовить аппаратуру.

– Да, я сниму информацию на цифровой носитель.

– Затем запустите бомбу и на удалении дадите сигнал взрыва.

От этого бродячего космического тела не должно оставаться и пылинки.

– А вы уверены, Господин Советник, что нам повезет?

– Уверен. Нет в Космосе цивилизации, которая бы не проникла в тайны атома глубже и дальше нас.

Тир вдруг позеленел от бешенства. Он сорвал наушники и нажал красную кнопку на ручных часах. Красная клавиша замигала, по слышался прерывистый писк – сигнал тревоги. В лабораторию со всех ног вбежал Эфес.

– Где лейтенант Азон?!

– Он по вашему распоряжению в Мираже с Думаром, руководят эвакуацией архивов.

– Эфес, немедленно жмите в аэропорт! Там ждет вас мой самолет и броневик с дежурной дворцовой охраной. Пока вы будете лететь на вертолете в аэропорт, они будут уже внутри. Маршрут летчик знает. Во что бы то ни стало задержать Орта!

– Есть!

– Быстро на выход! – но слова эти были излишни. Эфес уже подымался лифтом на крышу дворца...

Ракета показалась на горизонте сигаре подобным телом, устремленным ввысь.

– Дальше поедem на машине! – командовал Эфес.

– Почему мы не подлетели поближе? – спросил пилот.

– Потому, что все полетит к чертовой матери! – раздраженно отвечал Эфес. – После того, как мы тронемcя, взлетайте. Броневик взревел и рванулcя с места в сторону ракеты.

– Километров пять будет. – Сказал водитель.

– Ничего, успеем.

Самолет за их спинами быстро набирал высоту и в считанные минуты скрылся из виду.

До ракеты оставалось метров пятьсот, когда опорные стойки вдруг отошли и из-под сопел заструился дымок.

Эфес сорвал лучемер с пояса. Он стоял на подножке и придерживался за открытую дверцу автомобиля. Ветер рвал волосы и воротник куртки, слепил глаза. Подъехав на расстояние выстрела, он прицелился в двигатель ракеты. Но мощь реактивной струи уже подымала космический корабль из стартовой площадки, сдувая слой почвы за ее чертой. Сильный вихрь

горячей волной ударил в лицо, подхватил Эфеса, как песчинку, завертел в воздухе и бросил далеко в степь. Ракета со страшным рокотом ушла в Космическое пространство...

Эфес очнулся от звона в ушах. Воздух звенел, казалось, тысячи колокольчиков звенят везде в воздухе, сухой траве, облаках.

– Где я? – собственный голос утонул в глухом звенящем пространстве. Он поднялся на локтях. Голова тяжелой глыбой давила на плечи. Привкус крови во рту вызывал рвоту. Хотелось пить. Невдалеке от металлических стоек валялась искореженная грудa металла – все, что осталось от броневика. Эфес встал на колени, затем тяжело поднялся. Сознание вновь провалилось куда-то в мрак, но лишь на миг. Он понял, что стоит на ногах. Шатаясь из стороны в сторону, медленно побрел к искореженной машине.

Сквозь открытую дверцу ему видна жуткая картина сплошного месива из человеческих тел и металла. Он закрыл глаза. Рвота подступила к горлу нестерпимым комом. Эфес долго блевал. Затем ему стало немного легче. Он огляделся. Пустая степь с выгоревшей травой была везде и тянулась ровной, как стол, равниной от горизонта к горизонту.

Ветер, как свободный странник, гулял по широченным просторам, обретая силу, набрасываясь на все, что возвышалось на его пути.

Штанги опор гудели в его порывах, завываниями отдавался он в клочьях волос Эфеса, испачканных степной грязью.

– «Необходимо сориентироваться.» – подумал Эфес, вглядываясь в небо, где, гонимые ветром, металось белыми копнами тучи. Его вдруг осенило. Вдоль пассажирских самолетов летают где-то невдалеке, скорее туда! И, определив по солнцу Юг, Эфес пустился в путь. Сказывалась сильная жажда, слабость пригибала к земле. Но

слух уже улавливал далекое пение птиц и шум ветра в сухих стеблях. Совершенно выбившийся из сил, он включил индивидуальный передатчик-маяк и потерял сознание, чтобы очнуться в Мираже.

– Ну, как самочувствие, Эфес? – спросил озабоченно Думар.

– Где я?

– Вы в Мираже, и скоро придете в себя.

– Что с Ортом?

– Станции слежения уже ведут наблюдение. Он скоро будет у нас в руках.

– Я тоже буду участвовать в операции?

– Ну, дорогой Эфес, это же невозможно! Вы потеряли много крови, вся голова в бинтах.

– Ерунда, капитан. А где Азон?

– Он уже, наверное, вылетел на захват.

Эфес как ужаленный вскочил с больничной койки.

– Где моя форма?!

Думар, видя, что его уже не остановить, приказал принести одежду. Эфес молниеносно оделся и выбежал на улицу. Возле госпиталя стоял чей-то мотоцикл. Он схватил машину и, немедля ни минуты, помчался в сторону аэропорта. Город гигантской строящейся площадкой вставал на его пути, провожая пустыми глазницами оконных проемов.

– «Скорее, скорее, лишь бы успеть, только бы не опоздать!» – несло в разгоряченном сознании. Мелькали молоденьких деревца обсаженного шоссе, ведущего к аэропорту.

Самолет выруливал на взлетно-посадочную полосу. Эфес различил на его борту знак меча со щитом, пустился наперерез. За ним увязалась желтая полицейская машина под дикий вой сирены. С борта его заметили. Азон показался в открытой двери: – Эй, Эфес, давайте скорее сюда.

Сержант быстро подрулил. Бросил мотоцикл и схватился за руку Азона, тот втащил его вовнутрь. Полицейский разъезд, увидев, кто перед ними, занялся погрузкой мотоцикла. Самолет порулил дальше.

– Где будет посадка, вы выяснили?

– Сержант! – оборвал его Азон! – если вы здесь, а мы в самолете, значит, как, по-вашему, мы едем на прогулку?

– Да, да, лейтенант! – поспешил с ответом Эфес, давая понять, что он не собирается нарушать установленную субординацию и перестанет задавать глупые вопросы.

Тем временем под крылом горный пейзаж сменился степью.

– Вот здесь, в этой точке, он готовится приземлиться, сказал Азон.

– Лейтенант, его же будут наверняка встречать.

– Что вы предлагаете, сержант?

– Разрешите мне спуститься и подждать его внизу.

– Вы же совсем слабы, сержант.

– А он в громоздком неповоротливом скафандре.

– Да, пожалуй, вы правы. Мы будем отвлекать встречающих. А вы действуйте, сержант.

Вскоре белый купол парашюта расцвел за бортом. То спускался Эфес, навстречу стремительно неслась степь. Приземлившись, Эфес погасил купол парашюта и кое-как запихнул полотнище в ранец. Комбинезон и цвет степи сливались воедино, с высоты птичьего полета различить Эфеса практически невозможно. Он лег на сухую траву, положил голову на мягкий ранец, стал ждать. А степь пела на все голоса, стрекотанием кузнечиков, голосами птиц и писком грызунов.

Прошло больше часа. Никто не появлялся. Где-то далеко слышен гул реактивного мотора. Затем появился на горизонте вертолет: – «Ага, первая ласточка.» – подумал Эфес, внимательно наблюдая за темно-зеленой «стрекозой». Гул самолета перерос в свист, высоко в небе появился белый след, исходящий от маленькой точки. Затем след превратился в черную точку и вдруг обозначился белым куполом парашюта. Глаз уже хорошо различал гондолу под ним. Вскоре сработали пиропатроны у самой поверхности, отсекая парашют. Гондола мягко коснулась степи. Вертолет тут-же начал снижение к черному обгорелому шару.

«Пора!» – подумал Эфес, целясь в пилота вертолета. Машина горящим факелом рухнула вниз. Прозвучал взрыв и объятые пламенем обломки вскоре коснулись земли. Эфес, не обращая внимания на головную боль и слабость, все же выбрался на гондолу, отыскивая люк. Изнутри доносился скрежет металла, люк дрогнул и поддался вверх. В его открытом отверстии появилось усталое лицо Орта с холеной бородкой и мешками под черными ничего не выражающими глазами.

– С прибытием, капитан! – сказал Эфес, стоя на широко расставленных ногах над растерявшемся космонавтом. – Вылезайте! – командовал Эфес. Орт увидел черный глазок лучемета – повиновался. Выбрался наружу. Эфес шатаясь от усталости, все же помог Орту спрыгнуть на грунт. Гул реактивного двигателя сотрясал воздух, самолет личной охраны Президента, заходил на посадку. Орт в испуге бросился на Эфеса, но тот, собрав последние силы, успел оглушить его рукояткой оружия, нанеся удар по голове. Тело Орта сникло, раскинув руки недвижимо застыло у его ног. Эфес не торопясь обшарил карманы скафандра. В нагрудном слева он нашел то, что искал. Это был цифровой носитель от бортового компьютера вмещавший в себя очевидно всю содержимую информацию о полете. Самолет с вертикальным взлетом уже сел недалеко от дымящихся обломков вертолета.

– Как успехи, Эфес?! – спросил подоспевший Азон.

– Есть! Кажется, то что мы ищем! – протягивая флэшку, другу восторженно заявил Эфес.

– Тогда скорее, медлить нельзя!

Они быстро побежали в сторону поджидавшего недалеко самолета...

Счастливый Эфес не чувствовал под собой ног, шагая по мягкой дорожке длинного коридора к приемной Тира. Новый дворец еще пах краской, и свет, струившийся из окон, заливал пространство вокруг ослепительным сиянием. Солнце сверкало в новеньких полированных

ручках на дверях кабинетов, солнце переливалось, отражаясь в цветных витражах, отгораживающих неожиданные уютные уголки с фонтанчиками и зеленью цветов. Солнце искрилось в глазах Эфеса. За ним еле попевал Азон. Наконец кабинет Президента. Аdjутант вскочил со своего места:

– Вам что надо?!

– Нас ждет Президент! – бросил через плечо, Азон и закрыл дверь кабинета за собой.

Тир сидел за рабочим столом в дурном расположении духа. Последние сообщения из взбунтовавшихся стран весьма нелестно радовали душу.

Услышав стук открываемой двери, он поднял тяжелый взгляд на вошедшего Эфеса.

– Господин Президент! – едва переступив порог, начал тот. – Разрешите...

– Кто вам дал право нарушать Дворцовый Этикет?! – Закричал Тир, ударяя увесистым кулаком по столу.

– Господин Президент! – выступил из-за спины Эфеса Азон. – Мы с хорошей вестью.

– Да?! Докладывайте! – смягчившись, сказал он.

– Господин Президент! – сказал Эфес глухим голосом. – Разрешите мне передать вам запись, снятую с кометы Галла.

– Подойдите, Эфес.

Эфес протянул носитель и дал в руки Президенту.

– Надеюсь, обошлось без жертв? – спросил Тир.

– Если не считать вертолета без опознавательных знаков, уничтоженного Эфесом.

– Ну, это не жертвы. Орт жив?

– Так точно! – выпалил Эфес.

– Вы, Эфес, заслуживаете звания лейтенанта, но быстрое продвижение по службе наживает врагов. Поэтому мое вам расположение, сержант, и повышение жалования. Тир крепко пожал руку Эфесу.

– Благодарю! – отвесив поклон. Эфес отступил на шаг назад.

– А вы, Господин лейтенант, отныне будете получать капитанское жалование.

– Благодарю, господин Президент! – в свою очередь отвесил поклон Азон.

– Идите, друзья, располагайтесь на новом месте.

Оба, воодушевленные успехом, вышли из кабинета.

– Почему не спрашиваете разрешения? – напустился на них адъютант.

– Мы приглашали Господина Президента на новоселье. А когда приглашаешь, какие могут быть разрешения? – отшучивался Азон. Лейтенант вращал выпученными глазами. Эфес, мельком бросивший взгляд на краснощекого адъютанта, отметил поразительное сходство с вынутым из кипятка раком. Приподнятое настроение, солнечный город и предстоящее новоселье пьянили их сердца, как молодое вино.

– Так где же мы будем жить? – спросил Эфес.

– В отеле Луч, что на Соборной площади.

– Это напротив собора Северной звезды?

– Так что, Азон, отметим событие втроем.

– Да, надо сообщить Думару.

– Что вы думаете на будущее? – спросил Эфес.

– Я хочу поскорее скопить немного денег, выйти в отставку и открыть пункт проката туристических самолетов. Очень прибыльное дело.

– Я почему-то считал, Азон, что вы предпочитаете службу чем жизнь в гражданском.

– Нет, я равнодушен к ней. Это необходимость заставляет меня служить телохранителем.

– А я предпочитаю форму гражданскому костюму.

– Вы, Эфес! – Азон чуть было не сказал «чабан», но вовремя вставил имя Эфес, что очень понравилось сержанту, ведь они теперь друзья, если разговор вертится без официального

обращения, «сержант», «лейтенант». – «Видно я прирожденный военный», – не без лести себе, подумалось вчерашнему чабану. А в слух уже не Омар, а Эфес, сказал, – Да! – с гордостью, – Ведь мой отец служил в дворцовой охране, это нужда заставила его стать чабаном, увечье, полученное на службе. За разговором они проследовали по Пятой улице, сплошь застроенной высотными домами. Светло-коричневое покрытие проезжей

части, поглощавшее солнечные лучи, делало пространство вокруг приятным для глаз, а молодые деревья на тротуарах гармонично сочетались с ансамблем архитектурного решения города. Пятая прямая улица заканчивалась широкой площадью, в центре которой высилось готическое здание Собора Северной звезды. Слева от

Пятой улицы располагался отель «Луч». Старинная архитектура отеля сочеталась с ультрасовременным высотным зданием и поражала воображение простотой форм.

В обширном и просторном фойе метрдотель в форменном кителе черного цвета, фуражке с бутафорской кокардой и брюках с двумя широченными желтыми лампасами приветливо улыбался. Он вручил охранникам ключи.

– Ваши номера на тридцатом этаже. Лифт вот, к вашим услугам.

– Простите! – обратился к нему Эфес! – а комната капитана Думара где?

– У нас не числится такой.

– Звание капитан относится к высшему офицерскому сословию, которым предоставляется личный особняк. – Поспешил объяснить Азон

– Так где же его искать?

– Мы переоденемся, а затем пустимся на розыски, хорошо, Эфес? – сказал ему снисходительно Азон.

– Согласен.

Оба скрылись в лифте...

Вскоре они появились. Азон был одет в легкий летний костюм и белоснежную рубашку. Сквозь растёгнутый ворот рубашки был виден на голой волосатой груди массивный золотой медальон на цепочке. Украшение гармонично сочеталось с загаром лица, голубыми глазами, одеждой. На ноги без носков надеты сандалии из толстой коричневой кожи на подошвах и с мягкими застежками, что приятно охватывали подъемы ступней и щиколотки в столь жаркий летний день. Эфес же вышел в черных форменных брюках, заправленных в наглухо зашнурованные форменные полуботинки и куртку цвета «хаки»

с поднятым воротником. Но зато на нем были узкие темные очки «щелка».

Азон смерил товарища с ног до головы взглядом сострадания, вздохнул и отвернулся со скучающим видом. Эфес, заметив это, выпалил:

– Вы что, недовольны?!

– Честно говоря, мне не нравится эта духота. – И надел солнцезащитные очки. В окне вечернее солнце уже окрашивало стены собора в оранжевые тона. Уклончивый ответ насторожил Эфеса. Он почувствовал, что в его одежде что-то не так.

– Ночью будет холодно. – Поспешил пространно оправдаться Эфес. Они вышли на улицу. Несмотря на вечер жара не уменьшалась. Полицейский на перекрестке вращал указательной палочкой, регулируя движение. Сквозь его ослепительно блестящий полупрозрачный легкий скафандр (защита от жары) видна форменная летняя одежда. Мимо прошла поливальная машина. От нее мощными «веером» била во все стороны вода по раскаленному асфальту. Отражение регулировщика повторяло жесты за ним. Эфес с детским любопытством провинциала наблюдал картины городских улиц.

– Как красиво вымахивает!

Азон иронически улыбаясь, поспешил отвернуться, щадя самолюбие сержанта.

Они прошли тротуаром, минуя площадь и «нырнули» на центральную улочку, ведущую в аристократический район Миража. Движение машин здесь было реже. Тишина особенно

приятно ласкала слух. Пешеходы почти не попадались. Лишь изредка они встречали прислугу в лице садовника или служанки. Этих людей можно сразу отличить от аристократии, как правило дешевизной и безвкусицей в одежде. Напротив, богачи одевались с изысканной простотой, с элементами экзотики, вводимой в ансамбль и предпочитали ездить, а не ходить пешком. Эфес во все глаза рассматривал красивых женщин мелькавших в окнах роскошных лимузинов.

– Вон та, – он кивал в сторону удалявшемуся авто, – со сверкающей брошью в волосах, очень мила! – восторженно говорил он. Ведь теперь для Эфеса не существовало преград в общественном сословии классов. Став приближенным Президента, Эфес наивно считал себя аристократом.

– Знакомство на улице не принято в высших кругах.

Холодно заметил Азон. Эфес насупил брови. Хорошенькая горничная, цокая каблучками, с пустой корзиной на руке грациозно приближалась к ним. Ее полупрозрачный безукоризненно облегающий тело белый комбинезон с огромным вырезом на груди подчеркивал все достоинства манящего тайнами тела. А глаза, умело спрятанные под зеркалом темных очков, разжигали любопытство. Азон первым заговорил, поравнявшись с девушкой: – Скажите, пожалуйста, мы правильно идем или нет?..

– Да, вроде вертикально и не шатаетесь. – Перебила девушка чуть грудным бархатным голосом, повергая Азона в трепетное состояние души. Эфес, следовавший дальше, остановился, скучая от нетерпения.

– Простите, но я не договорил! – продолжал Азон, – нам необходимо найти придворные особняки из жилого фонда Президента.

– Правильно идете. Я горничная майора Жевилы.

– Это то, что нам нужно, особняк капитана Думара где?

– Я такого не знаю. – Гордо ответила девушка. В ее тоне звучала та наигранная гордость, которая свойственна особам ее молодого возраста и положения горничной при высоком чине.

– Это капитан личной охраны Тира.

– Его же Ортом зовут.

– Нет, у него имя Думар.

Девушка недоуменно пожалала плечами, в ее очках отразилось солнце.

– Там их особняки.

– Спасибо! – поблагодарил Азон. – А как ваше имя?

– Это не обязательно! – виляя изящными линиями со спины, она уже ушла дальше.

Эфес удивился. Азон, глубоко вздохнув, догнал сержанта.

– Какая женщина! – восхищенно заметил он.

– Ничего особенного не нахожу, служанка. – Снисходительно ответил Эфес.

– «Странное влечение к прислуге, когда вокруг ходят такие женщины! На каждой из них украшений стоимостью на миллион, – удивлению сержанта не было предела, – мне бы его звания и манеры...» – мечтательно подумал Эфес о богатой и красивой невесте. О преданной любви и сердечной теплоте жены. О многочисленных его детях. О том, как они гурьбой навесвят беднягу Дена и о многом другом, что может дать богатство в дополнение к семейному очагу. Тем временем показалась площадь Лакия. В центре площади стоял памятник царской особе. Фигура человеку в парадном мундире, отлитая из бронзы, запечатлена в скорбной позе со склоненной непокрытой головой. В суровом облике благородных черт угадывалось величественное молчание в минуту траура по сыну. Кисть правой руки пряталась за лацканом мундира, а взор устремлен вниз на лежащее в траурном одеянии женское тело матери Тира, несчастной изгнанницы.

Тир распорядился установить скульптуру именно в этом месте, где некогда впервые столкнулся лицом к лицу с пустыней, а рядом воздвиг аристократические кварталы знати. Площадь обсажена со всех сторон молодыми деревьями и пальмами. Обильно поливаемые, они

плохо приживались, но все же бедная зелень на ветвях шелестела в порывах еще вольного ветра пустынного. За памятником Лакию в заходящих лучах солнца сверкало высотное здание комбината по обслуживанию района. За ним располагались двухэтажные особняки, разбросанные среди щетинившейся, поросли из молодых насаждений. Собор Северной звезды был в центре города, и с площади Лакия месторасположение его угадывалось по готическому шпилю, лишь чуть виднеющемуся отсюда из-за крыш высотных зданий из стекла и бетона.

– Нам, кажется, туда.

Азон был больше занят дорогой, чем разглядыванием по сторонам. Эфес еле поспевал следом. Вчерашнего пастуха интересовало все; и площадь, и памятник, и дома, и встречные прохожие, и автомобили, особенно богатые молодые и красивые женщины в них, старых он не любил, равно как и молодых служанок. Азон тем временем следовал уже мимо чопорных двухэтажных особняков из красного кирпича. Аккуратные дворики с выложенными из бетонных квадратных плит дорожками были огорожены невысокими металлическими заборами. На калитках были прикреплены таблички с названием улицы и номером особняка. Эфес растерянно вертел головой, перебегая взглядом с одной

таблички на другую.

– Нет, мы не найдем.

– Кто хочет, тот найдет. – Уверенно заметит Азон. Эфес сделал плоские глаза, на лице его запечатлелось недоумение.

– Вот не думал, чтобы Думар жил рядом с этим негодяем. Заметил раздраженно Эфес.

– Не злитесь, сержант. Для вас он негодяй, для нас коллега, ведь мы подчинены одному и тому же начальству.

– «Снова как мальчишку учит» – недовольно подумал Эфес. Его самолюбие было задето. Он отвернулся, стараясь не смотреть в сторону Азона. Молча они проследовали мимо дома Орта. Мраморные ступени крыльца и фасад выделяли особняк среди других.

Азон уверенной поступью шагнул к калитке и дернул ручку.

Замок не открылся.

– Что за шутки?!

Он повторил действие, но калитка явно была заперта изнутри. Справа вверху загорелась красная лампочка на коробке переговорного устройства, вслед захрипел передатчик:

– Вам кого угодно?

– Капитан Орт дома?

– У себя, но... – На другом конце провода возникла длинная пауза.

– Но что?! – нетерпеливо спросил Азон.

– Он у себя наверху, уже вторые сутки не выходит.

– Собственно, мы не хотим его беспокоить. Вы скажите, где живет капитан Думар?

– А-а. Это двадцать седьмой номер, что дальше?

– Спасибо. – Азон чуть отодвинулся от переговорного устройства, взглянул на номер Орта. Там значилась цифра три.

– Это куда же идти? Влево или вправо?

– Молодой человек! – язвительно заметил Азон, – Учитесь и

перенимайте опыт.

Эфес побледнел от злости, но сдержался.

– Надо стать лицом к нечетной цифре. – Продолжал невозмутимо Азон. – Затем обратить внимание на левую и правую руку, и там, где у вас правая рука, в той стороне будет номер двадцать семь. Эфес мгновенно сориентировался и уже был в движении, когда

Азон кончил говорить. Они шли мимо садилов к нужному номеру довольно долго. Солнце уже спряталось в песках, на улицы пали сумерки и живительная прохлада. Бодрее дышалось. Азон снял очки и спрятал в левый нагрудный карман просторной белой рубашки.

– Темень какая.

После его слов мгновенно вспыхнули уличные фонари.

– Вы колдун, Азон? – Сделал попытку задеть наставника Эфес.

– Да, если учесть, что ночь в пустыне наступает почти мгновенно с моими заклинаниями.

Эфес почти возненавидел Азона. Пылкий норев пастуха будоражил этот горожанин. Ему многое казалось непонятым, и молчаливая сдержанность лейтенанта, и непроницаемый взгляд голубых холодных глаз, и осознанное его превосходство. Особняк Думара оказался предпоследним, на окраине города. Площадь парка за последней двухэтажкой тянулась почти до горизонта. Сюда ветер нанес песка. Он хрустел под ногами, набивался в сандалии и натирал ступни Азона. Эфес же предусмотрительно оделся. И в его наглухо зашнурованных ботинках с запровленными в них штанинами не попало даже песчинки.

Азон нажал кнопку переговорного устройства. Окна были освещены. Там мелькали тени людей.

– Вам кого? – спросил глухой, искаженный передатчиком голос.

– Капитан дома?

– Я слушаю!

– Это мы, Азон и Эфес.

Ответа не последовало, но тут же щелкнул замок, и калитка открылась. На освещенной площадке стояли роскошные лимузины разных конструкций.

– Ого, какие гости! – восхищенно сказал Эфес, указывая на легковые модные модели авто.

Азон не ответил, он лишь чуть улыбнулся уголком рта. Эфес не заметил улыбки. Он жадными глазами пожирал перламутровые, блестящие разными цветами кузова. Ему захотелось иметь такой же изящный автомобиль, а не довольствоваться служебным мотоциклом. В освещенном проеме парадной двери стоял Думар с рюмкой в правой руке. Одет он был, как показало Эфесу, вообще нелепо. На тело наброшена белая простыня, на ногах домашние тапочки.

– Я жду вас с нетерпением, друзья!

– Когда приглашают, говорят где живут. – Заметил Азон. Эфесу реплика не понравилась.

– А мы быстро нашли. Аристократический район все знают хорошо.

А язык и до сокровищ доведет. – Поспешил смягчить колкость друга Эфес.

– Считайте, что вам повезло. – Думар широким жестом пригласил друзей в дом.

Они по ступенькам вбежали на крыльцо и «нырнули» в освещенное пространство, откуда доносились звуки музыки...

Друзья попали в довольно просторный зал. Пол устлан оранжевым мягким ковром. На ковре возлежали в неестественных позах мужчины и женщины, все в набедренных повязках. Посреди ковра сидел, не шевелясь, седой старец. Ноги его скрещены, руки на коленях, сам он походил на статую. Перед каждым стояла рюмка с прозрачной жидкостью, точно такая же, как у Думара в руках. Заунывная мелодия свирели доносилась, казалось, из пространства и повергла Эфеса в состояние жуткого оцепенения, замешанного на изрядной доле страха. Эфес бегло осмотрел лежавших. У всех остекленевшие недвижимые глаза. Никто из присутствующих не дышал.

– Высшее достижение йоги. Испытание смертью. – Полушепотом объяснял Думар. – Они уже больше месяца находятся в этом состоянии без признаков жизни. Эфес был поражен. Поддаваясь природному любопытству, спросил: – Интересно, они бесчувственны так же, как и мертвецы?

– Да, конечно, но потом, когда жизнь возвращается к ним, возвращаются и чувства.

– Вот бы и мне постичь тайны йоги.

– Вы, Эфес, любопытны, как мальчишка. – Заметил Азон.

– Друзья! – вмешался Думар! – Я обещаю вам передать знание йоги.

– Как вы его выманили, Думар? – кивая в сторону Отшельника, спросил Азон.

– Он с радостью согласился, но как попал ко мне, я до сих пор ломаю голову.

Старик сидел, выпрямившись, его мертвенно-бледные впалые щеки и костлявая бездыханная грудь явно противоречили сказанному Думаром.

– А что в рюмках? – спросил Эфес.

– Бальзам, возвращающий силы. Транс смерти истощает организм, глоток бальзама возвращает крепость телу, а вода полноту мышцам.

– Мы помешали вам?

– Нет, Азон, я не могу сейчас этим заниматься по долгу службы, но обещаю вам, в ближайшее время я преподам урок. А сейчас, друзья, я прерываю свои занятия по йоге Шомонов, на сегодня довольно. Думар сбросил простыню с плеч. Перед друзьями предстал атлет. Эфес невольно засмотрелся на великолепное телосложение капитана.

Он вспомнил свое костлявое тело и смутился, опустив глаза на ковер.

– Вы пока отдохните. – Думар указал на террасу, где стояли плетеные кресла. – А я сейчас. – И исчез в двери смежной комнаты.

Друзья уселись в кресла. Вечерняя прохлада тешила бодростью, звала. Эфес в нетерпении задергал ногой. Азон со столика взял кипу журналов, блестящие обложки заскользили, плохо удерживаясь в стопке, и полетели на пол.

Эфеса привлекло фото манекенщицы на одном из них: – Азон, как по-вашему, сколько стоят вот эти украшения?

– Ну, положим, если это кольцо настоящее...

– Как это понимать?!

Азон сдержанно улыбнулся.

– Ну, если оно состоит из бриллиантов, то миллиона два можно дать.

– Да вы что?! – вскричал крайне удивленный сержант. – Как же так? – недоумевал Эфес. – Отец столько вложил труда, здоровья, времени, выращивая золотошерстных овец, а на шее у капризной женщины целых два миллиона. Где справедливость?!

– Не удивляйтесь. – Спокойно листая свой журнал, отвечал Азон. – Это еще что, видели бы вы...

– А вот и я. – Появился Думар. Он был облачен в кожаную модную куртку черного цвета и наутюженные серые брюки. Обут в начищенные до блеска черные туфли.

– Идем.

Эфес вздрогнул, переступая скрюченное тело красивой женщины.

– Думар, вас еще привлекут к ответственности за массовое убийство.

– Азон вы мне порядком надоели. – Хлопая дверцей автомобиля, отвечал капитан. Он раздраженно дергал рычаги управления, выезжая на проезжую часть дороги.

Позади остались огни аристократического квартала Миража.

– Эфес, вы любите хорошеньких женщин? – нарушил молчание Азон.

Вчерашний пастух заерзал на сидении. А назойливый лейтенант не унимался:

– Нет, право, мы едем в филиал дома развлечений Няями, а сержант, как рыба в воде! Как это вам нравится, капитан?!

– Оставьте мальчишку в покое! – вмешался Думар.

Азон пренебрежительно отвернулся. Эфес почувствовал свою неполноценность. Мышцы его вдруг превратились в «клепки» из бочонка для засола огурцов, стянутые металлическими обручами, а язык в деревянную чурку. В этот миг он ненавидел Азона сильнее, чем заклятого врага, Орга.

Думар, почувствовав «грозовые тучи», нависшие над отношениями друзей, свернул в кафе в квартале Ремесленников. Машина затормозила у болтающегося огромного сапога

на стене дома. Под ним пестрела неоновая надпись: «У сапожника». Сквозь витрину кафе видно столики в виде сапожных лапок, только громадных, рядом стояли оббитые кожей табуреты. Внутри два столика были заняты. Не трудясь друзья нашли место в углу.

Мгновенно появился официант с подносом, на котором стояли разнообразные напитки.

– Что угодно господам? – ласкающим голосом пропел он.

– Водки! – заказал Азон.

– Минеральной. – Попросил Думар. Эфес молчал. Официант счел, что заказ сделан, исчез. Все сидели насупившись. Разговор не клеился. Напротив, шлюха за соседним столиком пожирала глазами Эфеса. Появился официант, ловко расставил напитки и закуски. Азон

налил себе рюмку водки и опрокинул. Спиртное быстро ударило в голову.

– Вы, Эфес, дерьмо! – начал он. Бедный сержант от неожиданности втянул голову в плечи, «обручи» врезались в тело, мешали дышать. – Это вам любой скажет.

Предательские слезы наполнили глаза. Нечеловеческим усилием воли Эфес сдержал «плотину» синего «пруда». Думар молчал. Эфес счел это за предательство.

– Вы не мужчина. – Оскорбления сыпались на голову пастуха, осмелившегося стать наравне с приближенными Тира. В эти мгновения Эфес пожалел о своей службе. До боли ему захотелось к отцу, в горы, к овцам. Бежать, бежать прочь от этих кичливых петухов прочь. Он вскочил из-за стола. Очутившись на ногах, вдруг вспомнил о жестком нраве отца с нежностью, а это миг придало силы: – Мой отец служил в личной охране Лакия и получил увечье на службе. Я потомственный охранник царской фамилии, а не пастух,

помните это! – Он щелкнул каблуками и откланялся.

– Каков, а? Пасс-тух. – Придав голосу брезгливые нотки, сказал Азон.

– А ведь он прав. – Вмешался Думар! – Мы ему и в подошвы не годимся.

Азон побелел от злости, но уважение к Думару не позволяло спорить.

В этот вечер лейтенант надрался до чертиков...

Эфес выскочил на воздух, грудь его наконец освободилась от оков и бурно дышала. Он не слышал шагов за спиной, он лишь ощутил чье-то прикосновение и в нервном порыве резко обернулся.

– Малыш, я тебя не обижу. – Нежный голос шлюхи тонул в многообещающем взгляде голубых продажных глаз. Эфес брезгливо отвернулся. Он бродил по безлюдным улицам города до утра. Было холодно. Не верилось, что днем под испепеляющими лучами солнца плавится асфальт...

Глава шестнадцатая

– Где Орт?! – спрашивал Тир у Думара.

Тот стоял посреди кабинета с опущенной головой, молчал.

– Вы будете говорить?!

– Умолк, по всей видимости, сменил костюм.

– А точнее?!

– Спросите у своего Советника. – Дерзко ответил Думар.

– Вы, капитан, не смогли уследить за объектом вашей слежки.

Вы заслуживаете устного порицания. Идите!

– Есть! – Думар вышел, облегченно вздохнув.

Теперь он может заниматься в свободное время с Отшельником. О! Какие тайны расступились перед ним, какие возможности человеческого существа удалось ему открыть. Думар с нетерпением стал дожидаться конца службы...

Тир сидел в глубокой задумчивости. Проникнуть в его мысли невозможно, лицо в минуты радости и страданий, гнева и печали хранило монументальные холодные черты. Напротив, пальцы, нервные, длинные и гибкие, выдавали душевное состояние этого человека. Сжатые кулаки – гнев, переплетены между собой с легким подергиванием – нетерпение, поочередное поднимание и опускание – размышление и, наконец, застывшие – глубокую задумчивость.

А было над чем призадуматься...

– Что угодно, Господин Президент? – сказал вошедший Азон.

– Я вас вызвал по очень неотложному делу.

– Я весь внимание, Господин Президент.

– Необходимо установить точно, где Орт, чем он занимается?

– Я считал, что вы знаете. Только что видел его с Господином Советником у его кабинета.

Переплетение пальцев на руках задергалось.

– Я не хочу их арестовывать, обвиняя в захвате власти и тем самым продемонстрировать врагам свою слабость. Если знаешь все их замыслы, то этим обезопасишь себя.

– Господин Президент, я хочу предостеречь от подобного. Не лучше ли было бы их арестовать, и немедленно?

– Не лучше! Поражение – хуже наказания! Идите и докладывайте все о капитане Орте...

– Вы слышали. Орт, как я и предполагал, он нас и пальцем не тронет. – Потирая руки, говорил Риши! – а мы тем временем кое-что придумаем.

С этими словами Советник развернул карту Миража.

– Вот путь, по которому он следует. – Водил Советник красным карандашом по карте, делая отметки крестиком.

– Смотрите, Орт, он следует мимо собора и отеля «Луч» по направлению к своему бассейну. Вот тут, с крыши отеля, его надо убрать.

– Но это же огромный риск!

– Есть люди, которым это под силу.

– Вы нашли наемных убийц?!

– Да, Орт! – многозначительно посмотрел на него Риши.

– А может, лучше не влезать? Тир дает нам возможность жить тихо, не высываясь из-за его спины.

– Вы не знаете Тира. Он будет играть с нами, как кот с мышками и в конце концов слопают, когда прогневаются.

– Кто эти люди?!

– Не торопитесь. Орт. Вы невезучий, поэтому вам я ничего не сообщу, и благодарите Бога, что остались в живых. Сидите, как мышь в норе. Вы меня поняли?

– Так точно, Господин Советник!

– А теперь идите и отдохайте, даю вам две недели. Орт выпрямился, отрываясь от карты, и, отвесив поклон, удалился.

– Рени, подойдите, я хочу вам сделать одно поручение.

– Я весь внимание! – возник из полумрака кабинета лакей.

– Вот здесь. – Риши ткнул пальцем в квадратик отеля на Соборной площади. – И здесь! – он обозначил крестиком квадратик строящегося небоскреба! – с пятнадцатого этажа удобные позиции для засады.

– Почему два пункта?

– Для верного исхода. Поражения на сей раз быть не должно! – сказал Риши, ткнув грифелем карандаша в карту. Красный конец стержня сухо треснул и покатился по полу.

– Вам, Рени, надлежит выбрать из ваших людей двух снайперов и убить Президента! Я гарантирую вам должность Советника в моем правительстве.

Лакей вдруг выпрямился, в глазах появился неестественный блеск, губы плотно сжались.

– Я готов, Господин Президент!

– Тогда действуйте, Господин Советник!

Оба застыли в предвкушении ближайших перемен, минуты приятно тешили самолюбие.

Рени первым очнулся от оцепенения власти, повернулся и выскользнул в дверь...

Азон вышел из кабинета Президента. Его встретил Думар.

– Ну, что он?! – кивая в сторону двери с золотой надписью «Президент», спросил Думар.

– Дал задание. – Ответил Азон.

– Я так и знал, что вы будете этим заниматься.

– Придется, что делать.

– Скажите, Азон, как вы добрались от меня?

– Превосходно. Попался какой-то счастливчик из молодоженов получивший квартиру.

– Нехорошо получилось с Эфесом.

– Да-а. – Неопределенно протянул лейтенант.

– Ну, мне пора, – откланялся Думар, – ждет пост.

Друзья разошлись в разные стороны.

Азон встретил Эфеса в отеле. Тот сидел в своем номере и с увлечением читал какой-то детектив из серии ограблений.

Когда Азон вошел, он отложил книгу в сторону, с раздражением оглядел его: – Чем могу служить, лейтенант? – сказал сдержано.

– Я к вам по очень важному и неотложному делу. Необходимо установить слежку за Советником и его охраной.

– Это необходимо Президенту?!

– Это касается службы! А что касается службы то нужно Президенту! – назидательно подчеркнул лейтенант.

– Я вам не доверяю, лейтенант. – раздраженно ответил Эфес.

– То есть как, старшему по званию?!!!

– Да! Старшему по званию, но и отъявленному хаму!

– Что-о-о?! -вскипел Азон.

Он весь подался вперед, намереваясь ответить силой на оскорбление, но в последний момент сдержал себя, процедив сквозь зубы: – Когда речь идет о жизни и смерти Президента, все наши ссоры ничто. Но, клянусь, когда мы справимся с этим я отвечу вам на оскорбление!

– С этого надо было начинать, лейтенант. – примирительным тоном ответил Эфес.

Азон подробно изложил, что нужно сделать для этого.

- Операцию проведете сегодня ночью, сержант!
- Хорошо, Господин лейтенант. Все?!
- Эфес, берегите себя и помните, вы мне нужны.

Сержант ничего не ответил, но было видно, как стиснуты руки в кулаки и все тело его напряглось подобно сжатой пружине. Лейтенант тем временем положил на стол в целлофановом пакетике набор микрофонов с клейкими прихватами и вышел. Эфес застыл в недоумении, затем успокоился и стал тщательно обдумывать операцию. Это увлекло его. У двери он обнаружил сумку, забытую Азоном с надписью «для Эфеса». Прочитав свое имя, он вскрыл молнию и нашел внутри черный костюм с подробной инструкцией для его назначения. Внимательно изучив написанное там, облачился в плотно облегающий тело черный шерстяной костюм, делающий человека невидимым в темноте. На голове укреплен маленький фонарик со строго сориентированным лучом. На ноги надел мягкие тапочки с резиновыми шипами для хорошего сцепления с опорной поверхностью, которые обнаружил там-же. Повертелся в этом снаряжении перед зеркалом и выключив свет, снова взглянул на предполагаемое свое отражение в зеркале. Глаза понемногу привыкали к темноте в слабом свете проникавшем через плотно закрытые жалюзи окна с улицы, он стал различать овал своего лица. Недовольно пожав плечами, он нащупал маску с прорезями для глаз, которая лежала на дне сумки и напялил ее на голову, и на лицо. При этом для фонарика было предусмотрено специальное отверстие в маске. Овал лица в зеркале исчез. Примерив все это на себе, Эфес разделся и лег спать, уже напрочь забыв о ссоре. Нужно быть в форме, ведь ночь предстоит бессонная. Предстоящее занимало его мысли и он вскоре уснул...

– Что удалось расшифровать? – спросил Тир по видеофону заведующего лабораторией по шифровальным операциям.

– Цифровая память имеет огромный объем концентрированной информации. Нужной пока нет.

– Черт побери, вы уже возитесь неделю! – кричал Тир в микрофон. – Мне необходимо знать, есть ли там информация о вооружениях?!

– Мы и так не спим уже седьмые сутки.

– Вое! Доложите завтра утром!

Он прервал связь...

Утром сонный голос лаборанта вежливо сообщил: – Уважаемый Господин Президент. Нам удалось расшифровать информацию о каком-то «квази-кварковом оружии».

Тир настороженно сжал переплетенные пальцы до выступившей синевы.

– Да не тяните, докладывайте?!

– Информация о способе получения этой бомбы сейчас на выходе...

– Почему раньше не сообщили?!

– Не хотели беспокоить ваш сон...

– Да какой к черту сон! Вы что там в бирюльки играете со мной?!

Тир долго еще разносил «вдоль и в поперек» сотрудников лаборатории, но все же разразился благодарной речью и закончил: – Ждите повышения в должности!...

– Вы слышите, Рени?! – Риши подслушивал разговор с нескрываемым злорадством. – Он еще запустит бомбу в производство и поможет нам обрести к тому же еще и силу!

– Вами говорит Провидение, Господин Советник. – Согласился лакей.

– Сегодня же убрать этого щенка! – зло приказал Риши.

– Мои люди готовы. Складные ружья с оптическими прицелами они понесут в ящиках для слесарного инструмента. Проникнут на объекты под видом слесарей-ремонтников.

– Действуйте, Рени, да хранит вас Провидение!

В то же время в лаборатории Азон и Эфес, склонившись над усилителем-приемником, тщетно пытались поймать передающую волну установленных Эфесом в кабинете Риши микрофонов. Кроме треска эфира да свистящих шумов ничего не прослушивалось.

– Как я не догадался! – воскликнул Азон! – Риши не такой дурак, как нам кажется.

– А в чем тут дело?

– Он включает помехи каждый раз, когда говорит с кем-нибудь.

– Азон, послушайте, я вчера видел на его рабочем столе карту Миража с изображением на ней каких-то отметок.

– Это интересно, и где они тут? – Азон развернул подошел к висевшей на стене карте.

– Вот тут, где наша гостиница, красный крестик. Здесь, где вот этот небоскреб, на Пятой улице, тоже крестик, и по другой улице от дворца до виллы Президента красная черта.

– Да это же маршрут, по которому каждый день ровно в 16.00 проезжает Президент. Вы молодец, Эфес!

– А что это может означать? – наивно спросил он.

– Все, что угодно. А самое страшное – засаду. Вы ничего не трогали на столе?

– Нет, все там на месте.

– Немедленно, Эфес, мчитесь к небоскребу, а я на крышу отеля. Если это засада, считайте, что вы во второй раз спасаете жизнь Тиру. Вперед, друг!

Эфес ошарашенно смотрел на Азона: – «Шутит он или смеется над наивностью пастуха», -но во всем облике лейтенанта не было и тени насмешки. И Эфес ринулся следом за ним...

Они выбежали из лаборатории, каждый устремляясь в свою сторону по многолюдной улице. Был час пик. Кортёж автомобилей уже выехал из дворца, направляясь по Пятой улице в сторону Собора Северной звезды.

Убийца сводил курок, когда Эфес вскочил на тридцатый этаж строящегося небоскреба и появился за его спиной. Тот вздрогнул от неожиданности. Пуля просвистела у головы Тиры и шлепнулась в дверцу открытого автомобиля. Президент мгновенно остановил кортеж.

– Немедленно вверх! Оцепить квартал! Никого не выпускать! Проверять всех! – командовал он охране. Думар, сидевший рядом с водителем, сообщил по радиации майору Жевиллю о происшествии. Полицейские тут же оцепили улицу, начались обыски прохожих. Эфес в два прыжка очутился рядом с широченной спиной стрелявшего. Тот резко обернулся, нацеливая ружье на него. Но было уже поздно. Эфес уже стоял рядом с длинным дулом, правая рука его железной хваткой легла на ствол. Перед ним возвышался огромного роста верзила. Его тяжелая челюсть и плоский перебитый нос, почти вдавленный в череп, наводили на мысль о переделках, в которых побывал их обладатель. Нависшие лохматые брови почти закрывали колючие маленькие глазки, а лысина побагровела от напряжения. Руки с медвежьей медлительностью стали поднимать ружье для удара. Кривая усмешка исказила уродливое лицо убийцы, говорившая о том, что ее обладатель действует наверняка. Эфес хладнокровно, воспользовавшись медлительностью врага, нанес первым удар головой в солнечное сплетение. Увалень потерял равновесие и со всего маха ударился спиной и головой о

кирпичную кладку. Эфес попытался оглушить преступника ударом кулака по лысине. Но кроме хлесткого хлопка ничего из этого не получилось. Исчезнувшая было улыбка с лица убийцы вновь заняла свое место и сильные, как лемеха плуга, ладони пятернями сгребли бедного сержанта за ворот форменной куртки. Крест-накрест сдавливая воротник, убийца принялся душить свою жертву. Борьба киллеру затянула время для отступления. Подоспевшие полицейские быстро связали преступника, уложив его на носилки и понесли вниз. Эфес шел рядом с неопровержимым доказательством покушения – ружьем. Пострадал в этой истории только Эфес, его голос изменился и сипел, но его рассказ все же слушался серьезно и бес шуток со стороны охраны...

– Лейтенант Азон! – торжественным голосом говорил Тир, обращаясь к застывшему в стойке смиренно охраннику. Рядом стоял Эфес.

– Я выношу вам личную благодарность и добавляю вам жалования за обезвреживание покушения и поимку убийц.

– Рад служить Миражу! – выпалил Азон.

– Вам, Эфес, за поимку убийцы выношу благодарность и также добавляю жалование.

– Рад служить Миражу! – сказал в свою очередь Эфес.

– А теперь, друзья мои, я вправе наградить вас по вашему желанию.

– Господин Президент! – сказал Азон. – Я хотел бы просить вас повысить Эфеса в звании.

Он достоин носить знаки отличия лейтенанта вашей личной охраны.

– Простите, лейтенант, но он помог вам, а не вы ему.

– Это не так... – Азон рассказал, как Эфесу удалось раскрыть заговор.

– Так вы, сержант, настоящий герой! Грош цена тому Президенту, который не замечает смекалистых бойцов. Я повышаю вам звание, отныне вы лейтенант!

– Служу Миражу! – восторженно воскликнул Эфес.

– Идите, друзья! – приказал Тир. И оба вышли из кабинета.

– Что угодно, Господин Президент? – в кабинете Президента появился Думар.

Тир испытывающее глядел на вошедшего.

– Я вызвал вас для доставки поручений Президенту Аркии Вику. Это задание чрезвычайной государственной важности.

– Я весь внимание, Господин Президент!

– Доставите содержимое капсулы и дождетесь ответа. Затем немедленно ко мне.

– Есть, Господин Президент! – Думар подошел к столу Тира и взял из его рук капсулу.

– Идите!

– Есть!

Думар вышел. Сразу же вошел адъютант.

– Что угодно, Господин Президент?

– Майора Жевилья ко мне!

– Есть.

Через три минуты майор Жевилья явился в кабинет.

– Передайте официальный приказ Советнику об его отстранении от занимаемой должности и передайте устно, что Президент учитывает его заслуги перед государством и дарует ему пенсионное пособие. Пусть живет в своем особняке и носа не высовывает за пределы Лакии!

– А как быть с его личной охраной?

– Охрана ни при чем, будет новый Советник, будут и новые приказы.

– Ясно, Господин Президент.

– Идите!

Жевилья вышел из кабинета. Тир еще долго ходил из угла в угол с заложенными за спину руками, с застывшим переплетением пальцев...

Риши сидел в своем кабинете, обдумывая новое покушение, когда на пороге появился начальник дворцовой охраны майор Жевилья.

Советник вскинул от удивления брови: – «Какое хамство входить без стука.» – подумал он и открыл было рот для нравоучений, но Жевилья начал первым: – Волею Президента, Вы отстраняетесь от занимаемой должности и уходите на заслуженную пенсию. – С этим он вручил Риши листок с приказом, скрепленным подписью Тира.

– Что-о-о?! – бледнея и вскакивая со стула, воскликнул фальцетом Риши.

– Тир просил передать, что, учитывая ваши заслуги перед государством...

Но слова эти уже не слышал Риши. Хватая воздух ртом, он свалился без чувств на ковер у рабочего стола. Жевиль высунул голову из кабинета: – Адъютант! врача!

Сам бросился к Риши. Тот хрипел, на тонких губах выступила желтая пена. Жевиль приподнял голову бывшему Советнику и вложил ему в рот таблетку сердечного средства, затем влил воду. Верный Рени стоял рядом, безразлично наблюдая за обмороком уже простого человека, уже безликого, уже превратившегося, по

лакейским меркам, в ничто. Появился врач с двумя санитарями. Он выслушал и осмотрел Риши, затем сделал укол. Санитары осторожно уложили его на носилки и унесли в дворцовый госпиталь...

Думар вернулся на следующий день под вечер с незнакомого угрюмого вида человеком.

– Я давно жду вас, капитан! – первым заговорил Тир.

– Разрешите передать вам ответ Вика. – Сказал вошедший капитан.

Взял капсулу. Тир вскрыл печати, откинул крышку и достал сверток исписанных листов, стал читать, комментируя вслух: – Похвально, похвально. Ну что ж. О! – воскликнул он с восхищением и, отрываясь от бумаг, сказал Думару: – Зовите гостя!

Думар высунул голову из кабинета:

– Эй, адъютант, позовите человека, прибывшего со мной.

Гость стремительно вошел. Это был среднего роста с открытым лицом мужчина. Под его слегка вздернутым носом щетинилась аккуратная нитка усов. Большой лоб, приподнятые брови и серые навывкате глаза – все говорило о крайней, фанатичной преданности.

– «Да, этот будет пятки лизать. – Удовлетворенно подумал Тир. – Такого мне как раз и не хватало.»

– Знакомьтесь, Думар, это наш новый Советник и министр иностранных дел.

– Мисар! – коротко представился вошедший, пожимая руку Думару мягким рукопожатием.

Тир щелкнул кнопкой на пульте. Дверь тут же отворилась и в кабинет вошел Орт. Растерянный вид капитана бросился в глаза всем. Без сострадания на него нельзя было смотреть. Смятый малиновый берет, взлохмаченная, неподстриженная бородка и торчащие в разные стороны усы. Он, с сутулясь, глядел из-под насупленных бровей на Тира, ожидая приговор.

– Ценю вашу храбрость, Орт! – начал издалека Тир. – И хочу, чтобы вы так же верно служили новому Советнику, как Риши.

Торжеству Орта не было предела. Он побледнел, плечи его выпрямились, осанка приобрела былую статью, орлиный нос заострился, в глазах заиграли искорки радости.

– Рад служить Миражу! – выпалил он.

– Знакомьтесь, Орт, вот наш новый Советник, Мисар, и ваш, так сказать, отец родной. Вы поступаете в его полное распоряжение.

– Есть, Господин Президент! – со счастливой улыбкой ответил Орт.

– Идите, капитан! – скомандовал Мисар. – И подождите меня в приемной. Орт вышел.

– Идите, господа. Господин Советник, задержитесь на минуту.

Мисар остановился, быстро повернулся лицом к Тиру и подошел поближе. Думар вышел.

– Мне надо обсудить с вами предстоящие дела.

– Я весь внимание, Господин Президент.

– Нам удалось получить секретное оружие. Вик занимается его изготовлением. Поэтому я вас прошу организовать в тайне ото всех монтаж испытательного полигона на ледовитом материке Атики на Южном полюсе.

– Но там страшный холод! – попробовал возразить Мисар.

– У нас есть южная страна Гляд с суровыми зимами. Поручите ограниченному кругу лиц из этой страны выполнить комплекс работ.

Вот тут. – Тир протянул Мисару бумаги с чертежами. – План сооружений. Мне необходимо, чтобы через месяц полигон был готов принять заряд.

– Есть, Господин Президент!

– Идите и выполняйте!

Мисар, как солдат, повернулся кругом и вышел.

Тир вскинул брови, удивляясь, Риши так не выходил...

– Господин Советник! – вскакивая с места, крикнул вслед убегающему Мисару Орт. – Вы просили меня подождать.

– Я просил вас подождать, капитан, в своей приемной, вы меня не так поняли, капитан! – говорил Мисар, делая ударение на слове «капитан».

Орт ничего не ответил. Мисар его не замечал, молча шел дальше. У своего кабинета он приостановился. Они вошли вместе.

Там у стола стоял в своей красно ливрея Рени с подносом в руках.

На подсосу дымилась чашечка кофе. Мисар окинул худую длинную фигуру лакея любопытным взглядом: – Это еще что такое?!

– Это ваш кофе, Господин Советник. – Поспешил объясниться Рени. – Прежний Господин любил пить его за журнальным столиком, разбавляя порцией коньяка. – Лакей Кивнул в сторону кресел и серванта в углу возле окна.

Новые порядки пришлись по вкусу. Мисар сходу осушил чашечку, почувствовав прилив бодрости, а с ней и расположение к лакею.

Поставив чашечку на поднос, жестом указал Рени на дверь. Но Рени не спешил уходить, он вежливо наклонился к уху Советника: – Моя дверь справа. – Шепотом сказал он, указывая правой рукой на дверь в стене.

– Как это понимать?! – но, подумав, сам себе ответил: – Хорошо, понимайте это, как выход в вашу дверь.

И Рени бесшумно исчез в указанном направлении. Мисар же уселся за рабочим столом и, развернув чертежи, с удивлением обнаружил лист, исписанный почерком Тира:

– «Совершенно секретно! После прочтения немедленно сжечь! Приказываю! капитана личной охраны Орта заточить на пожизненное заключение в городскую тюрьму. Создать там все условия для хорошего существования узника, ни в чем ему не отказывая, кроме свободы. Приказ о его заключении должен исходить от вас, Господин Советник.

Президент Совета Перемирия Тир».

Мисар застыл в раздумье. Затем, отыскав на столе лист чистой бумаги, быстро написал что-то и сложил вчетверо. Запечатав конверт сургучовой печатью, он вручил его Орту со словами: – Господин капитан, передайте это послание майору Жевилю.

– Есть, Господин Советник! – отчеканил тот и скрылся за дверью.

Если бы знал бедный Орт, что он несет в конверте, то наверняка исчез бы, и о нем забыли бы так же быстро, как о бывшем его начальнике Риши. Но, предвкушая новую жизнь, под покровительством нового руководителя, Орта, словно на крыльях, несла судьба в своих когтистых лапах, из когтей, которых, уже сочилась кровь.

Майора Жевиля не оказалось на месте. Орт взглянул на часы, так и есть, конец рабочего дня. Он постоял возле двери его кабинета, в нерешительности, повернулся и пошел к себе домой. Ночь прошла в крепком здоровом сне. Орт давно так спокойно не спал.

Будущность ничем не омрачаемая с ушедшими в забвение грехами, представлялась, перед мечтательным взглядом, светлой и многообещающей.

Орт проснулся рано, почувствовав прилив восстановленных сил, бодрости и энергии.

С аппетитом проглотил завтрак, запил хорошим вином. Оделся и пошел на прием к Жевилю. Майора еще не было. Прождав добрых два часа и собираясь уже докладывать Мисару, он вдруг увидел подъезжающую ко дворцу служебную машину. Из нее показался

майор. Тяжелой походкой по ступенькам парадной лестницы он поднялся наверх и коридором подошел к своему кабинету. Еще издали, заметив Орта, замахал ему рукой:

– А, дорогой капитан, чем могу служить?!

– Да вот, пакет от нового Советника.

– Давайте. – Орт сунул в протянутую руку конверт, повернулся и с нетерпением побежал к выходу. Жевиль сорвал печати, скользнул глазами по написанному. Затем быстро высунулся из окна. Орт в это время был уже внизу.

– Капитан! – окликнул его Жевиль.

Орт недовольно поднял голову.

– Что еще?!

– Подымитесь наверх!

Орт повернулся и нехотя стал возвращаться: – «Странно, Жевиль не встречает в коридоре. Ага, наверно, строчит ответ.» – строил догадки Орт.

В кабинете Жевиль, испытующе глядя на вошедшего капитана, сказал:

– Вы арестованы, капитан! – Орт вытаращил глаза, воскликнул: – Как так?!

– По распоряжению Мисара. Здесь все указано.

Не веря своим ушам. Орт пробежал по мелко исписанному листку: – «...препроводить под личную ответственность начальника городской тюрьмы капитана Жемона. Подпись, Мисар.» У Орта глаза полезли на лоб. Он заметался по кабинету, как загнанный волк в клетке, но два здоровенных охранника умилили пыл, скрутив ему руки за спину.

– Отвести в распоряжение капитана Жемона! – скомандовал им Жевиль.

– До свидания, майор! – сказал Орт, исчезая в дверях.

– Прощайте, капитан! – ответил Жевиль.

Его бросили в одиночную и светлую камеру с предоставлением всего, что пожелает душа узника. Скорее, это была не камера, а просторная, с зарешеченными окнами, открывающими вид на тюремный двор, комната.

Посреди комнаты стоял стол, укрытый скатертью. В углу кровать с мягкой постелью. Тут же, у стены – полки с книгами, телевизор и радиоприемник на нем.

Орт мог с комфортом проводить время. Он также имел свободный выход на территорию тюремного двора. Итак, Орт угодил в тюрьму. А Тир, расправившись с врагами, получил себе в советники послушного и исполнительного министра. Рекомендованный Виком, Мисар умел ценить обретенное волею случая положение, дорожил им и в благодарность судьбе хранил власть Президента дороже собственного глаза...

Глава первая, Книга-II, Эфес

За столом, заваленным бумагами, сидел Мисар. Мерцающий зеленоватый свет исходил от стен комнаты, освещая погруженного в мысли человека.

И черный строгий костюм, и бледная тень лица с печатью тяжелых дум, и тишина пустого дворца – все наводило на мысль, что государственные дела не из лучших.

Пошатнувшаяся власть Президента, собравшиеся с силами народы стран, состоящих в Союзе Перемирия, утверждало в мысли, что времена господства Миража подходят к концу. Одиночество, уподобленная призраку бледность лица, свидетельствовало о том, что этот человек слабovolен. Огромный дворец был пуст, но зато надежно охранялся стражей. Черные комбинезоны гвардейцев из дворцовой охраны мелькали то тут, то там на мягких дорожках коридоров. Под ярким светом звезд во дворах поблескивали их защитные шлемы. Стол пестрел россыпью красочных марок на множестве конвертов, разбросанных в беспорядке по зелени сукна. Содержимые письма в них приносили мрачные вести из отдаленных уголков Мира. Да, было над чем призадуматься Советнику. Народы, обремененные все увеличивающимися налогами и ростом цен, стали перед фактом сытой и богатой жизни главенствующего государства, Лакии.

С момента прихода к власти Тира прошло двадцать лет, что изменилось за этот период?

Да, покончено с голодом и разрухой за счет распределения национальных доходов государств. Да, нет больше войн и беспорядков – есть единая железная государственная система власти Миража над Миром, включающая в себя свод бесправных законов, строго ограничивающих права граждан в Союзных странах. Напротив, граждане Лакии пользовались всеобъемлющими преимуществами. От мечты народов о некоем демократическом Союзе Перемирия не осталось и следа. Тир создал свою Империю Мирового Господства, поставив народы перед более зловещей действительностью – опасностью новой войны с применением кваркового оружия. Советник знал, что Тир не остановится ни перед чем ради спасения власти, ради усмирения народов.

В субботу, после полудня, Президент выступил перед кабинетом Министров с проектом новых законов, один разорительнее другого для подвластных стран, дающих баснословные прибыли Миражу. С особенно резкой критикой выступили министры стран Южного полушария. После выступления Президент уехал к себе на виллу.

Размахивая флажками и яркими букетиками цветов, народ его страны толпился на пути. Народы же ста пятидесяти государств, застывшие у экранов телевизоров, возненавидели его еще сильнее. В адрес Советника неслись телеграммы:

«Освободить Совет Перемирия от диктата Тира!»

«Народам самоопределение!»

«Совет Перемирия превращен Тиром в орудие насилия!»

«Долой!.. Долой!..» – мелькали перед глазами слова телеграмм, врезались в мозг, заставляя содрогаться сердце в паническом предчувствии беды.

Итак, утро, воскресенье. Стремительно поднявшись по лестнице, взволнованный и раздраженный, Президент вошел в свой кабинет. Стены темной комнаты вмиг осветились розоватым светом, любимым цветом Тира, изваяв письменный массивный стол с пультом управления справа, и огромный экран, призрачно очерченный в воздухе посреди кабинета. Он уселся в удобное кресло за этим столом. Волевое лицо с глазами серо-стального оттенка, с лихорадочным блеском в них, принадлежали умной и красивой голове. Мысли сменялись с чрезвычайной быстротой и ясностью. Рука, отыскав нужную клавишу, замерла. Экран вмиг замерцал. Ожил. Объемное изображение мэра Кия, Столицы взбунтовавшегося Южного Полушария, появилось перед взором Президента. Он немедленно, не дожидаясь вопроса, доложил Тиру, что

если не прекратится увеличение налогов и рост цен, то неминуемо вспыхнет восстание. Далее появилось изображение майора Жевиля, начальника дворцовой охраны, посланного Тиром в Кий на усмирение бунтовщиков. Сквозь разбитый шлем по лицу его сочилась кровь. Комбинезон цвета «хаки» был изодран, Его рассказ подтвердил сообщение мэра.

Дело оборачивалось серьезными событиями, поэтому Президент отдал приказ Советнику обеспечить безопасность. Мисар не заставил себя ждать. По его приказу войска к шести утра были стянута к границам Южного Полушария. А дворцовой охране был отдан приказ усилить посты. В парке и нижних этажах дежурили охранники.

В это утро рассвет застал Советника за рабочим столом. В тиши кабинета внезапно раздался медленный бой часов. Мисар резко поднял голову. Рука, обшарив ряды клавиатуры на пульте слева, замерла с девятым боем.

Дверь в стене кабинета бесшумно отворилась. В ней показался человек в красной ливрее и белых перчатках.

– Кто дежурит сегодня? – спросил Мисар вошедшего лакея.

– Охранники майора Жевиля.

– Рени, позовите кого-нибудь из офицерского состава понадежней!

– Да, Господин!

– Пойдите! – задержал Мисар лакея! – помогите мне переодеться. Лакей беззвучно принес полевую форму охранника. Переодевшись, Мисар сказал, – Ну, теперь зовите!

Рени тенью выскользнул в парадную дверь кабинета. Воспользовавшись минутой, Советник стал пристегивать к широкому поясу кобуру лучевого оружия. За этим занятием застал его вошедший офицер. – Лейтенант Эфес! – отрекомендовался вошедший. Это был мужчина среднего роста, подтянутый, с орлиным носом, черной бородкой, с изящными дугами бровей над каре-зелеными умными глазами. Одет в офицерскую полевую форму охранника. От бывшего пастуха, во внешности, не осталось и следа. В его облике чувствовалось то спокойствие, которое приобретает с годами.

Офицер внимательно посмотрел на переодетого Мисара, оценивая всю серьезность положения, заставляющего самого Советника влезать в «шкуру» простого гвардейца. Мисар быстрым взглядом окинул его:

– Сколько вам лет?!

– Тридцать девять! – ответил Эфес.

– Ну это уже сорок. Да не в возрасте дело, Господин Эфес, времена меняются! – делая намек на маскарад, сказал Советник. – Подойдите!

Эфес стал ближе к столу. Мисар вручил запечатанный конверт

Эфесу со словами: – Здесь ордер, возьмите бронированный автомобиль, охрану и доставьте ко мне узника из городской тюрьмы.

Через три минуты броневик в сопровождении двух конвойных на мотоциклах, шурша шинами, покатыл в сторону городской окраины Миража...

– Рени! – обратился Мисар к лакею, – Вы уже более тридцати лет состоите на службе.

– Да, это так. – Не без тени гордости, польщенный вниманием высокородной особы, ответил лакей.

– И обладаете хорошей памятью?

– У лакея нет памяти. – Уклончиво ответил Рени, подумав, – «Хочет выведать тайну бункера».

– Вы, Рени, преданный и верный слуга, и многие тайны дворца открывались вам.

– Да, Господин, одно из достоинств лакея – умение хранить вверенные тайны.

– Тогда ответьте мне, что за человек Эфес?

Рени облегченно вздохнул, – «Значит, о бункере Риши не успел сообщить перед смертью. Теперь никто, кроме меня не знает о

существовании убежища». Мысль о превосходстве в силе над Советником и даже над самим Президентом приятно щекотала самолюбие. Молчание затянулось, но Мисар не прерывал паузу, давая Рени собраться с мыслями. Наконец лакей ответил, – Господин, это преданный и храбрый воин. Господин Жевиль его очень ценит с тех пор, как Президент упразднил личную охрану.

– Но я слышал, что Эфес спас Президенту жизнь, и не один раз!

– Да, это так.

– А не могли бы вы, Рени, назвать мне человека, который бы был хорошо осведомленным о всех делах личной охраны Президента?

– Орт, несомненно это Господин Орт. Он был преданным человеком вашего предшественника.

Мисар удовлетворенно кивнул головой, он не ошибся в своих расчетах, посылая Эфеса за узником. Жестом руки Мисар отпустил лакея. Тот неторопливым движением взял поднос с пустой чашечкой из-под кофе и выскользнул в дверь.

Мисар погрузился в размышления...

Старт корабля назначен на половину девятого. Орт, одетый

в тяжелый космический скафандр, способный выдержать все неприятности космического пространства, стоял возле корабля в ожидании лифта. Рядом, напутствуя своего любимца и верного слугу, стоял Советник Президента, предшественник Мисара, Риши. Полет этот запланирован в строжайшей секретности не только

от Президента, но и от правительственных кругов.

– Вы должны это сделать! – с нескрываемым волнением говорил Риши, уперев крючковатый нос в бородатую щеку Орта. – Чтобы ни случилось, доставить материал, чем скорее, тем лучше для нас обоих.

Порывы степного ветра завывали высоко в металлических конструкциях опор, заглушая слова. Наконец, лифт распахнул зев двери, в котором скрылся космонавт, и быстро вознесся к круглому отверстию входа в космический корабль. Риши изваянием застыл и смотрел маленькими мышинными глазками, как удаляется прямоугольник лифта. И когда Орт вошел в ракету, он уехал к ожидавшему неподалеку самолету. Орт уже отсчитывал последние секунды перед стартом. Самолет Риши уже успел скрыться за горизонтом, как на площадке появился броневик. Мощная реактивная струя отбросила машину как песчинку. Все, кто находился в ней, погибли, кроме одного, это был Эфес.

Полет ракеты проходил без связи по траектории, где нет станций слежения за космическим пространством, поэтому обнаружить корабль в Космосе не удалось.

Выйдя за пределы Солнечной системы. Орт вывел корабль на траекторию полета к комете Галла с периодом вращения в 400 световых лет.

Тем временем Эфес пришел в себя. Обнаружив, что сопровождавшая его группа захвата погибла, решил выпутываться из этого дела сам, не дожидаясь помощи. Выбравшись из груды металла, в которую превратился автомобиль, он двинулся в северо-западном направлении, в надежде добраться до первого коридора движения пассажирских самолетов с тем, чтобы вызвать помощь, а главное, скрыть следы старта ракеты, ибо он действовал в строгой секретности по личному заданию Президента...

Итак, комендант городской тюрьмы, узнав, что Эфес послан самим Мисаром, расшаркался перед ним, пригласил даже на чашку чая. Но охранник и бровью не повел, вручив пакет, остался ждать у ворот. Городская тюрьма представляла собой мрачное сооружение, напичканное новинками электроники, как начинкой пирог. Узники такой тюрьмы, хоть и не видели острого глаза надзирателя, но чувствовали себя не менее свободно, чем побывавшие до них собратья. Заключенный появился на распахнувшейся двери почти одновременно с боем ста-

ринных часов на пожарной каланче, памятнике антиквариата. Эфес вздрогнул, узнав в нем Орта, но, овладев собой, пропустил его в машину, сам сел рядом.

– Во дворец!

В машине Эфес, не сдержав чувств, схватил пленника за плечи.

– Орт! – воскликнул в волнении, – вы ли это?!

– Эфес! – удивление Орта не было предела.

– Я думал, что вас уже нет в живых.

– Почти, похоронен, как видите, заживо.

– Так за что ж вас?! Черт побери!

– С тех пор, как умер Риши, я не заботился о своей безопасности – и вот!

– Да, право, я даже не подозревал об этом, мне казалось, что вы уединились.

– А куда мы едем?

– К Советнику.

– Интересно знать, зачем я ему понадобился?

– Черт его знает, зачем, я даже не знал, что это будете вы.

– Вы его приближенный?

– Я такой же, как в дни нашего знакомства, помните?

– Да, прошло много времени с тех пор. Мисар все еще ходит в любимцах?

– Говорят, он даже влияет на Президента. Если Мисар вас ждет, значит, вы ему нужны.

Это мне нет настоящего дела.

– Да что вы раскисли. Эфес?

– Я сделаю все для вас, а вы, если представится случай, для меня. – Сказал Эфес.

– По рукам...

– По рукам... – И бывшие враги стали друзьями.

Машина остановилась во дворе дворца. По широкой лестнице парадного входа они вошли в коридор. Эфес подвел узника к кабинету Мисара.

– Доложите обо мне министру! – сказал Эфес адъютанту, дежурившему за письменным столом в приемной. Тот исчез за дверью кабинета, спустя секунды три дверь отворилась: – Прошу! – он пригласил войти. – А вас, – обратился адъютант к Эфесу, – просили обождать. Это насторожило Орта. Чувство это еще более укоренилось, когда он увидел Мисара, сидевшего за письменным столом и не поднимавшего головы от бумаг.

Выхоленное, с нежным румянцем лицо министра, безупречно закрученные кверху кончики усов да чопорная борода придавали облику ту неопишемую внешность, которую самодовольство кладет за долгие годы власти. После довольно продолжительного молчания министр наконец соизволил взглянуть.

– А-а-а, это вы! – стараясь как можно ехиднее, проговорил Мисар.

Орт еле сдержал себя от удовольствия размокнуть голову министру своим все еще крепким кулаком.

– За что вы засадили меня в тюрьму?! – гневно прорычал он.

– Ах, да, это было так давно! – тянул слова Мисар. – Вы, кажется, не отказались сделать услугу Риши?

– А! Так вот за что вы упекли меня.

– Я спрашиваю вас, вы летали в Космос по делу министерства или Президента?

– Я летал туда в тяжелую минуту для нашей страны. Это было время быть или не быть войне. И, как вы знаете, благодаря тому, что мы стали во сто крат сильнее остальных, наша страна осталась господствовать по-прежнему.

– Не мало причин, при бывшем министре было не в вашу пользу дорогой Орт.

– Я с таким же успехом могу служить и вам.

– Нет, я не стремлюсь к власти, я сам слуга Президента, – хитрая улыбка скользнула по лицу Мисара, – но я готов помочь вам.

Орт воспарял духом.

– Мне нужны надежные, преданные люди.

– Они есть, Господин министр, эти люди были людьми Президента, если бы они служили министру, он щедро одарил бы их.

– А почему, собственно, вы их знаете?

– Да потому, что они сражались против министра. Вам случалось когда-нибудь драться, Господин министр?

Мисар недовольно поморщился, но ответил:

– В детстве, когда-то, очень давно.

– Так вот, лет двадцать тому назад я сводил счеты со старым своим врагом, преданным человеком Президента. Он нанес мне удар в бедро, от этого я немного припадаю на правую ногу.

– Говорите же скорее, где эти люди? – нетерпением затряс бородкой Мисар.

– Один уже давно служит у вас, а вы не замечаете его.

– И кто же он?

– Господин Эфес.

– Кто?! – удивлению Мисара не было границ.

– Этот Эфес спас в свое время жизнь Президенту.

– О! Расскажите же поскорее, а я поручусь за вас, слово Советника.

– Тогда слушайте. При жизни министра Риши Президент переживал значительные трудности из-за ослабевшей власти, выражавшейся в неповиновении подвластных государств и стремлении народов к демократии. Но самым страшным злом было стремление его Советника Риши к захвату власти. И вот, является во дворец

Отшельник. – Орт, умышленно, искажая факты, начал говорить про себя, не то в шутку, не то всерьез. И о том, что Отшельник спустившийся-де с высоких гор, чтобы донести свет Истины, – И плел разную чушь. Президент счел Отшельника сумасшедшим и приказал вышвырнуть прочь. Советник, конечно, его перехватил и долго беседовал с ним в своем кабинете. Сути разговора я не знаю. После он приказал мне отвезти Отшельника в аэропорт. С этого момента Риши мало показывался и, казалось, даже работал по ночам. Спустя неделю он подзвал меня и вручил пакет, приказав лететь в Южное Полушарие на заброшенный полигон, служивший в свое время для испытания первых космических ракет. Я не знал тогда, что все, над чем работал Риши, стало известно Президенту

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.